

ВИШАКХАДАТТА

МУДРАРАКИЩАСА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

विशाखदत्तविरचितं

मुद्राराक्षसम्

ВИШАКХАДАТТА

МУДРАРАКШАСА
ИЛИ
ПЕРСТЕНЬ РАКШАСЫ

ПЕРЕВОД С САНСКРИТА
В. Г. ЭРМАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 5 9

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Академики *В. П. ВОЛГИН* (председатель), *В. В. ВИНОГРАДОВ*, *Н. И. КОНРАД*
(зам. председателя), *И. А. ОРБЕЛИ*, *М. Н. ТИХОМИРОВ*, *С. Д. СКАЗКИН*,
члены-корреспонденты АН СССР *Д. Д. БЛАГОЙ*, *В. М. ЖИРМУНСКИЙ*,
Д. С. ЛИХАЧЕВ, профессора *И. И. АНИСИМОВ*, *А. А. ЕЛИСТРАТОВА*,
С. Л. УТЧЕНКО, кандидат исторических наук
Д. В. ОЗНОБИШИН (ученый секретарь).

Ответственный редактор
В. И. КАЛЪЯНОВ

МУДРАРАКШАСА
или
ПЕРСТЕНЬ РАКШАСЫ

—
*Драма в 7 действиях
с прологом*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ч а н д р а г у п т а Маурья Низкорожденный,¹ царь Магадхи.
Вишнугупта Ч а н а к ъ я Каутилья, его наставник и главный советник.
М а л а я к е т у, царевич, сын Парватешвары, правитель Горной
Страны.²

Р а к ш а с а, главный советник династии Нанда.

Б х а г у р а я н а.

И н д у ш а р м а н, он же нищенствующий
монах Д ж и в а с и д д х и.

Н и п у н а к а.

С и д д х а р т х а к а, он же палач

В а д ж р а л о м а н.

С а м и д д х а р т х а к а, он же палач

Б и л ь в а п а т р а.

Ч е л о в е к с в е р е в к о й.

Ш а р н г а р а в а, ученик Чанаки.

Ч а н д а н а д а с а, старшина цеха золотых
дел мастеров.

Ш а к а т а д а с а, писец.

В и р а д х а г у п т а, он же заклинатель
змея Джирнавиша.

К а р а б х а к а.

П р и я м в а д а к а, слуга Ракшасы.

В а й х и н а р и, дворецкий Чандрагупты.

Д ж а д ж а л и, дворецкий Малаякету.

Б х а с у р а к а, слуга Бхагураяны.

Ш о н о т т а р а, привратница Чандрагупты.

В и д ж а я, привратница Малаякету.

Ж е н а Ч а н д а н а д а с ы.

} Сторонники и соглядатаи
Чанаки.

} Сторонники и соглядатаи
Ракшасы.

Маленький сын Ч ан д а н а д а с ы, два певца (за сценой), слуги и т. д.
Т е а т р а л ь н ы й р у к о в о д и т е л ь. } в прологе
А к т р и с а. }

Действия 1-е и 3-е происходят в Паталипутре (называемой в пьесе также Кусумапура или Пушпапура); действия 2-е и 4-е — в столице Горной Страны; действие 5-е — в лагере Малаякету; действие 6-е — в саду у ворот Паталипутры; действие 7-е — частью в Паталипутре, частью за городом.

ПРОЛОГ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ³

П а р в а т и.

¹ Кто счастливица, что ныне на главе твоей блистает?

Ш и в а.

Это — серп луны.

П а р в а т и.

Так зовут ее?

Ш и в а.

Конечно; знала ты ее название —
как могла забыть?

П а р в а т и.

Не о Месяце спросила, а о женщине счастливой;
это — к ней вопрос.

Ш и в а.

Раз у женщины спросила, пусть тебе Виджая скажет,
коль не веришь мне.

Эта хитрость бога Шивы (он, утаивая имя

той Реки богов,

Уклонился от ответа на вопрос жены) защитой

да послужит вам! ⁴

Ладно. Позову хозяйку и спрошу у нее. (*Обращается за сцену*).

⁵ О жена достойная, искусная в хозяйстве,
Мудрая хранительница блага и порядка,
Трех целей средоточие, в долге наставница,
Добрый гений дома моего, иди сюда скорее! ¹³

(*Входит актриса*).

А к т р и с а. Я здесь, господин. Да соизволит господин отдать мне приказание.

Т е а т р а л ь н ы й р у к о в о д и т е л ь. Не говори о приказаниях, госпожа. Скажи, зачем затеяна эта необычная стряпня? Осчастливлен ли сегодня наш очаг приглашением святых брахманов, или в доме принимают желанных гостей?

А к т р и с а. Господин, я пригласила святых брахманов.

Т е а т р а л ь н ы й р у к о в о д и т е л ь. А по какому поводу?

А к т р и с а. Говорят, что господин Месяц затмился.¹⁴

Т е а т р а л ь н ы й р у к о в о д и т е л ь. Кто это сказал?

А к т р и с а. Да народ в городе об этом толкует.

Т е а т р а л ь н ы й р у к о в о д и т е л ь. Госпожа, я со тщанием изучил науку о небесных светилах в ее шестидесяти четырех разделах.¹⁵ Пусть готовится эта особая трапеза в ожидании святых брахманов. Но что касается затмения Месяца — Чандры, — тебя кто-то ввел в заблуждение. Смотри:

⁶ Злобный похититель вместе с Кету нападает на
блистающего Чандру.
Силой захватить его он хочет. . . (*Прерывает речь*).

Г о л о с з а с ц е н о й. Эй, кто это хочет захватить Чандру, когда я здесь?

Т е а т р а л ь н ы й р у к о в о д и т е л ь.

. . . Но спасет его с Будхой союз.¹⁶

А к т р и с а. О господин, кто же это, живущий на земле, хочет защитить Месяц от нападения похитителя?

Т е а т р а л ь н ы й р у к о в о д и т е л ь . Поистине, госпожа, я его не вижу. Ладно! На этот раз буду внимательней и узнаю его по голосу. (*Повторяет: Злобный похититель. . . и т. д.*).

Г о л о с з а с ц е н о й . Эй, кто это хочет захватить Чандра-гупту, когда я здесь?

Т е а т р а л ь н ы й р у к о в о д и т е л ь (*прислушиваясь*).
Госпожа, теперь я узнал.

⁷ Каутилья. . .

(Актриса выказывает страх).

. . . коварный,¹⁷ тот, кто истребил род Нанды

В бурном пламени гнева своего. Сюда идет он.

Имя Чандры услышав, решил: врага нападенью

Подвергается Маурья, носящий то же имя.

Так уйдем же отсюда.

(Уходят).

К О Н Е Ц П Р О Л О Г А .

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

*(Входит в гневе Чанакъя, касаясь рукой пряди волос на голове).*¹⁸

Ч а н а к ъ я. Отвечайте! Кто это хочет захватить Чандрагупту, когда я здесь?

¹ Слоновъей кровью обогренный, блестит львиный клык,
Как лунный серп, что алым светом зари окрашен.
Кто хочет, зверя одолев, вырвать дерзкой рукой
Тот клык оскаленный из пасти зияющей льва? ¹⁹

И еще:

² Кто, на смерть обреченный, завязанной видеть не хочет
и поныне волос моих прядь,
Рода Нанды роковую кобру, дым от пламени гнева,
клубящийся тучей густой?

И еще:

³ Кто перейдет моей пылающей ярости жар,
Своим огнем испепелившей род Нанды, как лес?
Кто, не сознав свое неравенство в силах с врагом,
Безумный, сгинет саранчою в пожаре лесном?

Шарнгагава! Шарнгагава!

(Входит ученик).

У ч е н и к. Приказывай, о учитель.

Ч а н а к ъ я. Сын мой, я хочу сесть.

У ч е н и к. Учитель, ведь в покое у главного входа есть тростниковые сиденья. Да соизволит учитель отдохнуть здесь.

Ч а н а к ъ я. Сын мой, я упрекаю тебя не из суровости, присущей наставнику; я поглощен государственными делами и поэтому раздражен.

(По уходе ученика садится. Про себя). Разгневанный истреблением рода Нанды Ракшаса заключил союз с сыном Парватаки, с Малаякету, который не может простить убийства своего отца и соблазнен предложением захватить все царство Нанды. С его поддержкой и с огромным войском иноземных царей Ракшаса готовится напасть на Низкорожденного. Как это стало известно горожанам? (*Размышляет*). Что ж, некогда я открыто поклялся перед всеми уничтожить род Нанды и переправился через этот трудноодолимый поток — исполнил клятву. Так неужели я теперь не сумею отразить это нападение, хотя о нем уже знают? Отчего бы нет? Моего

⁴ Гнева огонь ведь лесному пожару подобен:

Дымом покрыл небосвод, омрачил в небе луны —
Вражеских жен овдовевших то скорбные лики.

Ветром коварства и козней подул и деревья
Пеплом покрыл — посрамил он советников Нанды.

Ветви зажегший на дереве Нанды, спугнул он
С них стаи птиц — Нанды подданных, страхом гонимых.
Только горячее все истощив, он унялся.

И еще:

⁵ Кто, поникнув главою, в страхе
Пред царем укора слова тая,
С грустью видел, как силой сброшен
Был тогда с почетного места я,
Те ж узрели, как с трона Нанду
И весь род его я поверг потом;
Так бывает могучий слон лесной
С вершины горной низринут львом.

Но теперь я, хотя уже исполнил свой обет, не оставляю меча ²⁰
ради Низкорожденного. То я

⁶ Как злую боль из сердца, выкорчевал девять Нандов
из земли,
Как лотос на воде озерной — Маурьи власть
я утвердил.
Меж другом и врагом я духом напряженным разделил
По весу ровно пополам любви и ненависти плод
двойной.²¹

Однако можно ли сказать, что искоренен род Нанды и утверждена власть Чандрагупты, когда Ракшаса на свободе? (*Размышляет*). Увы, непоколебимой остается верность Ракшасы дому Нанда. Поистине было бы невозможно привлечь его к должности советника при Низкоророжденном, пока жив кто-нибудь из рода Нанды. Можно было обуздать его рвение; именно из этих соображений мы умертвили несчастного Сарвартхасиддхи из рода Нанды, невзирая на то, что удалился он от мира в лесную обитель. А Ракшаса теперь, войдя в союз с Малаякету, с еще большим усердием стремится разгромить нас. (*Обращаясь в пространство к отсутствующему*). Хвала тебе, советник Ракшаса, хвала! Хвала, мудрый брахман! Хвала, о Брихаспати среди мантринов,²² хвала! Ибо,

⁷ Ради выгоды служат обычно
Господину, пока сохраняет он власть,
И в невзгодах его не покинут,
Если верят, что власть возвратится к нему.
Но сколь трудно найти человека,
Кто и после того, как умрет господин,
Время долга несет бескорыстно,
Благодарность за прошлую милость храня!

И потому, стремясь захватить тебя, мы преследуем цель: как бы заставить тебя принять должность советника при Низкоророжденном! Ибо,

⁸ Чтó в невежде иль в трусе толку, если даже преданный
он слуга?
И большая ли польза в умном и отважном, если нет
верности?

Кто в себе сочетает смелость, ум и верность, в счастье
или в беде,
Только те царю слуги истые; другие — те же
наложницы.²³

Я же тружусь неусыпно в этом деле. По мере сил стараюсь захватить его. Как именно? В свое время мы распустили в народе недобрый слух о Ракшасе: будто бы это он умертвил с помощью ядовитой девушки²⁴ несчастного Парватаку, нашего верного союзника и друга; якобы он рассчитывал, что гибель либо Низкорожденного, либо Парватаки будет ударом Чанакье. Чтобы сделать это обвинение явным и уверить в том людей, я побудил к бегству Малаякету, сына Парватаки. Для этого я поручил Бхагураяне устроить его, передав ему тайно весть: «Отец твой Чанакьей умерщвлен». Можно было, конечно, захватить его хитростью в плен, чтобы не дать ему возрасти в силе, объединившись с Ракшасой. Однако не хочу я избавить Ракшасу от бесчестия, которое налагает на него обвинение в убийстве Парватаки; [а если бы мы пленили Малаякету,] все было бы разоблачено. . . Затем, чтобы выявить в народе верноподданных и недовольных нашего лагеря и вражеского, разосланы были соглядатаи в разных обличьях, хорошо знающие языки, одежду и обычаи различных областей. И теперь тщательно выслеживается каждый шаг живущих в Кусумапуре друзей советника Нанды. . . Я заставил Бхрадбхату и других сановников, связанных в своем возвышении с Чандрагуптой, притвориться недовольными, дав для того им тот или иной повод. . .²⁵ Противодействовать проискам подосланных врагом убийц и отравителей назначены к царю телохранителями доверенные люди, бдительные и испытанной преданности. Далее: есть у меня школьный товарищ и друг, брахман по имени Индушарман; ²⁶ он же достиг совершенства в науке Ушанаса ²⁷ о политике управления и в шестидесяти четырех разделах науки о небесных светилах. Я послал его в Кусумапуру сразу же после того, как дал обет уничтожить род Нанды. Под личиной нищенствующего монаха ²⁸ он свел там дружбу со всеми приближенными Нанды; особенное же расположение снискал у Ракшасы. Теперь ему предстоит выполнить поручение великой важности. . . Таким образом,

с моей стороны ничто не упущено. И только сам Низкорожденный остается постоянно безучастен ко всему этому, возлагая бремя государственной политики на меня, главного советника. И действительно, ведь тогда лишь счастливо царствование, когда оно избавлено от тягчайших забот, связанных с личным участием в делах. Ибо

⁹ И цари у слонов, и цари у людей, —
Хоть могучи они по природе своей, —
Если пищу придется самим добывать,
Одинаково будут несчастны они.

*(Входит соглядатай с изображениями Ямы).*²⁹

С о г л я д а т а й.

¹⁰ К ногам бога Ямы склонитесь! Какое вам дело до
прочих божеств?
Уносит он трепещущие души у тех, кто других богов
почитает.

И еще:

¹¹ Жестокий бог, мольбою смягчен, сохраняет жизнь
человеку он,
И мы живем по милости Ямы, того, кто весь
умерщвляет мир.

Войду в этот дом, покажу там изображения Ямы и спою свои песнопения.

(Обходит сцену).

У ч е н и к *(замечает его)*. Эй, любезный, сюда входить нельзя!
С о г л я д а т а й. О брахман, чей это дом?

У ч е н и к. Нашего учителя, достославного и благородного Чанаки.

С о г л я д а т а й *(улыбаясь)*. О брахман, так ведь это дом истинного моего брата в вере. Поэтому дай мне войти, чтобы я мог показать твоему учителю изображение Ямы и преподать ему вероучение.

У ч е н и к (с гневом). Жалкий глупец, или в вероучении ты более сведущ, чем наш учитель?

С о г л я д а т а й. О брахман, не гневайся! Ведь нет человека, который знал бы все. Есть вещи, о которых знает твой учитель, есть вещи, о которых знают люди, подобные нам.

У ч е н и к. Глупец, ты хочешь отказать учителю во всеведении!

С о г л я д а т а й. О брахман, если твой учитель знает все, он должен знать и о том, кто Месяцу — Чандре ³⁰ не предан.

У ч е н и к. Глупец, что из того, знает он это или не знает?

С о г л я д а т а й. А вот твой учитель и узнает, что из того. Тебе, между тем, достаточно знать, что дневные лотосы не преданы Месяцу. Видишь ли:

¹² В восхитительных этих лотосах красота не
соответствует природе;
От сияющего полным блеском Месяца отвращаются
они с враждой.

Ч а н а к ъ я (прислушиваясь, про себя). Ага, он хочет сказать, что знает людей, недоброжелательных к Чандрагупте.

У ч е н и к. Что означает эта бессмыслица?

С о г л я д а т а й. О брахман, именно в этом был бы смысл.

У ч е н и к. Если бы что было?

С о г л я д а т а й. Если бы встретился мне сведущий слушатель.

Ч а н а к ъ я. Любезный, входи без тревоги. Будет тебе такой слушатель.

С о г л я д а т а й. Я войду. (Входит и приближается к Чанакье). Победа господину!

Ч а н а к ъ я (вглядываясь в него, про себя). А! Это Нипунака, назначенный ведать души подданных. (Вслух). Привет тебе, любезный. Садись.

С о г л я д а т а й. Как прикажет господин. (Садится на землю).

Ч а н а к ъ я. Теперь, любезный, рассказывай о том, что было тебе поручено. Любят ли подданные Низкорожденного?

С о г л я д а т а й. Может ли быть иначе? С тех пор, как ты, о господин, устранил все причины для недовольства, неколебимо привержены подданные достославному государю Чандрагупте. Но есть здесь в городе трое людей, которые связаны с советником Ракшасой давней дружбой и преданностью. Им ненавистна власть владетельного государя Чандры.

Ч а н а к ъ я (с гневом). Пожалуй, скажи лучше, что им ненавистна собственная жизнь! Известны ли тебе их имена, любезный?

С о г л я д а т а й. Как бы стал я говорить господину, не зная имен?

Ч а н а к ъ я. Ну, так я хочу их слышать.

С о г л я д а т а й. Слушай, о господин. Во-первых, приверженец твоих врагов — некий нищенствующий монах. . .

Ч а н а к ъ я (про себя). Приверженец моих врагов — нищенствующий монах? (Вслух). Как его имя? ³¹

С о г л я д а т а й. Имя его — Дживасиддхи. Это тот самый человек, который по поручению советника Ракшасы свел ядовитую девушку с государем Парватешварой.

Ч а н а к ъ я (про себя). Дживасиддхи! О, это наш человек. (Вслух). Кто же другой?

С о г л я д а т а й. Господин, а другой — закадычный друг советника Ракшасы, писец по имени Шакатадаса.

Ч а н а к ъ я (про себя, с усмешкой). Невелика важность — писец. ³² Однако не следует пренебрегать врагом, хотя бы и незначительным. К нему я подослал Сиддхартхаку под личиной друга. (Вслух). Любезный, я хочу слышать имя третьего.

С о г л я д а т а й. Третий — это вторая душа советника Ракшасы, старшина цеха золотых дел мастеров в Пушпапуре по имени Чанданадаса. В его доме оставил советник Ракшаса свою жену, когда бежал из города.

Ч а н а к ъ я (про себя). Поистине, это его ближайший друг. Не оставит Ракшаса свою жену у тех, кто не близок ему, как собственная душа. (Вслух). А как убедиться, любезный, что Ракшаса оставил свою жену в доме Чанданадасы?

С о г л я д а т а й. Господин, этот перстень с печатью убедит тебя. (Подает перстень).

Ч а н а к ъ я (взяв перстень, рассматривает печать и читает вслух имя Ракшасы. С радостью, про себя). Ну, можно сказать, вышло так, что сам Ракшаса попал мне на палец! (Вслуш). Любезный, я хочу, чтобы ты подробно рассказал, как добыл ты этот перстень.

С о г л я д а т а й. Слушай, о господин. Посланный тобою, господин, для тайного наблюдения за поведением горожан, я бродил, взяв с собою эти изображения Ямы, чтобы не возбуждать ни у кого подозрений при входе в частные дома. И случилось мне зайти в дом старшины золотых дел мастеров Чанданадасы. Там развернул я изображения Ямы и принялся петь песнопения.

Ч а н а к ъ я. Что же потом?

С о г л я д а т а й. Потом из какого-то внутреннего покоя выглянул мальчик лет пяти, прехорошенький собою, с глазами, широко раскрытыми от детского любопытства. Тогда — «Ой, вышел, ой, вышел!» — раздался из глубины того покоя тревожный гомон женских голосов. Из-за двери показалась женщина, и, браня, схватила нежной рукой-лианой мальчика, хотевшего выйти. С пальцев ее, дрожащих в поспешном стремлении задержать ребенка, соскользнул этот перстень, предназначенный для мужской руки. Не замеченный ею, он упал на порог, покатился и лег у ног моих недвижно, как добрая жена, согнувшаяся в поклоне. Этот перстень, на котором вырезано имя советника Ракшасы, я и доставил теперь к ногам господина. Вот как я его достал.

Ч а н а к ъ я. Понятно, любезный. Ступай, ты немедленно получишь награду, соответствующую твоим трудам.

С о г л я д а т а й. Как прикажет господин. (Уходит).

Ч а н а к ъ я. Шарнгарава! Шарнгарава!

(Входит ученик).

У ч е н и к. Приказывай.

Ч а н а к ъ я. Сын, мой, принеси чернила и лист.

У ч е н и к. Как прикажет учитель.

(Ученик уходит, потом возвращается).

Учитель, вот чернила и лист.

Ч а н а к ъ я (*берет лист*). Что написать мне здесь? Ведь этим письмом должен быть побежден Ракшаса.

(*Входит привратница*).

П р и в р а т н и ц а. Победа господину!

Ч а н а к ъ я (*с радостью, про себя*). Мне в словах этих — предзнаменование победы! (*Вслух*). Шоноттара, что привело тебя сюда?

П р и в р а т н и ц а. О господин, воздев к голове сложенные в ладони руки,³³ подобные бутонам лотосов, высокочтимый государь Чандра повелел передать тебе следующее: «С дозволения господина я хочу позаботиться о посмертных обрядах для государя Парватешвары. Я дарую брахманам драгоценности, которые носил он при жизни».

Ч а н а к ъ я (*про себя, с радостью*). Прекрасно, Низкорожденный, ты отдал это приказание, как будто угадав желание моего сердца! (*Вслух*). Шоноттара, передай от нашего имени Низкорожденному: «Прекрасно, сын мой, право же, ты сведущ в мирских обычаях. Да будет исполнено твое намерение. Но драгоценности, которые носил при жизни Парватешвара, — высокого достоинства, и дарованы они должны быть достойным людям. Поэтому я сам пришлю брахманов, достоинства которых испытаны».

П р и в р а т н и ц а. Как прикажет господин. (*Уходит*).

Ч а н а к ъ я. Шарнгарава, передай от нашего имени Вишнавасу и обоим его братьям, чтобы они получили драгоценности от Низкорожденного; а затем я должен увидеться с ними.

У ч е н и к. Слушаю. (*Уходит*).

Ч а н а к ъ я. Главный смысл письма будет в конце его. Но как начать? (*Размышляет*). А! знаю. Как осведомили меня лазутчики, в том войске иноземных царей пятеро государей, главнейшие из всех, следуют предводительству Ракшасы, связанные с ним особенно тесной дружбой. А именно,

¹³ То Читраварман Кулутский, и Синханада, малайский царь, смелый, как лев.

И Пушкаракша Кашмирский, и Синдхушена Синдхийский, великий боец!

Пятый — Мегхакхья, властитель персидский, конного
войска огромного вождь.

Их имена здесь твердой рукой напишу я; пусть их Читрагупта
сотрет! ³⁴

(Размышляет). Или нет, не напишу. Пусть начало письма останется неопределенным. (Делает вид, что пишет). Шарнгарава!

(Входит ученик).

Ученик. Приказывай, о учитель.

Чанакья. Сын мой, почерк ученых неразборчив, даже когда пишут они со старанием. Передай от нашего имени Сиддхартхаке: пусть доставит он мне письмо такого же содержания, переписанное Шакатадасой, без указания имени того, кому оно посылается, якобы ему самому некто поручил передать кому-то послание на словах. Но пусть он не говорит Шакатадасе, что это письмо поручил переписать Чанакья.

Ученик. Слушаю. (Уходит).

Чанакья (про себя). Ого, Малаякету побежден!

(Входит Сиддхартхака с письмом в руке). ³⁵

Сиддхартхака. Победа господину! Господин, вот письмо, переписанное Шакатадасой.

Чанакья (берет письмо). О, прекрасный почерк. (Прочитав письмо про себя). Любезный, запечатай его этим перстнем. ³⁶ Шарнгарава! Шарнгарава!

(Входит ученик).

Ученик. Приказывай, о учитель.

Чанакья. Да передадут с наших слов Калапашике, начальнику городской стражи: ³⁷ «По повелению Низкорожденного нищенствующий монах Дживасиддхи, подсланный Ракшасой и умертвивший Парватаку посредством ядовитой девушки, после того, как огласят его преступление, должен быть изгнан из города с позором».

Ученик. Слушаю. (Направляется к выходу).

Чанакья. Погоди, погоди, сын мой! «Другой же тайный агент Ракшасы, писец Шакатадаса, постоянно злоумышляющий против

нашей жизни, после того, как огласят эту его вину, да будет посажен на кол. Семья же его должна быть заключена в тюрьму».

Ученик. Слушаю. (*Уходит*).

Сиддхартхака. Господин, вот запечатанное письмо. Что еще нужно исполнить?

Чанакья. Любезный, я хочу поручить тебе некое дело, для исполнения которого требуется надежный человек.

Сиддхартхака (*с радостью*). Господин, благодарю тебя за милость. Да повелит господин, что должен исполнить его слуга.

Чанакья. Сначала ты пойдешь на место казней. Там палачи должны быть предупреждены об условном знаке. Когда появишься ты с яростным видом и подмигнешь правым глазом, палачи, предупрежденные об условном знаке, разбегутся в притворном страхе; ты же похитишь Шакатадасу с места казни и доставишь его к Ракшасе. От Ракшасы, обрадованного спасением друга, ты примешь награду. И некоторое время тебе придется пробыть у него на службе. Потом, когда враги будут близко, ты исполнишь следующее. . . (*Говорит ему на ухо*).

Сиддхартхака. Как прикажет господин.

Чанакья (*изображает задумчивость*.³⁸ *Про себя*). Так будет ли уловлен негодяй Ракшаса?

Сиддхартхака. Господин, я уловил. . .

Чанакья (*с радостью, про себя*). Ого, я уловил Ракшасу! (*Вслух*). Что уловил ты, любезный?

Сиддхартхака. Я уловил смысл поручения господина. Итак, я пойду выполнять свое дело.

Чанакья (*отдает ему перстень и письмо*). Ступай. Да исполнишь ты его успешно.

Сиддхартхака. Слушаю. (*Уходит*).

(*Входит ученик*).

Ученик. Учитель, начальник городской стражи Калапашика сообщает, что повеление государя Чандрагупты будет исполнено.

Ч а н а к ъ я. Превосходно. Сын мой, теперь я хочу видеть Чанданадасу, старшину золотых дел мастеров.

У ч е н и к. Слушаю. (*Уходит*).

(*Ученик возвращается с Чанданадасой*).

Сюда, сюда, старшина.

Ч а н д а н а д а с а (*про себя*).

14 Если к Чанакье беспощадному человека ведут
неожиданно,
Страх возьмет его и невинного; каково же мне,
виноватому?

И я сказал Дханасене и двоим другим нашим жильцам: «Рано или поздно проклятый Чанакья устроит обыск в доме; поэтому с осторожностью переведите оттуда в безопасное место семью нашего господина, советника Ракшасы. Со мной же будь что будет.

У ч е н и к. Эй, старшина, сюда, сюда.

Ч а н д а н а д а с а. Я иду, господин.

(*Оба входят*).

У ч е н и к (*приближаясь*). Учитель, вот старшина Чанданадаса.

Ч а н д а н а д а с а. Победа господину!

Ч а н а к ъ я (*делает вид, что вглядывается*). Добро пожаловать, старшина. Садись на эту скамью.

Ч а н д а н а д а с а (*кланяясь*). Разве не знает господин, что неподобающая честь горше обиды. Поэтому я сяду, как мне подобает, здесь, на земле.

Ч а н а к ъ я. О старшина, не говори, не говори так! С людьми нашего положения это вполне приличествует тебе.³⁹ На эту скамью садись.

Ч а н д а н а д а с а (*про себя*). Злодей что-то замышляет. (*Вслух*). Как прикажет господин. (*Садится*).

Ч а н а к ъ я. О почтенный Чанданадаса, возрастают ли прибыли в делах?

Ч а н д а н а д а с а (*про себя*). Чрезмерная вежливость его внушает тревогу. (*Вслух*). Может ли быть иначе? Твоею милостью, господин, дела мои идут благополучно.

Ч а н а к ъ я. А разве погрешности Чандрагупты не приводят на память подданным добродетели предшествующего государя?

Ч а н д а н а д а с а (*затыкает уши*). Боже избави! Больше, чем месяцем в полнолуние осенней ночью, довольны подданные его величеством Чандрой.

Ч а н а к ъ я. О старшина, если это так, от своих осчастливленных подданных благодарности ожидают цари.

Ч а н д а н а д а с а. Пусть господин прикажет: что именно и сколько требуется от нас.

Ч а н а к ъ я. О старшина, это царство Чандрагупты, не царство Нанды. То корыстолюбивого Нанду радовала денежная благодарность.⁴⁰ Чандрагупту же радует, если подданные его живут, не ведая печали.

Ч а н д а н а д а с а (*радостно*). Господин, я благодарен за милость.

Ч а н а к ъ я. О старшина, и неужели ты не спросишь у меня, чем достигается это беспечальное существование?

Ч а н д а н а д а с а. Приказывай, господин.

Ч а н а к ъ я. Коротко говоря, должно жить, не противодействуя царю.

Ч а н д а н а д а с а. Какого же несчастного считает господин противником царя?

Ч а н а к ъ я. Хотя бы тебя первого.

Ч а н д а н а д а с а (*затыкает уши*). Боже избави, боже избави! Что за противник солома огню?

Ч а н а к ъ я. Ты и есть такой противник! Ведь ты поныне, в доме своем приютив, укрываешь семью советника Ракшасы, государева противника!

Ч а н д а н а д а с а. Господин, это неправда! Какой-то низкий человек донес об этом господину.

Ч а н а к ъ я. О старшина, оставь тревогу! Когда чиновники предшествующего царя бежали в страхе в другие страны, они остав-

ляли семьи свои в домах горожан, не спрашивая их согласия. Преступление заключается только в сокрытии этого обстоятельства.

Ч а н д а н а д а с а. Именно так это и было. В то время семья советника Ракшасы находилась в моем доме.

Ч а н а к ъ я. Сначала ты сказал: «это ложь», теперь говоришь: «так было», — твои слова противоречивы.

Ч а н д а н а д а с а. Как раз относительно этого я сделал оговорку.

Ч а н а к ъ я. О старшина, у царя Чандрагупты — без договоров! Выдай семью Ракшасы, и будешь избавлен от вины.

Ч а н д а н а д а с а. Господин, я ведь сказал, что семья советника Ракшасы б ы л а в моем доме в то время.

Ч а н а к ъ я. А где она теперь?

Ч а н д а н а д а с а. Не знаю.

Ч а н а к ъ я (улыбается). Как же, ты будто бы не знаешь. Эй, старшина, опасность над головой, а защита от нее далеко!

Ч а н д а н а д а с а (про себя).

¹⁵ Тучи в вышине, раскат громовой. . .

Далеко любимая! Что станет со мной?

Травы целебной корень на Химаване ⁴¹ скрыт;

Змея ж — над головой висит.

Ч а н а к ъ я. И что как Вишнугупта Нанду. . . (Запинается и выказывает смущение). . . так советник Ракшаса уничтожит Чандрагупту — на это не надейся! Смотри:

¹⁶ Не могли Вакранаса ⁴² и прочие —

Благородные люди и смелые —

Укрепить при Нанде идущее

К разрушению могущество царское.

В Чандрагупте же это могущество,

Всем отрадное, сосредоточилось.

Кто царя Чандрагупту лишит его?

Кто лишить может месяц — сияния?

И еще: (Повторяет: Слоновой кровью обогранный. . . и т. д.).⁴³

Ч а н д а н а д а с а (*про себя*). Его похвальба оправдывается его успехом.

(*За сценой крики: «Расступитесь!»*).

Ч а н а к ъ я. Шарнгарава, узнай, что там такое.

У ч е н и к. Сейчас. (*Уходит и возвращается*). Учитель, это по повелению царя Чандрагупты с позором изгоняют из города государева изменника монаха Дживасиддхи.

Ч а н а к ъ я. Монаха! О, как жалко! Что ж, пусть пожинает плоды своей измены царю. О почтенный Чанданадаса, вот как царь сурово карает изменников. Последуй же благому совету друга. Выдай семью Ракшасы и пожинай долгие годы плоды царских милостей.

Ч а н д а н а д а с а. Семьи советника нет в моем доме.

(*За сценой опять крики: «Расступитесь!»*).

Ч а н а к ъ я. Шарнгарава, узнай, что там такое.

У ч е н и к. Сейчас. (*Уходит и возвращается*). Учитель, а это ведут посадить на кол государева изменника писца Шакатадасу.

Ч а н а к ъ я. Да пожнет он плоды своих деяний. О старшина, столь сурово карающий своих недругов царь не простит тебе укрыательства жены Ракшасы. Ценой чужой жены спаси свою жену и собственную жизнь.

Ч а н д а н а д а с а. Господин, зачем ты меня запугиваешь? Если бы семья советника Ракшасы и была в моем доме, я не выдал бы ее. О чем говорить, когда ее там нет?

Ч а н а к ъ я. Чанданадаса, таково твое решение?

Ч а н д а н а д а с а. Да, таково мое твердое решение.

Ч а н а к ъ я (*про себя*). Хвала тебе, Чанданадаса, хвала!

¹⁷ Когда предательство сулит такие выгоды легко,
Кто, кроме Шибби,⁴⁴ в наши дни столь тяжкий
подвиг совершит?

(*Вслух*). Таково твое решение, Чанданадаса?

Ч а н д а н а д а с а. Да.

Ч а н а к ъ я (с гневом). Негодяй! Погоди, негодный торговец! Если так, изведай же царский гнев!

Ч а н д а н а д а с а. Я готов. Поступай, господин, соответственно своей власти.

Ч а н а к ъ я. Шарнгарава, передай от нашего имени Калапашике, начальнику городской стражи: «Немедленно взять этого преступного торговца». . . Или нет, постой. . . Передай начальнику крепости Виджаяпалаке: «Забери его имущество, а его самого с женой и сыном заточи и держи в заключении, пока я не доложу Низкорожденному. Низкорожденный же сам приговорит его к смертной казни».

У ч е н и к. Как прикажет учитель. Сюда, сюда, старшина.

Ч а н д а н а д а с а. Я иду, господин. (*Про себя*). Благодарение судьбе, я погибаю ради друга, не за грех свой человеческий. (*Уходит в сопровождении ученика*).

Ч а н а к ъ я (*радостно*). Ага, Ракшаса теперь в наших руках! Ибо

18 Как этот ради друга с жизнью готов расстаться
в час его невзгоды,
Так в час невзгоды друга, без сомненья,
и тот своей не пожалеет жизни.

(*Шум за сценой*).

Шарнгарава! Шарнгарава!

(*Входит ученик*).

У ч е н и к. Приказывай, учитель.

Ч а н а к ъ я. Что это за шум?

(*Ученик выходит и возвращается взволнованный*).

У ч е н и к. Учитель, оказывается, когда Шакатадасу уже собирались казнить, его похитил с места казни Сиддхартхака и бежал с ним.

Ч а н а к ъ я (*про себя*). Отлично, Сиддхартхака, дело начато! (*Вслух*). Как, он посмел бежать? (*С гневом*). Сын мой, передай Бхагураяне, чтобы он поспешил задержать беглеца.

(*Ученик выходит и возвращается*).

Ученик (*в отчаяньи*). Ах! Увы, учитель, какое несчастье! И Бхагураяна тоже бежал!

Чанакья (*про себя*). Пусть отправляется для успеха дела! (*Вслух, как будто с гневом*). Сын мой, передай от нашего имени Бхадрабхате, Пурушадатте, Дингарате, Балагупте, Раджасене, Рохи-такше и Виджаяварману, чтобы они отправились в погоню и схватили негодяя Бхагураяну.

Ученик. Слушаю. (*Уходит и опять возвращается в отчаянии*). Увы, какое несчастье! Рухнул весь порядок управления! И Бхадрабхата и другие подчиненные тоже бежали на рассвете!

Чанакья (*про себя*). Счастливого же им пути! (*Вслух*). Сын мой, не отчаивайся. Видишь ли,

19 Тот, кто втайне бежать замыслил,
Все равно что раньше уже сбежал;
Кто еще остается — тоже
По желанью волен покинуть нас.
Лишь бы разум при мне остался;
Он для дела тысячи войск сильней.
Истреблением рода Нанды
Он могущество явно свое доказал.

(*Встает и устремляет взор в пространство*). Я верну Бхадрабхату и других преступных слуг. (*Про себя*). О злодей Ракшаса, куда ты денешься теперь? Скоро я одолею тебя. . .

20 Как одинокий слон, своею силой гордый, по воле бродит,
дикий,
И [пчел] манит своим душистым истеченьем,⁴⁵ так ты сумел,
надменный,
Переманить людей богатыми дарами. Тебя же укрошу я,
Как дикого слона, умом и делу Чандры тебя
служить заставлю.

(*Все уходят*).

К О Н Е Ц П Е Р В О Г О Д Е Й С Т В И Я . 46

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(Входит заклинатель змей).

З а к л и н а т е л ь з м е й.

¹ Кто знает применение трав, кто круг волшебный
обвести умеет,
Храня ревниво тайны чар, тот заклиняет змей.
Кто знает управления науку, границы стран чертить
умеет,
Храня политики секрет, тот служит у царей.⁴⁷

*(В пространство).*⁴⁸ Господин, ты спрашиваешь меня, кто я та-
кой? О господин, я заклинатель змей, зовут меня Джирनावиша.⁴⁹
Что ты говоришь? — «Я хочу посмотреть представление со змеей»? —
А сам господин чем занимается? Ты говоришь: «Я служу в царском
доме»? Так поистине, господин сам играет со змеей. Как это воз-
можно?

² В травах и заклинаньях несведущий змеелов,
пьяный погонщик слонов,
Упоенный успехами царский слуга —
все трое на гибель обречены.

Как? Едва появившись, он уже ушел? . . . *(Опять говорит в про-
странство).* Господин, ты спрашиваешь меня, что в этих крытых
корзинах? О господин, там змеи, дающие мне средства к существо-
ванию. Что ты говоришь? — «Я хочу их посмотреть»? Будь милостив,

господин, но здесь не место для этого. Если ты любопытствуешь, идем, я покажу тебе их там, в том доме. Что ты говоришь? — «Это ведь дом господина советника Ракшасы. Людям вроде нас нет доступа туда?». Ну, тогда ступай, господин, своей дорогой. Я же по милости своего занятия имею туда доступ. Как? И этот ушел? (*Про себя, перейдя на санскрит*).⁵⁰ О, удивительно! Когда я вижу Чандрагупту, пользующегося поддержкой Чанаки, я чувствую, что бесплодны усилия Ракшасы. Когда я вижу Малаякету, пользующегося поддержкой Ракшасы, я чувствую, как будто уже исчезло могущество Чандрагупты. Ибо

³ Умом Каутильи как связью сильна,
Я вижу, власть Маурьи твердо стоит;
Но Ракшасы деятельностью на гибель
Уже обреченной ее считаю.

И в борьбе между этими обоими мудрыми и искусными деятелями колеблется власть над царством Нанды.

⁴ И между ними стоит в смятении богиня Власть,⁵¹
Решить не может, к кому склониться ей надлежит.
Так в чаще леса стоит слониха и робко ждет,
Не смея выбрать меж двух могучих лесных слонов.
Сейчас я увижусь с советником Ракшасой. (*Отходит и становится у входа*).

(*Появляется восседающий в задумчивости на скамье Ракшаса со слугой*).

Р а к ш а с а (*плачет*). Горе, о, горе!

⁵ Смелым подвигом, хитростью тайной в деле покорявший
своих врагов,
Нанды род беспощадной судьбою истреблен, как Вришни ⁵²
былых времен.
Дни и ночи в упорных раздумьях мыслей рой теснился
в уме моем.

И задумал я план хитроумный; но увы! Теперь он почвы
лишен.
Но нет!

- ⁶ Не забвение долга верности это, не к земным наслаждениям
страсть,
Не за жизнь свою страх, не стремленье к славе для
себя, для выгод своих.
Нет, не это меня побуждает усердно чужому царю служить —
Истребленьем врага я утешить хочу душу Нанды в мире
ином.

(Поднимает взор к небу, печально). О Богиня, обитающая в лотосе,⁵³ ты совсем не признаешь добродетели! Почему? . .

- ⁷ Скажи, зачем, покинув доброго Нанду-царя,
К врагу его, к потомку Маурьи ты перешла?
Зачем не сгинула ты, Лакшми,⁵⁴ со смертью его,
Как гибнет сок благоуханный⁵⁵ со смертью слона?

И к тому же, о низкая,

- ⁸ Разве царей, высоких родом, уже не стало на земле,
Что ты безродного, злодейка, супругом выбрала себе?
Иль разум женщин, ненадежный, как хрупкий лепесток
цветка,
Сам от природы не способен в мужах достоинства ценить?

Но я уничтожу твоего возлюбленного, беспутная, и лишу тебя твоей страсти. (*Размышляет*). Поэтому я правильно поступил, когда, бежав из города, оставил семью в доме моего дорогого друга Чанданасы. Убедившись, что не отказался Ракшаса от мысли о завоевании Кусумапуры, не ослабят рвения тамошние наши единомышленники, преданные покойному государю. Снабженный богатой казной, оставлен там Шакатадаса, которому поручено сеять возмущение в народе, нанимать убийц и отравителей и подсылать их к Чандрагупте. Дживасиддхи и другие наши друзья назначены собирать

постоянно сведения о враге и подрывать единство в его лагере. Чтобы не быть многоречивым —

⁹ Его взлелеял государь наш на гибель себе,
Тигренка злого, истребившего весь его род;
Но поражу его я в сердце стрелою ума,
Не будь он прочною кольчугой — судьбой защищен.
(Входит дворецкий). ^{5 6}

Д в о р е ц к и й.

¹⁰ Уничтожила старость желанье, как Чанакья Нанду-царя
убил,
И в меня добродетель вселила, как возвел он на
царство Маурью:
Победить ее — жадность стремится (если служба повод
к тому дает),
Как и Ракшаса — Маурью выжить; только тщетны
эти усилия.

(Обходит сцену и приближается). Вот дом советника Ракшасы.
Я войду. (Входит и оглядывается). Да будешь ты счастлив!

Р а к ш а с а. Я приветствую тебя, господин. Прямовадака,
подай скамью.

С л у г а. Вот скамья. Садись, господин.

Д в о р е ц к и й (садится). Царевич Малаякету повелел передать советнику следующее: «Сердце мое болит, когда я вижу, как давно нет у господина подходящих ему украшений. Если и не может он так скоро забыть достоинства своего государя, все же приличествует ему удостоить внимания мою просьбу». (Вынимает украшения). Эти украшения снял с себя царевич и посылает их господину — да удостоит он надеть их.

Р а к ш а с а. Благородный Джаджали, передай от моего имени царевичу: «Именно пристрастие к твоим превосходным качествам заставило меня забыть о достоинствах покойного государя. Но

¹¹ И малого колечка на руки не надену я свои,
Поникшие бессильно под гнетом оскорблений от врага,

3 Мудраракшаса

Пока враги не сгинули без остатка, о лучший из людей.

И ты в Суганге ⁵⁷ царской не воссядешь на троне золотом.

Д в о р е ц к и й. При руководстве советника царевичу сопутствует удача. Поэтому окажи внимание этому первому знаку его уважения к тебе.

Р а к ш а с а. Господин, твоим словам нельзя противиться так же, как словам царевича. Да будет исполнено его повеление.

Д в о р е ц к и й (*делает вид, что надевает на него украшения*). Да будешь ты счастлив. Я удаляюсь.

Р а к ш а с а. Мое почтение тебе, господин. ⁵⁸

(*Дворецкий уходит*).

Приямвадака, посмотри, не ждет ли кто-нибудь у входа, чтобы повидать меня.

С л у г а. Как прикажет советник (*Обходит сцену и замечает заклинателя змей*). Господин, кто ты такой?

З а к л и н а т е л ь з м е й. Любезный, я заклинатель змей, зовут же меня Джирнавиша. Я хочу показать советнику представление со змеями.

С л у г а. Подожди, пока я доложу советнику. (*Приближается к Ракшасе*). Советник, это пришел заклинатель, он хочет показать своих змей.

Р а к ш а с а (*показывает, что у него дергается левый глаз.*⁵⁹ *Про себя*). Как, начать со зловещего змеиного зрелища?⁶⁰ (*Всмух*). Приямвадака, змеи не возбуждают в вас любопытства. Заплати ему и отпусти его.

С л у г а. Слушаю. (*Переходит к заклинателю змей*). Господин, советник оказывает тебе милость за твое искусство представления, но не за самое зрелище змей.

З а к л и н а т е л ь з м е й. Любезнейший, передай советнику, что я не только заклинатель змей; я, кроме того, сочиняю стихи на пракрите. Поэтому, если советник не удостоивает меня лице-зрения, пусть прочтет этот листок.

П р и я м в а д а к а (*берет записку и приближается к Ракшасе*). Господин, он просит передать тебе, что он не только заклинатель,

он еще и сочиняет стихи на пракрите. Поэтому, если советник не удостоивает его лицецерения, то пусть хотя бы прочтет эту записку.

Р а к ш а с а *(берез записку и читает вслух)*.

¹² Пчела искусно выпивает весь сок цветка,
Но вновь его выделяет на пользу другим.⁶¹

(Размышляя, про себя). А, это соглядатай, принесший вести из Кусумапуры,⁶² — вот что означает стих. Голова моя так занята государственными делами, что я забыл многих своих доверенных людей. Сейчас вспомню. Конечно, это должен быть Вирадхагупта, переодетый заклинателем змей. *(Вслуш)*. Приямвадака,пусти его. Это славный поэт. Я должен слышать его красноречивое слово.

П р и я м в а д а к а. Слушаю. *(Приближается к заклинателю змей)*. Господин, войди.

З а к л и н а т е л ь з м е й. *(Делает вид, что входит. Вглядывается. Про себя, переходя на санскрит)*. Вот советник Ракшаса. Это он,

¹³ Чьей угрозы боится богиня Шри. Чуть касаясь, левой
лианой-рукой
Обвивает она шею Маурьи, отвращая в тревоге свое лицо;
На плечо ему правую руку положив едва, отнимает опять
И не смеет в объятии тесном правой грудью покрепче
прижаться к нему.⁶³

(Вслуш). Победа советнику!

Р а к ш а с а *(вглядывается)*. О, Вирадха. . . *(Запинается)*. Ну и выросла ⁶⁴ же у тебя борода! Приямвадака, теперь нам следует развлечься змеями. Поэтому пусть слуги отдыхают. Не пренебрегай своими делами и ты.

П р и я м в а д а к а. Слушаю. *(Уходит со слугами)*.

Р а к ш а с а. Друг мой, Вирадхагупта, вот скамья. Садись.

(Вирадхагупта делает вид, что садится).

(Рассматривает его). Увы, вот в каком положении находятся приверженцы благословенного государя моего! *(Плачет)*.

В и р а д х а г у п т а. Довольно, довольно печалиться, советник! Недалеко уже то время, когда советник восстановит нас в нашем прежнем положении.

Р а к ш а с а. Друг мой, расскажи о том, что происходит в Кусумапуре.

В и р а д х а г у п т а. Но это долгий рассказ, советник. С чего же мне начать его?

Р а к ш а с а. Друг мой, прежде всего я хочу услышать о том, что сделано нашими доверенными людьми, убийцами и отравителями, со времени вступления Чандрагупты в город.

В и р а д х а г у п т а. Слушай же, я поведаю тебе о том. С Чандрагуптой и Парватешварой пришли скифы, греки, кираты, камбоджийцы, персы, воины из Балха и других стран.⁶⁵ Как океан, вздымающий бурные воды в дни гибели мира, нахлынули на Кусумапуру их войска, руководимые Чанакьей, и осадили город со всех сторон.

Р а к ш а с а (*хватается за меч, в самозабвении*). О, кто смеет осаждать Кусумапуру, когда я здесь! Правирака, Правирака,⁶⁶ скорее, сейчас же

- 14 Пусть рассыплются лучники цепью по стенам,
Станут пусть у ворот городских
Боевые слоны, чтобы натиском мощным
Смять слонов неприятельских строй.
Кто о славе мечтает, кто хочет немедля
На войска их ударить врасплох,
Смерти страх позабудьте! С бестрепетным сердцем
Все на вылазку, следом за мной!

В и р а д х а г у п т а. О мой советник, успокойся! Это же рассказ о том, что было когда-то!

Р а к ш а с а (*вздыхая*). Увы, это было когда-то. А мне представилось, что все это опять происходит сейчас. (*Опускает меч*). О государь Нанда, донныне помню я, сколь безмерно милостив был ты к Ракшасе! Помню, как в пылу сражения отдавал ты приказания:

- ¹⁵ «Темною тучей слоны наступают там — Ракшаса, тотчас
туда поспеши!».
«Конница бурными волнами ринулась — пусть ее
Ракшаса там отразит!».
«Двинулось пешее войско противника — Ракшасу
шлите его разгромить!».
Тысячью Ракшас в той битве у города верно
казался тебе я тогда!

В и р а д х а г у п т а. Тогда государь Сарвартхасиддхи увидел, что Кусумапура осаждена со всех сторон. Но не мог он долго выносить это, взирая на страдания горожан, подвергшихся бедствиям многодневной осады; ради блага жителей города он бежал через подземный ход и укрылся в лесной обители отшельников. Рвение ваших войск, оставшихся без предводителя, ослабело. Но при вступлении противника в город не прозвучали приветственные возгласы победы. Кроме того, и другие дерзости по отношению к противнику убедили вас, что среди городского населения еще много преданных людей, и вы покинули город через тот же подземный ход, чтобы постараться восстановить впоследствии царство Нанды. Как раз в то время погиб несчастный Парватешвара от ядовитой девушки, посланной вами убить Чандрагупту.

Р а к ш а с а. Друг мой, не удивительно ли это —

- ¹⁶ Будто Карна, пославший волшебную «шакти», чтобы
Арджуну в сердце пронзить,
Я послал ядовитую женщину к Чандре, погубить
лишь его одного.
И как волею Кришны на сына Хидимбы смертоносная
пала стрела,⁶⁷
Так не Чандру, но Парвату гибель настигла, так,
как Чáнакья хитрый хотел!

В и р а д х а г у п т а. Что поделать, советник, то была причуда судьбы.

Р а к ш а с а. Что же было потом?

В и р а д х а г у п т а. Потом, устрешенный убийством отца, бежал царевич Малаякету; в доверие к Чанакье вошел брат Парватаки Вайрочака; объявлено было о вступлении Чандрагупты во дворец Нанды. Тогда проклятый Чанакья созвал всех кусумапурских мастеров и сказал им: «Сегодня в полночный час — согласно указанию звездочетов — совершится вступление Чандрагупты во дворец Нанды. К тому времени вы должны украсить и отделать весь царский дворец, начиная с главного входа». На это сказали ему мастера: «Господин, узнав заранее о вступлении во дворец Нанды государя Чандрагупты, мастер Даруварман уже украсил главный вход царского дворца золотой аркой и различными другими украшениями. Нам теперь остается отделать только внутренние покои». Тогда презренный Чанакья, довольный, что мастер Даруварман украсил вход в царский дворец, не дожидаясь приказа, много хвалил Дарувармана за его искусство и сказал: «Ты немедленно получишь награду, достойную твоего искусства, Даруварман!».

Р а к ш а с а (*взволнованно*). Друг мой, почему был доволен презренный Чанакья? Я чувствую, что попытка Дарувармана не удалась или дала не то, что ожидалось. Видно, каким-нибудь глупым промахом или своей чрезмерной преданностью царю он возбудил во время своих действий подозрение Чанакьи. Но продолжай.

В и р а д х а г у п т а. Итак, ремесленники и все горожане узнали от проклятого Чанакьи, что в полночь по случаю благоприятного положения светил Чандрагупта вступит во дворец Нанды. В это самое время брат Парватешвары Вайрочака и Чандрагупта, восседая вместе на одном троне, разделили между собой земли царства.

Р а к ш а с а. Неужели брату Парватаки Вайрочаке действительно отдали ранее обещанную половину царства?

В и р а д х а г у п т а. Именно так.

Р а к ш а с а (*про себя*). Конечно, хитрейший плут Чанакья сделал это затем, чтобы совершенно очиститься в глазах народа от подозрения в бесславном убийстве Парватешвары. При этом он имел в виду какой-нибудь тайный способ умертвить несчастного. (*Вслух*). Продолжай.

В и р а д х а г у п т а. И вот в ту ночь, когда должно было произойти заранее объявленное вступление Чандрагупты во дворец Нанды, совершилось также помазание Вайрочаки на царство. Облеченный в красивые доспехи, усыпанные чистейшим жемчугом и драгоценными камнями, увенчанный блестящей драгоценной короной, плотно облегающей голову, покрытый яркими гирляндами и цепями благоухающих цветов, завесивших его широкую грудь, Вайрочака преобразился так, что даже для ближайших друзей стал неузнаваем. По указанию проклятого Чанаки он сел на царскую слониху Читралекху, принадлежащую Чандрагупте, и в сопровождении [подвластных] царей, составляющих свиту Чандрагупты, вступил во дворец государя Нанды. Мастер Даруварман, человек, подсланный вами, принял его за Чандрагупту и обрушил на него заранее приспособленную к тому арку. В то время, как цари из свиты Чандрагупты успели осадить своих животных перед дворцовым входом, погонщик Читралекхи Барбарака, другой ваш доверенный, схватил золотую трость, висевшую у него на золотой цепочке, чтобы вытащить спрятанный внутри нее кинжал.

Р а к ш а с а. О, неуместные старания-обоих!

В и р а д х а г у п т а. Тогда слониха, ожидая удара тростью по брюху, внезапно ринулась вперед, ускорив бег. Падение арки, рассчитанное на прежнюю скорость слонихи, произошло не во время, и погиб несчастный Барбарака, уже извлекший меч, но не успевший достать Вайрочаку, которого он принимал за Чандрагупту. Между тем Даруварман, предвидя смерть, грозящую ему за подстроенное падение арки, заранее взобрался на верхнюю перекладину и оттуда железной палкой, которой приводилось в движение его приспособление, убил несчастного Вайрочаку, ехавшего на слонихе.

Р а к ш а с а. О, горе! Две неудачи разом. Не убит Чандрагупта, и волею судьбы убиты Вайрочака и Барбарака. Но что же стало с мастером Даруварманом?

В и р а д х а г у п т а. Пешие воины из охраны Вайрочаки забросали его камнями насмерть.

Р а к ш а с а (со слезами). О, горе! Увы, я лишился моего милого друга Дарувармана. Ну, а что сделано тамошним врачом Абхаядаттой?

В и р а д х а г у п т а. Все сделано.

Р а к ш а с а (*радостно*). Значит, убит злодей Чандрагупта?

В и р а д х а г у п т а. Нет, советник, волею судьбы он не убит.

Р а к ш а с а (*удрученно*). Почему же ты сказал сейчас, что все сделано?

В и р а д х а г у п т а. Он приготовил для Чандрагупты лекарство, в которое подмешал колдовское зелье. Но проклятый Чанакья освидетельствовал напиток и, заметив, что он изменил цвет в золотой чаше, сказал Чандрагупте: «Низкорожденный, это лекарство отравлено, не пей его». ⁶⁸

Р а к ш а с а. Ну и хитер же этот плут! А что же наш врач?

В и р а д х а г у п т а. Его заставили выпить то лекарство и он умер.

Р а к ш а с а (*удрученный*). Увы, погиб великий кладезь знания! Ну, а что произошло с Прамодакой, смотрителем дворцовых спален?

В и р а д х а г у п т а. То же, что и с другими.

Р а к ш а с а (*взволнованно*). Каким образом?

В и р а д х а г у п т а. Да этот глупец принялся с великой расточительностью тратить на свои удовольствия те большие деньги, которые он от вас получил. Конечно, с него потребовали отчета, откуда у него взялось такое богатство. Отвечая, он запутался в противоречиях, и проклятый Чанакья предал его мучительной казни.

Р а к ш а с а (*взволнованно*). Какие удары и здесь нанесла нам судьба! Но что стало с Бибхатсакой и другими нашими людьми, которые скрывались в потайном ходе под царским дворцом и должны были умертвить Чандрагупту в постели?

В и р а д х а г у п т а. Их постигла ужасная судьба, советник.

Р а к ш а с а (*с тревогой*). Что за ужасная судьба? Неужели проклятый Чанакья открыл место, где они скрывались?

В и р а д х а г у п т а. Именно так, мой советник. Раньше Чандрагупты в дом, где помещается царская спальня, явился проклятый злодей Чанакья. Сразу же при входе он внимательно осмотрелся вокруг и увидел, что из какой-то щели выползают вереницей черные муравьи и тащут с собой кусочки вареного риса. Тут он догадался, что в доме скрываются люди, и приказал поджечь то здание, где

помещалась царская спальня. И когда вспыхнул пожар, Бибхатса и все бывшие с ним, ослепленные дымом, не могли найти двери, через которую можно было выбраться оттуда и которую они перед тем загородили. Все они погибли в пламени.⁶⁹

Р а к ш а с а (*со слезами*). Горе, о, горе! Друг мой, смотри, как судьба благосклонна к проклятому злодею Чандрагупте.

¹⁷ Ядовитую деву я тайно к нему подсылаю, его отравить,
Но убит ею Парвата, волей судьбы, тот, кто мог бы
полцарства забрать.
Все оружия и яды все смерть не ему, но моим же посланцам
несут,
Все уловки мои до единой, смотри, обернулись во благо ему!

В и р а д х а г у п т а. Однако, советник, что уже предпринято, того нельзя оставить. Смотри:

¹⁸ Ничтожный дела не начнет, препятствий сразу убоясь;
Перед преградой с полпути отступит средний человек;
Но и пред тысячью преград не устрашится неудач
И дела, начатого им, не бросит доблестный борец.⁷⁰

И еще:

¹⁹ Или Шеша⁷¹ под бременем не изнывает, если землю не
сбросил с себя?
Или Солнце усталости вовсе не знает, если вечно
в движении оно?
Нет, стыдится достойный, когда, как презренный, не
исполнит он, что обещал.
«Что предпримешь — исполни» — таков неизменно у людей
благородных закон.⁷²

Р а к ш а с а. Друг мой, я не бросаю начатого дела, — ты сам это видишь. Но продолжай свой рассказ.

В и р а д х а г у п т а. После того бдительность проклятого Чанакьи в охране жизни Чандрагупты возросла тысячекратно.

Разнюхав, кто может совершать подобные вещи, он стал преследовать преданных вам людей среди городских жителей.

Р а к ш а с а (*взволнованно*). Говори, говори, кого он схватил?

В и р а д х а г у п т а. Сначала он с позором изгнал из города нищенствующего монаха Дживасиддхи.

Р а к ш а с а (*про себя*). Это еще ничего. Такое наказание не мучительно для неимущего и бездомного. (*Вслух*). Дорогой мой, за какое же преступление он был изгнан?

В и р а д х а г у п т а. За то, что он убил Парватешвару с помощью ядовитой девушки, подосланной Ракшасой.

Р а к ш а с а (*про себя*). Хвала тебе, Каутилья, хвала!

20 От позора ты избавился, и на нас его взвалил,
И убил того, кто полцарства мог отнять;
Ты политики своей одно посеял семя,
А плодов получил с него множество.

(*Вслух*). Продолжай.

В и р а д х а г у п т а. Затем в городе было объявлено, что покушениями на жизнь Чандрагупты, совершенными Даруварманом и другими, руководил не кто иной, как Шакатадаса; после чего Шакатадаса был посажен на кол.

Р а к ш а с а (*со слезами*). Ах, друг мой, Шакатадаса, не заслужил ты подобной смерти! Но нет, ты умер за своего господина, и не должно оплакивать тебя. Это я достоин сожаления, тот, кто после истребления рода Нанды еще стремится жить.

В и р а д х а г у п т а. О советник, но ведь ты же и борешься для завершения дела своего господина!

Р а к ш а с а. Друг мой,

21 Не дело, но жажда жизни мешает последовать мне,
Неблагодарному, за государем в мир иной.

В и р а д х а г у п т а. Это не так, о советник.

22 Ведь дело, не жажда жизни, мешает последовать вам,
Из благодарности, за государем в мир иной.⁷³

Р а к ш а с а. Рассказывай дальше, я готов услышать о новых бедах, постигших моих друзей.

В и р а д х а г у п т а. Видя все это, Чанданадаса переправил семью советника в безопасное место.

Р а к ш а с а. Напрасно он это сделал. Он пошел против этого изверга, презренного Чанакия.

В и р а д х а г у п т а. О, советник, разве он лучше сделал бы, предав друга?

Р а к ш а с а. Продолжай.

В и р а д х а г у п т а. От него потребовали, чтобы он выдал семью советника, но он отказался. Тогда презренный Чанакия пришел в ярость и. . .

Р а к ш а с а (*взволнованно*). Но не казнил же его? . .

В и р а д х а г у п т а. О, нет. Он был лишен всего своего имущества, закован в цепи и брошен в темницу с женой и сыном.

Р а к ш а с а. Зачем же ты говоришь тогда с довольным видом, что семья Ракшасы переправлена в безопасное место? Теперь можно сказать, что скован Ракшаса по рукам и ногам и с женою и с сыном.

(Входит слуга).

С л у г а. Победа советнику! Пришел Шакатадаса и ждет у ворот

Р а к ш а с а. Любезный, правду ли ты говоришь?!

С л у г а. Могу ли я, слуга советника, произнести ложь?

Р а к ш а с а. Друг мой, Вирадхагупта, как это может быть?

В и р а д х а г у п т а. Советник, кому суждено уцелеть, того хранит провидение.

Р а к ш а с а. Прямавадака, так что же ты медлишь? Сейчас же введи его.

С л у г а. Слушаю. (*Уходит*).

(Входят Сиддхартхака и Шакатадаса).

Ш а к а т а д а с а (*про себя*).

23 Я уж видел ужасный тот кол пред собой,
Утвержденный в земле, словно Маурьи власть;

На плечах я гирлянду ⁷⁴ зловещую нес,
 Угнетавшую сердце, как счастье врага;
 Звуки страшные турий ⁷⁵ терзали меня,
 Как паденье и гибель царя моего;
 Но в отчаянии том не сломился мой дух, —
 Видно, в прежних несчастьях он был закален.

(*Приближается и осматривается. С радостью*). Вот советник Ракшаса. Это он,

²⁴ Чья преданность не умерла, хоть умер Нанда;
 Кто продолжает дело государя.
 И на земле из всех, хранящих верность.
 Он — преданности высочайший образец.

(*Приближается*). Победа советнику!

Р а к ш а с а (*вглядывается, с радостью*). Друг мой, Шакатадаса, я вижу тебя, счастливо вырвавшегося из рук Каутильи! Так обними же меня!

(*Шакатадаса обнимает его*).

(*После долгих объятий*). Садись на это место.

(*Шакатадаса делает вид, что садится*).

Друг мой, Шакатадаса, кто же даровал такую радость моему сердцу?

Ш а к а т а д а с а (*указывает на Сиддхартхаку*). Это он, мой дорогой друг Сиддхартхака, разогнал палачей и увлек меня с места казни.

Р а к ш а с а (*с радостью*). Любезный Сиддхартхака, может ли это вознаградить такую услугу? Тем не менее, прими это от нас. (*Снимает с себя драгоценности и отдает их*).

С и д д х а р т х а к а (*принимает драгоценности и падает Ракшасе в ноги. Про себя*). Так приказывал мне господин. Ладно. Так и поступлю. (*Вслух*). О советник, я здесь впервые и не знаю никого, кому я мог бы спокойно доверить дар твоей милости. Поэтому я хо-

тел бы, чтобы он хранился в сокровищнице советника, запечатанный этим перстнем. Когда он мне понадобится, я возьму его.

Р а к ш а с а. Любезный, о чем речь! Шакатадаса, сделай по его желанию.

Ш а к а т а д а с а. Как прикажет советник. (*Увидев перстень, вполголоса Ракшасе*). Советник, на печати вырезано ваше имя.

Р а к ш а с а (*смотрит. Про себя*). Поистине, это перстень, который сняла с моей руки жена, чтобы смягчить свою тоску, когда я покидал город. Как он попал на руку этого человека? (*Вслух*). Любезный Сиддхартхака, откуда у тебя этот перстень?

С и д д х а р т х а к а. Есть в Кусумапуре некий старшина золотых дел мастеров по имени Чанданадаса. Я подобрал этот перстень у дверей его дома.

Р а к ш а с а. Это подходит к обстоятельствам.

С и д д х а р т х а к а. Что подходит, советник?

Р а к ш а с а. Что такую вещь, любезный, можно было подобрать только у дверей дома богатого человека.

Ш а к а т а д а с а. Дорогой Сиддхартхака, на этом перстне вырезано имя советника. Советник удовлетворит тебя, даст за этот перстень гораздо больше денег, чем он стоит. Дай его сюда.

С и д д х а р т х а к а. О господин, я сочту за милость, если советник примет от меня этот перстень. (*Отдает перстень*).

Р а к ш а с а. Друг Шакатадаса, ты используешь этот перстень с печатью при исполнении своих обязанностей.

Ш а к а т а д а с а. Как прикажет советник.

С и д д х а р т х а к а. О советник, у меня есть просьба к тебе.

Р а к ш а с а. Говори смело.

С и д д х а р т х а к а. Советнику известно, что, совершив не-угодное презренному Чанаке, я не могу теперь вернуться в Паталипутру. Смирненно прошу советника взять меня к себе на службу.

Р а к ш а с а. Любезный, ты радуешь меня. Я не предложил тебе этого только потому, что не знал твоих намерений. Пусть будет так.

С и д д х а р т х а к а (*с радостью*). Благодарю за милость,

Р а к ш а с а. Шакатадаса, позаботься об отдыхе для Сиддхартхаки.

Ш а к а т а д а с а. Слушаю. (*Уходит с Сиддхартхакой*).

Р а к ш а с а. Друг мой, Вирадхагупта, докончи свой рассказ. Чувствуют ли подданные Чандрагупты плоды нашего тайного подстрекательства?

В и р а д х а г у п т а. О да, советник, они чувствуют, это стало известно.

Р а к ш а с а. Что стало там известно, друг мой?

В и р а д х а г у п т а. О советник, вот что стало известно. Со времени бегства Малаякету Чандрагупта разгневан на Чанакью. А Чанакья, возгордившись своими блестящими успехами, еще увеличивает раздражение Чандрагупты, то и дело нарушая его приказания. Я говорю это по собственному впечатлению.

Р а к ш а с а (*с радостью*). Друг мой, Вирадхагупта, ступай опять в Кусумапуру в этом обличьи заклинателя змей. Там есть у меня добрый друг по имени Станакалаша; он живет там под видом придворного певца. Ты передашь ему от моего имени, чтобы всякий раз, когда Чанакья будет нарушать царские приказания, он подстрекал бы Чандрагупту к возмущению зажигательными стихами. О положении дел пусть доносит нам в строгой тайне через Карабхаку.

В и р а д х а г у п т а. Как прикажет советник. (*Уходит*).

(*Входит слуга*).

С л у г а. Советник, Шакатадаса просил доложить, что продаются вот эти три украшения высокой ценности. Пусть советник сам посмотрит.

Р а к ш а с а (*смотрит*). О, это драгоценности высокого достоинства. Любезный, передай от нашего имени Шакатадасе, чтобы он удовлетворил продавца и купил их.

С л у г а. Хорошо. (*Уходит*).

Р а к ш а с а. А я между тем пошлю еще Карабхаку в Кусумапуру. (*Встает*). Пусть же порвет Чандрагупта со злодеем Чанакьей! Наконец я вижу себя у цели моих стремлений. Ибо

²⁵ Всех правителей власти своей подчинив,
Хочет Маурья царственно повелевать.
Преисполнился дерзости, мысля о том,
Каутилья: «Ведь я его сделал царем».
Власть обрел над страной один, как желал,
И обет свой труднейший исполнил другой.
Оба цели достигли, и время пришло,
Чтобы дружбе взаимной конец положить.

(Все уходят).

К О Н Е Ц В Т О Р О Г О Д Е Й С Т В И Я ²⁶

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

(Входит дворецкий).

Д в о р е ц к и й *(уныло)*.

- ¹ Было время, я знал красоту вещей,
Осязала рука их и видел их глаз,
Без отказа служили тебе, о страсть,
Мои члены и чувства, рождая тебя.
Тем служением ты изнурила их,
Силы жизни покинули тело мое,
И смирившись у старости под пятой,
Изнываешь в бесплодных стремлениях ты.

(Идет вокруг сцены и говорит в пространство). Эй, эй, слуги Сугангского дворца! Государь Чандрагупта, благословенно его имя, приказывает вам: «Хочу я насладиться видом Кусумапуры, торжественно справляющей наступающий праздник полнолуния.⁷⁷ Пусть же дворец Суганга и его окрестности будут украшены надлежащим образом для нас». *(Снова говорит в пространство)*. Что ты говоришь? «Господин, разве государь не знает, что праздник полнолуния отменяется?». Ах, вы, злосчастные, что означают эти рассказы, которые могут стоить вам жизни? Сейчас же

- ² На колонны, одетые в роскошь гирлянд,
Издающие сладких дымков аромат,
Возложите чамары ⁷⁸ прекрасные те,
Что блещут, как лучи этой полной луны.

Здесь под бременем царского трона земля
Истомилась давно, освежите ее,
Благовонной сандаловой брызнув водой,
И цветами ее устелите скорей.

Что вы говорите? «Господин, будет исполнено повеление государя». Любезные, поторопитесь. Вот уже пришел государь Чандрагупта. Это он...

³ Ярмо тяжелое правления страной предшественник
его пронес
По самым трудным тропам, не свернув, как старый,
опытный в упряжке бык.
А он без подготовки с юных лет взвалил на плечи
тяжкое ярмо.
Но сильный духом, бремя он несет, не отступаясь
и не зная бед.

Г о л о с з а с ц е н о й. Сюда, государь, сюда.

(Входит царь в сопровождении привратницы).

Ц а р ь *(про себя)*. Сколько неприятностей доставляет царствование правителю, мыслящему об исполнении своего царского долга! Потому что

⁴ Бросает царь заботу о других, когда о пользе
думает своей;
Раз жертвует он пользою своей, то в званьи
властелина смысла нет.
Когда чужая польза для него дороже, — он
в зависимость попал;
А будучи зависим от других, кто в радости
подобной вкус найдет?

И к тому же даже хорошим правителям трудно умиловить царственную Лакшми. Ибо

- ⁵ И суровых она страшится, и от нежных бежит, позора
боясь;
Ненавидит она невежду и не любит того, кто слишком
учен;
Трепеща, избегает смелых, а над трусом всегда смеется
она —
Как гетере высокомерной, так же трудно богине Шри
угодить.

Кроме того, по совету господина, я должен притвориться, что поссорился с ним, и некоторое время действовать самостоятельно. Так приходится мне пойти на этот грех. Ведь в то время, когда ум наш постоянно обогащается советами господина, мы всегда остаемся истинно независимы. Ибо

- ⁶ Пока доброе дело творит ученик, свободен в действиях он
своих;
Лишь когда в заблуждении собьется с пути, учитель станет
ему жезлом.
Послушанию преданный в добрых делах жезла не ведает над
собой.
Если так, безусловно не нужно тогда нам независимости
иной.

(Вслух). Благородный Вайхинари, показывай дорогу в Сугангу.
Д в о р е ц к и й. Сюда, сюда, государь. (Идут вокруг сцены).
Вот дворец Суганга. Пусть государь потихоньку взойдет.

Ц а р ь (делает вид, что всходит по ступеням, и осматривается по сторонам). О, как прекрасны окрестности, блистающие великолепием осени!

- ⁷ Подобны рекам десять стран небес; ⁷⁹ белеют берегами
гряды облаков,
И стаями усеяны они поющих звонко в поднебесьи
лебедей.

Как реки убывают той порой, так небо медленно теряет
летний зной;
Как лилии прекрасные в реке, в ночи созвездия мерцают
в небесах.

И еще:

- ⁸ Разлившиеся бурно воды возвратила в берега,
Пригнула всходы риса тяжестью обильного плода,
От гордости отравы злой павлинов ⁸⁰ излечила, — о!
Поистине, по всей земле порядок осень навела.

И так же,

- ⁹ Как оскорбленную обилием любовниц у супруга
Жену искусной речью утешает, с мужем примиряя,
Посланица любви, так осень, волны мутные очистив
Ревнивой Ганги, к господину вод ⁸¹ счастливую приводит.

(Делает вид, что озирает окрестность). О, что это? В Кусумапуре не начинают празднества полнолуния? Благородный Вайхинафи, разве не было объявлено в Кусумапуре от нашего имени о празднике полнолуния?

Д в о р е ц к и й. Конечно, было объявлено!

Ц а р ь. Так почему же горожане не следуют нашему слову?

Д в о р е ц к и й (затыкает уши). Боже избави, боже избави! Никто на земле не ослушается повеления государя; как же могут ослушаться в городе?

Ц а р ь. Тогда почему же не начинают праздновать торжественный день полнолуния в Кусумапуре?

- ¹⁰ На неукрашенных улицах города нет ни веселых
нарядных гетер;
Тяжелобедрых и плавно ступающих средь изощренных
в беседе мужчин;
Нет там ни домохозяев почтеннейших, с женами
вышедших в праздничный день
И беззаботно богатством кичащихся в соревновании
между собой.

Д в о р е ц к и й. Это именно так и есть.

Ц а р ь. Что так и есть?

Д в о р е ц к и й. Государь, это самое.

Ц а р ь. Говори яснее.

Д в о р е ц к и й. Праздник полнолуния запрещен.

Ц а р ь (с гневом). О! Кем?

Д в о р е ц к и й. Государь, я не смею сказать более.

Ц а р ь. Но не благородный же Чанакья лишил зрителей высочайшей отрады очей?

Д в о р е ц к и й. Кто другой, дорожа своей жизнью, мог пренебречь повелением государя?

Ц а р ь. Шоноттара, я хотел бы сесть.

П р и в р а т н и ц а. Государь, вот тронное сиденье.

Ц а р ь (делает вид, что садится). Благородный Вайхинари, я хочу видеть благородного Чанакью.

Д в о р е ц к и й. Как прикажет государь. (*Уходит*).

(*Появляется Чанакья, восседающий в своем доме, изображая гневное раздумье*).

Ч а н а к ь я. Смее ли соревноваться со мной злодей Ракшаса?

- ¹¹ Как оскорбленный Каутилья ускользнул из города змеей
И, уничтожив Нанду, Маурью безродного возвел на трон,
Так ныне хочет он власть Маурьи низвергнуть — блеск
луны сгубить,
Преодолеть своим искусством превосходство моего ума.

(*Обращается в пространство к невидимому*). Ракшаса, Ракшаса, прекрати эту бесплодную борьбу с нами!

- ¹² Пред тобой Чандрагупта, не Нанда надменный,
Поручивший правление советникам
скверным,⁸²

Ты же сам — не Чанакья, и, мне подражая,
Лишь враждой к государю ты сходи со мною.

(Размышляет). Но я не должен чрезмерно печалиться из-за этого. Ведь

- ¹³ Сына Парваты слуги мои окружают, получившие
доступ к нему.
И Сиддхартхака там, и другие посланцы выполняют
заданья мои.
Я же ссору притворную с Маурьей светлым для того
затеваю теперь,
Чтоб из стана врагов наших Ракшасу вырвать, столь
«искусного» сеять раздор.

(Входит дворецкий).

Д в о р е ц к и й. Ну и несчастная же моя служба!

- ¹⁴ Трепещи пред царем, трепещи пред министром, перед
царским любимцем дрожи,
Прихлебателей бойся, дворец населивших, бойся в милость
вошедших к царю.
Притворяйся, глаза опустив, ради хлеба. Глубоко унижает
людей
Эта служба; ведь истинно жизнью собачьей ⁸³ называют
ее мудрецы.

(Идет вокруг сцены и осматривается). Вот дом благородного Чанаки. Войду туда. (Входит и осматривается). О, так вот оно, великолепие советника царя царей!

- ¹⁵ Вот осколок валяется камня, чтоб засохший навоз разбивать,
Принесенная учениками куча куши-травы там лежит,
Здесь под тяжестью дров, что сложили для просушки
на солнце вверху,
Крыша дома прогнулась заметно; а стена обветшала совсем. ⁸⁴

И поистине государь Чандрагупта для него только «Низко-рожденный».

- ¹⁶ Ведь даже люди, что ко лжи не склонны, по низости
души в своих речах

Ч а н а к ъ я *(встает)*. Показывай дорогу в Сугангу.

Д в о р е ц к и й. Сюда, сюда, господин.

(Оба идут вокруг сцены).

Вот дворец Суганга.

Ч а н а к ъ я *(делает вид, что поднимается по ступеням и осматривается)*. О, ты взошел на трон, Низкорожденный! Хвала тебе, хвала.

- ¹⁸ От рода Нанды, от царей негодных избавлен трон,
Теперь воссел на нем Низкорожденный, бык меж царей,⁸⁵
Достойного властителя отныне сей трон обрел —
Все эти выгоды большую радость приносят мне.

(Приближается к царю). Да побеждает Низкорожденный!

Ц а р ь *(встает с трона)*. Господин, Чандрагупта преклоняется перед тобой *(падает ему в ноги)*.

Ч а н а к ъ я *(поднимает его за руки)*. Встань, сын мой.

- ¹⁹ От гималайских утесов, охлаждаемых брызгами водопадов
небесной реки,⁸⁶
До берегов океана на юге, сверкающих пестротой
драгоценных камней,
К тебе стекаются с трепетом и с изъявлением покорности
сотни и сотни царей;
В лучах сокровищ, на царских коронах блистающих, пусть
омоются ноги твои.

Ц а р ь. Только по милости господина обрел я все. Пусть господин сядет.

(Оба садятся соответственно).

Ч а н а к ъ я. Низкорожденный, зачем ты призвал нас?

Ц а р ь. Дабы иметь счастье лицезреть господина.

Ч а н а к ъ я *(с улыбкой)*. Довольно любезностей. Цари не посылают за своими сановниками без причины.

Ц а р ь. Господин, какую цель преследовал ты запрещением праздника полнолуния?

Ч а н а к ь я (*улыбаясь*). Значит, за нами посылали, чтобы сделать нам выговор?

Ц а р ь. Боже избави, боже избави. Нет, никоим образом. Лишь для разъяснения.

Ч а н а к ь я. Если так, ученик, конечно, не должен противиться воле наставника, к которому обращается за разъяснением.

Ц а р ь. Именно так. Какое может быть сомнение? Но господин никогда ничего не делает без причины; отсюда и наш вопрос.

Ч а н а к ь я. Ты правильно рассуждаешь, Низкорожденный. Чанакья даже во сне не действует без причины.

Ц а р ь. Господин, желание узнать причину и заставило меня начать этот разговор.

Ч а н а к ь я. Слушай же, Низкорожденный. Сочинители трактатов, посвященных науке о государстве, говорят о трех способах правления: оно может быть возложено на царя, или на министра, или на них обоих. Поскольку у нас правление подчинено министру, к чему тебе дознаваться о причинах? В данном случае это наше дело — знать о них.

(Царь в гневе отворачивает лицо).

(За сценой два придворных певца ⁸⁷ декламируют).

П е р в ы й п е в е ц.

²⁰ Пеплом, что каши ⁸⁸ расцвета белей, Шива небесный простор обелил;

Шкуру слона он лучами пронзил, — тьму облаков

пронизал блеск луны;

Из черепов ожерелье его — лунным сияньем сверкает оно;

Смех его светлый — как лебеди бел; пусть Шива-Осень

вас грусти лишит.⁸⁹

И еще:

²¹ Еле проснувшись, глазами кося, лик отвернув от горящих камней,

Хари со змея собирается встать, с прочного ложа его клобуков.
Он, потянувшись, зевает, глаза полужакрыты еще у него,
Влаги полны, покраснели со сна; — пусть от беды они вас
охранят.⁹⁰

В т о р о й п е в е ц .⁹¹

²² Власти сознанье недаром в сердца
Неких созданий влагает творец.
Силою [львы] побеждают в борьбе
Гордых слонов — предводителей стад.
Властолюбивым звериным царям
Враг не посмеет клыка поломать.
И не потерпят властители царств,
Чтоб нарушался их царский приказ.

И еще:

²³ Не ношенье драгоценностей делает царя царем;
Лишь тот — властитель, чьим приказом никто
не смеет пренебречь.

Ч а н а к ъ я (*про себя*). Первое стихотворение под видом хвалы определенным божествам воспевает наступающую осень. А второе что значит? — не понимаю. (*Размышляет*). А, ясно! Это происки Ракшасы. О злодей Ракшаса, ты убедишься, однако, что бодрствует Каутилья!

Ц а р ь. Благородный Вайхинари, выдай обоим певцам сто тысяч золотых монет.

Д в о р е ц к и й. Как государь прикажет. (*Встает и идет со сцены*).

Ч а н а к ъ я (*с гневом*). Стой, не уходи, Вайхинари!

(*Дворецкий с трепетом смотрит на царя*).

Низкорожденный, к чему эти огромные бесполезные и неуместные расходы?

Ц а р ь (с яростью). Во всем господин стремится мне воспрепятствовать, и царствование мое — не царствование, а заключение в оковах.

Ч а н а к ь я. Низкорожденный, подобные беды постигают всех царей, которые сами не способны править. Если же ты не выносишь этого, попытайся править сам.

Ц а р ь. Своими делами я займусь сам.

Ч а н а к ь я. Мы рады этому. А мы займемся своими делами.⁹²

Ц а р ь. Что ж, если так, я хочу знать, по какой причине запрещено празднование полнолуния?

Ч а н а к ь я. А я хочу знать, Низкорожденный, по какой причине должен справляться праздник полнолуния.

Ц а р ь. Во-первых, чтобы не нарушалось мое приказание.

Ч а н а к ь я. А первой причиной запрещения праздника, Низкорожденный, было мое стремление воспрепятствовать твоему приказанию. Ибо

²⁴ От четырех океанов ⁹³ — пучин стаями тими ⁹⁴ волнуемых вод,
С их берегов, где чернеют у вод темной листвою
тамалов ⁹⁵ леса,
Головы клонят пред волей твоей сотни царей; я нарушил ее.
Это должно показать, что твоя повиновеньем украшена
власть.

А если хочешь, я расскажу тебе и о другой причине.

Ц а р ь. Рассказывай.

Ч а н а к ь я. Шоноттара, передай от моего имени писцу Ачале, чтобы он выдал список с именами Бхадрабхаты и других недовольных, бежавших с нашей службы и прибегших к покровительству Малаякету.

П р и в р а т н и ц а. Как прикажет господин. (*Уходит и возвращается*). Господин, вот список.

Ч а н а к ь я (*берет список*). Слушай, Низкорожденный.⁹⁶

Ц а р ь. Я весь — внимание.

Ч а н а к ь я (*читает*). «Точный список имен сановников, бывших союзников государя Чандрагупты, благословенно его имя,

ныне сбежавших и прибегнувших к покровительству Малаякету, нашего врага. А именно: Бхадрабхата, начальник над боевыми слонами;⁹⁷ начальник над конницей Пурушадатта; Дингарата, племянник главного привратника; государев родственник махараджа Баладевагупта; государев же дядька⁹⁸ Раджасена; Бхагураяна, младший брат военачальника Синхабалы; малавийский князь Лохитакша; предводитель кшатриев⁹⁹ Виджаяварман. Вышеназванные состоят на службе у государя».

Ц а р ь. Но я хотел бы знать причины недовольства этих людей.

Ч а н а к ь я. Слушай, Низкорожденный. Начальник над слонами Бхадрабхата и начальник над конницей Пурушадатта оба привержены к женщинам, пьянству и охоте, оба не смотрели за слонами и конями и были отрешены мною от должности; только жалование было им оставлено. Теперь они бежали во вражеский стан и поступили на службу к Малаякету, каждый по своей должности. Двое других, Дингарата и Балагупта, одолеваемы необычайной жадностью. Они сочли недостаточным жалование, получаемое от тебя, и, желая большего, перебежали на службу к Малаякету. Что касается Раджасены, дядьки царевича, то он испугался, как бы огромное богатство, состоящее из слонов, коней и большой казны, нажитое им неожиданно от твоей милости, так же неожиданно не было у него отобрано. И он бежал и поступил на службу к Малаякету. Другой же, Бхагураяна, младший брат полководца Синхабалы, в свое время завязал дружбу с Парватакой; он спугнул тогда Малаякету, поведав ему тайно, что отца его убил Чанакья. Когда были схвачены Чанданадаса и другие государственные изменники, он, памятуя о своих преступлениях, бежал и поступил на службу к Малаякету. А тот из благодарности, считая, что Бхагураяна спас ему жизнь, немедленно предоставил ему должность советника при своем дворе. Наконец, Лохитакша и Виджаяварман, оба преисполненные чрезмерной гордости, не могли вынести той чести, которую оказывал ты другим своим родственникам, и перешли на службу к Малаякету. Таковы причины их недовольства.

Ц а р ь. Но, зная причины их недовольства, почему господин своевременно не воспрепятствовал этим людям бежать?

Ч а н а к ъ я. Им нельзя было препятствовать, Низкорожденный.

Ц а р ь. Ты был не в состоянии им воспрепятствовать? Или это было сделано по расчету?

Ч а н а к ъ я. Почему же не в состоянии? Конечно, по расчету.

Ц а р ь. Я хотел бы теперь услышать, в чем состоял расчет.

Ч а н а к ъ я. Слушай же и замечай. Надо сказать, что недовольным подданным можно воспрепятствовать двумя способами: милостью или наказанием. По отношению к обоим смещенным чиновникам — Бхрабрахате и Пурушадатте — милость заключалась бы в восстановлении их в прежней должности. Восстановить же в должности подобных людей, заведомо непригодных по своей порочности, означало бы погубить слонов и коней, опору всего государства. Алчные Дингарата и Балагупта не удовлетворились бы, даже если бы им даровать все царство, — какую можно было оказать им милость? Где было найти возможность для оказания милости Раджасене и Бхагураяне, боявшимся потерять свое состояние? Какого рода милость утешила бы гордецов Лохитакшу и Виджаявармана, не выносящих почестей, выпавших на долю твоим родственникам? Таким образом первый путь был для нас закрыт. Остается второй способ. Но если бы мы, едва сменив Нанду у власти, подвергли бы жестокому наказанию поддержавших нас в борьбе сановников, это вызвало бы к нам недоверие приверженных еще к роду Нанды подданных. Следовательно, и этот путь был для нас закрыт. Так вошли в милость к Малаякету бывшие наши сторонники. Теперь же сын Парватаки, разгневанный убийством своего отца, готовится напасть на нас с громадным войском иноземцев, руководимый Ракшасой. Так что наступает время испытаний, не время праздников. Разве до празднования дня полнолуния сейчас, когда нужно заняться приготовлениями к обороне?¹⁰⁰ Поэтому оно и отменяется, это празднество.

Ц а р ь. Господин, у меня по этому поводу много вопросов к тебе.

Ч а н а к ъ я. Спрашивай без стеснения, Низкорожденный. У меня тоже есть много о чем сказать тебе по этому поводу.

Ц а р ь. Почему допустили бегство Малаякету, который явился причиной всех этих неурядиц?

Ч а н а к ъ я. Низкорожденный, не допустить это можно было двумя путями: либо захватить его в плен, либо отдать ему обещанную половину царства. Схватить его силой — значило бы сознаться в своем вероломстве, признать, что Парватака умерщвлен нами. Если бы мы отдали ему обещанную половину царства, то и это могли бы счесть лишь попыткой загладить вероломное убийство Парватаки. Так мы позволили Малаякету бежать.

Ц а р ь. Пусть будет так. Но как объяснит господин, почему упустил он Ракшасу, который тоже был здесь?

Ч а н а к ъ я. Ракшаса долго жил в городе, и за это время верные подданные Нанды хорошо узнали достоинства его. Это обстоятельство, так же как и его непоколебимая преданность своему государю, завоевало ему чрезвычайное уважение в их среде. Одаренный умом и мужеством, располагая множеством верных друзей и большой казной, этот человек, оставшись в городе, неминуемо возбудил бы великое возмущение против нас в народе. В отдалении же, какое бы возмущение он против нас ни поднял, с ним не так трудно будет справиться. Поэтому ему позволили бежать.

Ц а р ь. Но почему было не принять меры, пока он еще был здесь? ¹⁰¹

Ч а н а к ъ я. Да ведь меры были приняты. Оставаясь здесь, он был для нас как шип в сердце. Теперь, когда он удалился, этот шип извлечен.

Ц а р ь. Почему было не захватить его силой в плен?

Ч а н а к ъ я. Но ведь это же Ракшаса! Если бы мы попытались захватить его силой, он либо перебил бы многие твои войска, либо погиб бы сам. В обоих случаях это было бы несчастьем. Смотри:

²⁵ Если б в жестоком бою он погиб, доведенный до крайности, — Жаль бы тебе потерять человека подобного, Маурья.

Если бы лучших бойцов погубил он твоих — тоже вред тебе. Средством иным, как лесного слона, приручить его следует.

Ц а р ь. Мы не в состоянии опровергнуть мнение господина. Но если кто достоин похвалы во всех отношениях, то это советник Ракшаса.

Ч а н а к ъ я (с гневом). «Но не ты». . . — это хотел ты сказать.
О Низкорожденный, что же он совершил, этот Ракшаса?

Ц а р ь. Слушай. Ведь этот великий человек

²⁶ Оставался в захваченном городе нашем
Столько времени, сколько он сам захотел,
Нам тревоги чиня; возгласить о победе
Воспрепятствовал силой он нашим войскам
И своею политикой, хитростью тайной
В замешательство полное нас он привел,
Так что мы наконец доверять перестали
Даже людям заведомо преданным нам.

Ч а н а к ъ я (усмехаясь). Вот что совершил Ракшаса.¹⁰² Можно
подумать, Низкорожденный, что он сверг тебя с трона, как я Нанду,
и как я тебя, так он Малаякету возвел на императорский трон вла-
стителем земли.

Ц а р ь. Но ведь все это сделано другим, не тобою; разве госпо-
дина это заслуга?

Ч а н а к ъ я. О, неблагодарный.

²⁷ Кто же другой дал открыто ужасную клятву
Вражеский род истребить до последнего члена?
Чьи это пальцы, сгибаясь от яростной дрожи,
На голове ради клятвы той прядь распустили?
Кем же погублены девять властителей Нандов,
Те, что монет девятьсот девяносто миллионов ¹⁰³
В царской имели казне; словно скот при обряде.
Кто их прикончил у Ракшасы перед глазами?

И еще,

²⁸ Видишь, не гаснут костры погребальные Нандов;
Мозгом обильно тела их огонь насыщают.
Радуют эти огни обитателей кладбищ,
Словно как дымом сиянье небес затмевают;
Только не дым это — стаи стервятников жадных
В небе кругами подолгу парят неподвижно.¹⁰⁴

Ц а р ь. Но ведь все это сделано другим, не тобою.

Ч а н а к ь я. О! Кем же?

Ц а р ь. Роду Нанды враждебною судьбой.

Ч а н а к ь я. Только непросвещенные верят в судьбу.

Ц а р ь. А просвещенные избегают хвастовства.

Ч а н а к ь я (с яростью). Низкорожденный, ты хочешь помыкать мною как слугой!

²⁹ Рука опять стремится распустить завязанную прядь. . .
(Топает ногой о землю).

Нога моя опять готова в клятву новую вступить;
По истреблени Нанды стихший гнева моего огонь
Теперь опять ты зажигаешь, злой судьбой своей влеком.

Ц а р ь (про себя, взволнованно). О, неужели господин и в самом деле гневается? Ведь вот же

³⁰ Застланы чистой слезою, бегущей с дрожащих от гнева ресниц,
Мечут глаза его пламя, над пламенем хмурятся
брови как дым.

Кажется мне, что ноги его топая вынести не может
земля,
Рудры неистовый ярости танец,¹⁰⁵ дрожа, вспоминает
она.

Ч а н а к ь я (подавляя притворный гнев). Низкорожденный, Низкорожденный, довольно пререканий. Если ты считаешь, что Ракшаса лучше меня, пусть этот меч отдадут ему. (Бросает меч, встает и устремляет взор в пространство. Про себя). Ракшаса, Ракшаса, вот оно, превосходство твоей мудрости, которым стремишься ты одолеть мудрость Каутильи.

³¹ Твой замысел: «Порвавшего с министром,
Счастливо победить я Маурью сумею».
Но между тем, о плут, разрыв мой с Чандрагуптой
Падет на голову твою, тебе ж на горе.

(Уходит).

Ц а р ь. Благородный Вайхинари, пусть будет объявлено подданным, что отныне Чандрагупта сам будет править царством, не считаясь с Чанакьей.

Д в о р е ц к и й (*про себя*). Как, Чанакья теперь уже без титула, не «благородный Чанакья»? Ого, видно должность у него действительно отобрали. Однако в этом нет, конечно, вины государя.

³² Если царь неверно поступает, в том советника вина.

То погонщика небрежность, если злобным назовут слона.

Ц а р ь. Господин, о чем ты задумался?

Д в о р е ц к и й. Государь, ни о чем. Благодарение судьбе, государь стал ныне государем поистине.

Ц а р ь (*про себя*). Если на меня теперь смотрят, как на царя, правящего самостоятельно, по собственному усмотрению, значит сбываются желания господина по его расчету. (*Вслух*). Господин, господин, поторопись, ступай скорее.

Д в о р е ц к и й. Как государь прикажет. (*Уходит*).

Ц а р ь. Шоноттара, после этой жестокой ссоры меня мучает головная боль. Проводи меня в дом, где помещается моя спальня.

П р и в р а т н и ц а. Идем, идем, государь.

Ц а р ь (*встает. Про себя*).

³³ При мысли, что нарушил я веленье господина,
Я так подавлен, что готов сквозь землю провалиться.
О люди, что способны от учителей отречься,
Как их сердца при этом от стыда не разорвутся?!

(*Все уходят*).

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(Входит слуга в дорожном платье).

С л у г а. Ах, чудеса, чудеса.

¹ Кто больше ста йоджан ¹⁰⁷ туда и обратно покроет,
Если к тому не принудит его неперемный приказ господина?

Ну, я пойду в дом советника Ракшасы. *(Идет вокруг сцены, выказывая усталость)*. Кто здесь есть из привратников? Доложи господину советнику Ракшасе, что Карабхака спешно прибыл из Паталипутры. ¹⁰⁸

(Входит привратник).

П р и в р а т н и к. Любезный, говори потише. Советник еще не вставал, он страдает от головной боли после бессонной ночи, проведенной в размышлениях о делах государства. Поэтому подожди немного. Я доложу о твоём прибытии, когда представится возможность.

С л у г а. Любезнейший, так и сделай.

(Появляется задумчивый Ракиаса, восседающий в своей спальне вместе с Шакатадасой).

Р а к ш а с а *(про себя)*.

² Я думаю о ненадежности судьбы для замыслов моих
И о коварстве Каутильи размышляю непрестанно.
О неудачах помня, что постигли начинания мои, —
Как э т о мне удастся? — мыслю, бодрствуя
бессонной ночью.

С л у г а.¹¹¹ Расступитесь, расступитесь! Дайте дорогу! Разойдитесь, разойдитесь, люди. Разве вы не видите?

⁴ Не только приближаться, но и смотреть запрещено

беднякам

На богов земных — на царей из счастливых родов,

как на небесных богов.

(В пространство). Что вы говорите, господа? Почему вам велят разойтись? О, господа, царевич Малаякету прибыл навестить советника Ракшасу, страдающего от головной боли; поэтому вам и велят расступиться. (Уходит).

(Входит Малаякету в сопровождении Бхагураяны и дворецкого).

М а л а я к е т у (вздыхает, про себя). Сегодня исполняется десять месяцев со дня смерти моего отца.¹¹² Между тем до сих пор я не совершил даже возлияния воды в память о его душе, несмотря на всю свою пустую гордость и хвастливую смелость. А ведь я торжественно поклялся в то время, что. . .

⁵ Лишь тогда совершу я обряд возлияния в память отца,

Когда женам врага принесу ту печаль, что измучила мать.¹¹³

Поломались браслеты о грудь, платье падает с плеч у нее,

Волоса заглубели в пыли, слышен горести жалобный крик.

О чем здесь толковать?

⁶ Иль я возьмусь за дело, что достойно смелых,

И путь отцов моих избрав, погибну в битве,

Иль с глаз у матерей моих сниму я слезы

И на глаза тех жен врага перенесу их.

(Вслух). Благородный Джаджали, передай от моего имени царям нашей свиты, что я хочу доставить советнику Ракшасе неожиданную радость, посетив его без предупреждения. Поэтому они могут не беспокоиться и не следовать за нами.

Д в о р е ц к и й. Хорошо. (Идет кругом сцены. Поднимает глаза). О, слушайте, властители, что велел передать вам царевич: «Пусть никто не сопровождает меня». (Осматривается. С радостью).

поступающие к тебе на службу,] опасаются, что царевич не станет доверять им, если они будут действовать через Ракшасу. В этом значение их слов.

М а л а я к е т у. Похоже на правду. Проводи меня в дом советника.

Б х а г у р а я н а. Сюда, сюда, царевич.

(Оба идут кругом сцены).

Вот дом советника. Пусть царевич войдет.

М а л а я к е т у. Я вхожу. *(Делает вид, что входит)*.¹¹⁶

Р а к ш а с а *(про себя)*. А, вспомнил. *(Вслух)*. Так видел ли ты, любезный, в Кусумапуре Станакалашу?

К а р а б х а к а. Разумеется, советник.

М а л а я к е т у *(прислушиваясь)*. Бхагураяна, речь идет о Кусумапуре. Не будем приближаться к ним пока. Послушаем. Ибо

⁸ Перед царями говорят советники иначе
Из страха государя чем-нибудь задеть.

Совсем другое говорят они о том же,
Когда таиться и стесняться нет нужды.

Б х а г у р а я н а. Как прикажет царевич.

Р а к ш а с а. Любезный, удалось ли то предприятие?

К а р а б х а к а. По милости советника удалось.

М а л а я к е т у. Друг мой Бхагураяна, что это за предприятие?

Б х а г у р а я н а. Царевич, глубоко таинственна речь советника. Еще нельзя ее уразуметь. Погрузимся пока во внимание.

Р а к ш а с а. Любезный, я хочу, чтобы ты рассказал обо всем подробно.

К а р а б х а к а. Слушай, советник. В то время советник дал мне такое приказание: «Ступай в Кусумапуру, Карабхака. Передай там от моего имени придворному певцу Станакалаше, что всякий раз, как проклятый Чанакья станет нарушать повеления Чандрагупты, он должен декламировать шлоки,¹¹⁷ которые разжигали бы гнев царя».

Р а к ш а с а. Продолжай, любезный.

К а р а б х а к а. Затем я отправился в Паталипутру и передал поручение советника придворному певцу Станакалаше. В это время, чтобы развлечь горожан, опечаленных гибелью рода Нанды, царь объявил о торжественном праздновании дня полнолуния. Народ с радостью воспринял весть о любимом празднике, давно уже не справлявшемся, как весть о встрече с родным и желанным человеком.

Р а к ш а с а *(со слезами на глазах)*. Ах, государь Нанда,

⁹ Пусть месяц и теперь дарует радость лотосам ночным: ¹¹⁸

Что значит этот праздник ныне без тебя, отрады мира,
месяца царей?

К а р а б х а к а. И вот этот праздник, столь отрадный для глаз народа, наперекор ему запретил проклятый Чанакья. Тогда Станакалаша и выступил со стихотворением, предназначенным для возбуждения гнева Чандрагупты.

Р а к ш а с а. Что это было за стихотворение?

К а р а б х а к а *(декламирует: Власти сознанье... и т. д. вышесказанное)*.

Р а к ш а с а *(с радостью)*. Отлично, Станакалаша, отлично. Во-время посеянное семя раздора наверняка принесет плод. Ведь

¹⁰ И простой человек не потерпит, коль его остановят
в стремлении развлечься.

Что говорить о царе, кто в чувствах подобных далеко
других людей превосходит.

М а л а я к е т у. Это именно так.

Р а к ш а с у. Продолжай.

К а р а б х а к а. Чандрагупта был оскорблен нарушением его повеления; он вознес хвалу твоим предпочтительным достоинствам, советник, и отрешил от должности проклятого Чанакью.

М а л а я к е т у. Друг Бхагураяна, похвала Чандрагупты достоинствам советника показывает благосклонность его к Ракшасе.

Б х а г у р а я н а. И не столько похвала достоинствам Ракшасы, сколько смещение презренного Чанакьи.

Р а к ш а с а. Одно только запрещение праздника полнолуния явилось причиной гнева Чандрагупты на Чанакью, или еще что-нибудь другое?

М а л а я к е т у. Друг мой, какую цель он имеет в виду, допытываясь о причинах гнева Чандрагупты?

Б х а г у р а я н а. Царевич, умный Чанакья не возбудил бы гнев Чандрагупты без особого намерения; и Чандрагупта, ведающий чувство благодарности, не пошел бы на крайние меры только из-за этого дела. Во всяком случае, если между Чанакьей и Чандрагуптой произошел полный разрыв, тому должны быть многие причины.

К а р а б х а к а. Есть и другая причина гнева Чандрагупты. Она касается бегства Малаякету и советника Ракшасы также.

Р а к ш а с а (с радостью). Друг Шакатадаса, теперь Чандрагупта будет в моих руках! Теперь Чанданадаса будет освобожден из тюрьмы, а к тебе вернутся сын и жена. Кончились и тревоги Дживасиддхи.

Б х а г у р а я н а (про себя). Это верно, кончились тревоги для Дживасиддхи и прочих.^{118a}

М а л а я к е т у. Друг Бхагураяна, что значат эти слова: «в моих руках»?

Б х а г у р а я н а. Что другое это может значить, как не то, что теперь, когда Чандрагупта расстался с Чанакьей, советник не видит какой-либо трудности в свержении его.¹¹⁹

Р а к ш а с а. Любезный, где же теперь этот презренный, лишенный своей должности?

К а р а б х а к а. Он живет все там же, в Паталипутре.

Р а к ш а с а (взволнованно). Любезный, он все еще там? Он не удалился в лес отшельником, не дал нового обета?

К а р а б х а к а. Советник, говорят, что он уходит в лесную обитель.

Р а к ш а с а. Шакатадаса, это не похоже на правду. Смотри:

¹¹ Он государю — воплощенью Индры на земле
Изгнанья с места высшего почета не прости.
Снесет ли оскорбленье этот гордый человек
От Маурьи — царя, которого он сам создал?

М а л а я к е т у. Друг мой, удалится ли Чанакья в лесную обитель или даст новый обет — какая от этого польза Ракшасе?

Б х а г у р а я н а. Об этом не слишком трудно догадаться. Чем дальше будет проклятый Чанакья от Чандрагупты, тем больше ему от этого пользы.

Ш а к а т а д а с а. Полно, оставь сомнения. Все это очень правдоподобно. Пусть советник рассудит:

12 Властно на царских главах, в драгоценных камнях
блестящих, поставивший ногу,
стерпит ли Маурья от подчиненных людей нарушение
своих повелений?

А Каутилья, хоть гневен, но помня, как трудно обет
ему было исполнить,
Новый обет произнести не решился, грядущих трудов
и невзгод опасаясь,

Р а к ш а с а. Это верно, Шакатадаса. Ступай, позаботься об отдыхе для Карабхаки.

Ш а к а т а д а с а. Хорошо. *(Уходит со слугой)*.

Р а к ш а с а. А я хочу повидать царевича.

М а л а я к е т у. Я сам пришел повидать советника.

Р а к ш а с а *(делает вид, что замечает его)*. О, царевич! *(Поднимается с сиденья)*. Вот сиденье. Да удостоит царевич присесть.

М а л а я к е т у. Вот, я сажусь. Садись, господин. *(Оба садятся на соответствующие места)*. Господин, утихла ли твоя головная боль?

Р а к ш а с а. Царевич, как может утихнуть моя головная боль, пока твой титул царевича не заменился званием верховного царя?

М а л а я к е т у. Раз господин обещал, этого не трудно будет добиться. Но долго ли еще нам ожидать с собранными войсками, высматривая слабость у неприятеля?

Р а к ш а с а. Да можно ли теперь терять время? Выступай в поход за победой.

М а л а я к е т у. Господин, обнаружилась слабость неприятеля?

Р а к ш а с а. Обнаружилась.

М а л а я к е т у. В чем же именно?

Р а к ш а с а. В чем же другом, как не в советнике! Чандрагупта порвал с Чанакей.

М а л а я к е т у. Господин, потеря советника — не слабость.¹²⁰

Р а к ш а с а. Может быть, для других царей потеря советника — не слабость. Но не для Чандрагупты.¹²¹

М а л а я к е т у. Господин, это неверно. Пороки Чанаки вызвали недовольство подданных Чандрагупты; теперь когда он удален, те, кто был предан Чандрагупте, станут выказывать еще большую преданность ему.

Р а к ш а с а. Нет, это не так. Ведь есть два рода подданных: одни поддерживают Чандрагупту, другие преданы Нанде. И пороки Чанаки вызвали недовольство только у сторонников Чандрагупты, не у приверженцев рода Нанды. Что касается последних, то их гнев и отвращение вызваны неблагодарностью Чандрагупты, истребившего род Нанды, род своего отца; только на неимением достойного властелина повинуются они Чандрагупте. Но если явится завоеватель, подобный тебе, способный одолеть врага и выступивший против него, они немедленно покинут Чандрагупту и перейдут на твою сторону. Да вот я сам — тому пример.

М а л а я к е т у. Господин, только ли эта слабость, касающаяся советника, дает нам возможность напасть на Чандрагупту, или есть еще и другая причина?

Р а к ш а с а. К чему еще и другие причины? Эта — самая главная.

М а л а я к е т у. Почему же самая главная, господин? Разве не может теперь Чандрагупта возложить бремя дел на другого министра или же взять его на себя и оказать нам сопротивление?

Р а к ш а с а. О нет, конечно не может.

М а л а я к е т у. Почему же? ¹²²

Р а к ш а с а. На это способны лишь цари, правящие самостоятельно или совместно с советником. Негодный Чандрагупта всегда доверял дела правления своему советнику и в мирских делах — совершенный слепец. Какое может он оказать нам сопротивление?

- ¹³ Где царь и советник возвысятся слишком,
там Власти не стать на обеих ногах,
Ей, женщине, бремя сдержать не под силу —
и Власть покидает из них одного.¹²³

И еще:

- ¹⁴ Лишенный советника царь в управленьи подобен
Младенцу, что вдруг от груди материнской отторгнут.
В делах не имеющий опыта и неумелый
Один без поддержки не может прожить и мгновенья.

М а л а я к е т у (*про себя*). Благодарение судьбе, я независим в делах правления от советника. (*Вслух*). Даже если так, можем ли мы быть уверены в успехе нашего нападения на врага, основываясь только на этой его слабости?

Р а к ш а с а. Царевич может быть совершенно уверен в успехе. Ведь

- ¹⁵ Превосходишь ты силой военной врага, предан Нанде
народ городской,
Каутилья смещен, удален от царя, тот же стал лишь
недавно царем,

Я свободен. . .

(*Запинается, выказывая смущение*).

. . . в усердном служеньи тебе, только путь
для тебя показать,

И достаточно слова твоего, чтоб исполнились
наши мечты.

М а л а я к е т у. Если господин видит сейчас удобный момент для нападения, зачем же тогда медлить?

- ¹⁶ Из Шоны ¹²⁴ напьются слоны мои, красно окрашены, сотнями
хлынув к реке,
Высокие, как берега ее, водам подобно струящимся
мускус струящие свой;

Подобно прибрежным лесам ее темные, так же, как бурные
волны, ревут,
Как берег теченьем река подрывает, так бивнями роют
они берега.

И еще:

¹⁷ С громоподобным ревом, бурно извергая
Мускусный ток, как дождь в грозу обильный,
Как тучи с ливнем облегают горы Виндхья,¹²⁵
Так и мои слоны возьмут в осаду город.

(Уходит Малаякету с Бхагураяной).

Р а к ш а с а. Эй, кто там?!

(Входит слуга).

С л у г а. Приказывай, советник.

Р а к ш а с а. Приемвадака, кто сейчас есть поблизости из
звездочетов? ¹²⁶

П р и я м в а д а к а. Нищенствующий монах. . .

Р а к ш а с а (*про себя, недовольный*). Как, первый, кто мне
попадает — нищенствующий монах? ¹²⁷

П р и я м в а д а к а . . . Дживасиддхи.

Р а к ш а с а. Позаботься о том, чтобы он не выглядел слишком
отвратительно,¹²⁸ и введи его.

П р и я м в а д а к а. Хорошо. (Уходит).

(Входит монах).

М о н а х.

¹⁸ Предписаньям архатов ¹²⁹ внимайте, врачующих болезни
заблужденья;

То, что советуют они, мучительно вначале, зато
потом — благоприятно.

(Приближается). Да обретут дхарму ¹³⁰ внимающие!

Р а к ш а с а. Святой человек,¹³¹ определи благоприятный день для нашего похода.

М о н а х *(делает вид, что размышляет)*. Благочестивый,¹³² я определил. День полнолуния,¹³³ когда стоит полный месяц, до полудня не может считаться счастливым во всех отношениях. Для вас, направляющихся с севера к югу, неблагоприятна Накшатра.¹³⁴ И еще:

¹⁹ Когда солнце закатится, месяц же полный взойдет,
Встанет Будха над горизонтом, а Кету взойдет
и зайдет — тогда в поход выступайте.¹³⁵

Р а к ш а с а. Святой человек, день полнолуния сам по себе не внушает доверия.

М о н а х. Благочестивый,

²⁰ Начала астрономии гласят:
Для полнолуния достоинство — едино;
Достоинство Накшатры четверично;
шестидесятичетырехкратно
Достоинство у точки пресечения горизонта.
Отсюда: пресечение при Будхе благоприятно, будь
само зловещим;
И выступая при влиянии лунном, добьетесь вы
великого успеха.¹³⁶

Р а к ш а с а. Святой человек, следует посоветоваться с другими звездочетами.

М о н а х. Пусть посоветуется благочестивый. А я уйду домой.

Р а к ш а с а. Ведь святой человек не гневается на меня?

М о н а х. Не святой человек гневается на вас.

Р а к ш а с а. Кто же тогда?

М о н а х. Всемогущая судьба.¹³⁷ Ибо ты бросаешь своих отверженных и обращаешься к чужим. *(Уходит)*.

Р а к ш а с а. Прямвадака, узнай, сколько сейчас времени.

П р и я м в а д а к а. Божественное солнце клонится к закату.¹³⁸

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

(Входит Сиддхартхака с письмом и запечатанным ларчиком в руках).

С и д д х а р т х а к а. Ах, чудеса!

- ¹ Водопадом ума орошенная из кувшинов места и времени,
Политики Чанакьи лиана принесет зрелый плод успеха.¹⁴¹

Поэтому я взял это письмо, написанное тогда по повелению благородного Чанакьи и запечатанное перстнем советника Ракшасы, а также этот ларчик с драгоценностями, отмеченный той же печатью. Итак, я отправляюсь в Паталипутру. Я пошел. *(Идет кругом сцены и осматривается)*. Что такое? Это нищенствующий монах идет навстречу. Дурное предзнаменование для меня — встретиться с ним.¹⁴² Обойду его стороной.

(Входит нищенствующий монах).

М о н а х.

- ² Перед архатами я преклоняюсь, что глубиною мудрости
своей
Нездешними путями совершенства достигают в этом мире.

С и д д х а р т х а к а. Мое почтение тебе, святой человек.
М о н а х. Благочестивый, да обрешь ты спасение. *(Всматривается)*. Благочестивый, я вижу, ты собираешься отправиться в путь.

Сиддхартхака. Как мог узнать об этом святой человек?

Монах. Что здесь узнавать, благочестивый? Эта дорожная шкатулка и письмо в руке выдают тебя.

Сиддхартхака. Святой человек угадал. Я направляюсь в другие места. Да скажет мне святой человек, каков сегодня день?

Монах (*улыбаясь*). Благочестивый, побрившись и остригшись, ты спрашиваешь о звездах? ¹⁴³

Сиддхартхака. Святой человек, но разве уже миновало время? Скажи мне, и если приметы будут благоприятны, я отправлюсь в путь.

Монах. Благочестивый, тебе нельзя покинуть лагерь Малаякету, хотя бы и в благоприятный день.

Сиддхартхака. Отчего это? Скажи, святой человек.

Монах. Слушай, благочестивый. Раньше доступ в лагерь был свободен, так же как и выход из него. Но теперь, ввиду близости Кусумапуры, никто не смеет ни выйти из лагеря, ни войти в него без пропуска, отмеченного печатью. ¹⁴⁴ Если есть у тебя пропуск, отмеченный Бхагураяной, ступай беспрепятственно, если нет, оставайся. Иначе местные стражники ¹⁴⁵ представят тебя на царский суд, связанного по рукам и ногам.

Сиддхартхака. Разве не знает святой человек, что я приближенный советника Ракшасы? Так кто же посмеет задержать меня, даже если я выйду без пропуска?

Монах. Благочестивый, будь ты приближенный Ракшасы или самого дьявола, ¹⁴⁶ ты не можешь выйти без пропуска, отмеченного печатью.

Сиддхартхака. Не гневайся на меня, святой человек, и пожелай мне удачи.

Монах. Ступай, благочестивый. Да будет тебе удача. А я пойду, попрошу пропуск у Бхагураяны.

(Оба уходят).

(Входит Бхагураяна в сопровождении слуги).

Б х а г у р а я н а (про себя). О, сколь многообразна политика благородного Чанакьи!

³ То ясно различимы ее цели, то столь глубоки, что постичь
нельзя их,
То проявляется она во всем объеме, то исчезает, в мелочь
обращаясь;
То самый корень кажется погибшим, то вдруг она обильный
плод приносит.
О, как пути судьбы многообразно политиков великое
искусство!

(Вслух). Любезный Бхасурака, царевич не хочет, чтобы я удалялся от него. Поэтому принеси мне скамью, я сяду здесь, в этой беседке.

С л у г а. Вот скамья. Садись, господин.

Б х а г у р а я н а. Любезный, тех, кто захочет меня видеть для получения пропуска с печатью, ты должен вводить ко мне.

С л у г а. Как господин прикажет. (Уходит).

Б х а г у р а я н а (про себя). Ах, как тяжело мне обманывать царевича Малаякету, который относится ко мне с такой любовью! Однако же,

⁴ Оставив стыд, достоинство, свой род и имя доброе
забыв,
Ради корысти телом и душой богатому проданся ты.
И есть ли смысл теперь, его веленья исполняя,
рассуждать
О том, что хорошо, что дурно, если предан воле
ты чужой?

(Входит Малаякету в сопровождении привратницы).

М а л а я к е т у (про себя). О, смятенный обилием сомнений мой разум не в силах принять решение относительно Ракшасы. Почему?

⁵ Или, роду Нанды привержен твердо, к потомку Нанды¹⁴⁸
теперь примкнет,
Перейдет на сторону хитрого Маурьи; ведь расстался
с Чанакьей тот,
Или он останется с нами, верность слову превыше
всего цена?
Закружился ум мой на этих мыслях, словно брошенный
на гончарный круг.

[(Вслух). Виджая, где Бхагураяна?

П р и в р а т н и ц а. Царевич, вот он выдает пропуска с печатью
желающим выйти из лагеря.

М а л а я к е т у. Виджая, стой не двигаясь, я подойду и за-
крою ему глаза руками, пока он смотрит в другую сторону.

П р и в р а т н и ц а. Как царевич прикажет.

(Входит слуга).

С л у г а. Господин, там пришел монах и хочет видеть госпо-
дина на предмет получения пропуска.

Б х а г у р а я н а. Впусти его.

С л у г а. Слушаю. (Уходит).

(Входит монах).

М о н а х. Да обретут спасение благочестивые!

Б х а г у р а я н а (вглядывается. Про себя). А, это друг Рак-
шасы Дживасиддхи. (Вслух). Не идешь ли ты по какому-нибудь
поручению Ракшасы?

М о н а х. Боже избави, боже избави! Благочестивый, я иду
туда, где ни ракшасы ни пищачи нет в помине.¹⁴⁹

Б х а г у р а я н а. Сильно рассердился ты на своего любимого
друга! Чем же обидел Ракшаса святого человека?

М о н а х. Благочестивый, ничем не обидел меня Ракшаса. Я сам,
погибший несчастливцев, терзаюсь собственными деяниями.

Б х а г у р а я н а. Святой человек, ты разжигаешь мое любо-
пытство.

М а л а я к е т у (*про себя*). Мое тоже.¹⁵⁰

Б х а г у р а я н а. Я хочу слышать твой рассказ.

М а л а я к е т у (*про себя*). Я тоже хочу.

М о н а х. Зачем тебе слышать то, что не должно слышать?

Б х а г у р а я н а. Если это тайна, пусть остается при тебе.

М о н а х. Благочестивый, это не тайна, но это великое преступление.

Б х а г у р а я н а. Если это не тайна, тогда рассказывай.

М о н а х. Благочестивый, это не тайна. Но все-таки рассказывать я не стану.

Б х а г у р а я н а. Ну, а я не дам тебе пропуска с печатью.

М о н а х (*про себя*). Следует рассказать ему, раз он так допытывается. (*Вслух*). Что поделаты! Слушай, благочестивый. Раньше, когда я, несчастный, жил в Паталипутре, я подружился с Ракшасой. Как раз тогда, от ядовитой девушки, подосланной тайно Ракшасой, погиб Парватешвара.

М а л а я к е т у (*со словами про себя*). Как? Так он погублен Ракшасой, а не Чанакьей?

Б х а г у р а я н а. Продолжай, святой человек.

М о н а х. Потом я, будучи другом Ракшасы, был с позором изгнан из города проклятым Чанакьей. Ну, а теперь Ракшаса, столь искусный в различных способах улаживать государственные дела, собирается предпринять нечто такое, от чего придется мне покинуть этот мир живущих.

Б х а г у р а я н а. Святой человек, но мы слышали, что это злодеяние было совершено не Ракшасой, а проклятым Чанакьей, для того чтобы не отдавать обещанной половины царства.

М о н а х (*затыкает уши*). Боже избави! Чанакья и знать не знал ничего об ядовитой девушке.

Б х а г у р а я н а. Вот тебе пропуск. Ступай и поведай о том царевичу.

М а л а я к е т у (*приближается*).

⁶ Я слышал, друг мой, эту тяжкую для слуха весть,
Весть о враге моем из уст товарища его.¹⁵¹

Хоть долго длилась скорбь моя о гибели отца,
Теперь она от вести этой возросла вдвойне.

М о н а х (*про себя*). О, проклятый Малаякету все слышал.
Прекрасно, я сделал свое дело. (*Уходит*).

М а л а я к е т у (*обращаясь в пространство к отсутствующему*).
Ракшаса, Ракшаса, это достойно, достойно. . .

⁷ Был убежден отец, что друг его ты верный,
И доверял тебе во всем без колебаний.
А ты убил его, оплакан он родными. . .
О Ракшаса, недаром ракшасой ты назван!¹⁵²

Б х а г у р а я н а (*про себя*). Жизнь Ракшасы должна быть
сохранена, — таков был приказ господина. Да будет так. (*Вслух*).
Царевич, оставь волнение. Пусть сядет царевич, я хочу поведать
ему нечто.

М а л а я к е т у (*садится*). Друг мой, что ты хочешь сказать?

Б х а г у р а я н а. Царевич, ведь люди, занимающиеся госу-
дарственной политикой, становятся врагами, друзьями или равно-
душными силою политических соображений, а не по личной склон-
ности, как обыкновенные люди. Между тем в то время Ракшаса
желал, чтобы царем был Сарвартхасиддхи. Государь Парватешвара,
благословенно его имя, явился великим препятствием на пути его
стремлений, врагом, более могучим, чем даже Чандрагупта. И я
считаю, что в этом поступке Ракшасы нет большого греха. Пусть
рассудит царевич.

⁸ Друзей во врагов обращая, в друзей обращая врагов
из расчета,
При жизни рождение новое дав человеку, Политика
память о прошлом стирает.

Поэтому не следует порицать Ракшасу в этих делах. И нужно
удержать его при себе, пока не завоевано царство Нанды. После чего
царевич волен решать: оставить его или прогнать.

М а л а я к е т у. Это так, друг мой, ты правильно рассуждаешь. Казнь советника вызвала бы недовольство подданных и даже сделала бы сомнительной нашу победу.

(Входит слуга).

С л у г а. Победа царевичу! Господин, начальник стражи Диргхаракша докладывает: «Нами задержан человек с письмом, пытавшийся выйти из лагеря, не имея пропуска. Пусть господин его поведет».

Б х а г у р а я н а. Введи его, любезный.

С л у г а. Хорошо. *(Уходит).*

(Входит в сопровождении слуги Сиддхартхака в оковах).

С и д д х а р т х а к а *(про себя).*

⁹ Ей, к достоинствам ведущей, от грехов отвращающей, ей,¹⁵³ Верности господину мы поклоняемся, матери нам подобных людей.

С л у г а. Господин, вот этот человек.

Б х а г у р а я н а *(делает вид, что всматривается)*. Любезный, что́, это новоприбывший, или он принадлежит к чьей-либо свите?

С и д д х а р т х а к а. Господин, да ведь я слуга советника Ракшасы!

Б х а г у р а я н а. Тогда почему же ты хотел выйти из лагеря без пропуска, любезный?

С и д д х а р т х а к а. Господин, я спешил ввиду важности порученного мне дела.

Б х а г у р а я н а. Что же это за важное дело, из-за которого нарушают царский указ?

М а л а я к е т у. Друг Бхагураяна, возьми у него письмо.

Б х а г у р а я н а *(вырывает из рук Сиддхартхаки письмо и рассматривает его)*. Царевич, вот это письмо. Здесь на печати начертано имя Ракшасы.

М а л а я к е т у. Оставь печать, разверни письмо и покажи мне.

(Бхагураяна делает так и показывает письмо).

М а л а я к е т у (*читает вслух*). «Да будет счастье! Некто откуда-то сообщает такому-то высокопоставленному лицу в такое-то место: Отвергнув нашего врага, верный своему слову доказал свою искренность. Теперь же согласно договору следует поощрить наших друзей, ранее вошедших в соглашение, даровав им обещанную прежде награду за союз. После такой милости они окажут настоящую услугу своему благодетелю уничтожением того, кому они служат сейчас. Напоминаю о том, о чем ты конечно и сам не забыл: одни из них хотят себе казну и войска врага, другие — его земли. Те же три драгоценности, которые послал благородный, — получены. Да получит он в свою очередь некую безделицу, которую я ему посылаю с этим письмом. Да выслушает он то, что передаст ему устно наш доверенный посланец».¹⁵⁴ Бхагураяна, что это за письмо?

Б х а г у р а я н а. Любезный Сиддхартхака, чье это письмо?

С и д д х а р т х а к а. Не знаю, господин.

Б х а г у р а я н а. Ах, мошенник, ты несешь письмо и не знаешь, от кого оно? Ну погоди же! Кто это должен выслушать, что передашь ты ему устно?

С и д д х а р т х а к а (*выказывает страх*). Вы.¹⁵⁵

Б х а г у р а я н а. Мы? Что это значит?

С и д д х а р т х а к а. Вы меня схватили, высокочтимый... я сам не знаю, что говорю.

Б х а г у р а я н а (*взбешенный*). Сейчас ты будешь знать. Бхасурака, выведи его отсюда, и пусть его бьют, пока он не сознается.

С л у г а. Как советник прикажет. (*Уходит с Сиддхартхакой*).

(*Возвращается слуга*).

С л у г а. Господин, вот этот запечатанный ларчик выпал у него из-под мышки.

Б х а г у р а я н а (*смотрит*). Царевич, на этой печати тоже начертано имя Ракишасы.

М а л а я к е т у. Друг мой, это очевидно и есть безделица, посылаемая с письмом. Так же оставив печать в целости, открой и покажи мне.

(*Бхагураяна так делает и показывает*).

М а л а я к е т у (*смотрит*). О, это те самые украшения, которые снял я с себя и послал Ракшасе. Ясно, что это письмо Чандрагупте.

Б х а г у р а я н а. Царевич, это рассеивает все сомнения. Любезный, пусть его продолжают бить.

С л у г а. Слушаю. (*Уходит и возвращается с Сиддхартхакой*). Вот он. Избитый, он заявил, что хочет поведать нечто самому царевичу.

М а л а я к е т у. Пусть говорит.

С и д д х а р т х а к а (*падает в ноги царевичу*). Пусть господин дарует мне милость и обещает мне безопасность.

М а л а я к е т у. Любезный, подневольный человек может считать себя в безопасности. Расскажи о том, что было.

С и д д х а р т х а к а. Да внимает царевич. Это письмо дал мне советник Ракшаса и послал меня с ним к Чандрагупте.

М а л а я к е т у. Теперь я хочу слышать, что должен ты был передать на словах.

С и д д х а р т х а к а. Царевич, советник повелел мне передать следующее: «Мои товарищи, пятеро царей, стали твоими приверженцами. Это — властитель Кулуты Читраварман, властитель Малаянагара Синханада, Пушкаракша, правитель Кашмира, Синдхусена, царь страны Синдху, и царь персов Мегханада. Из них первые трое царей хотят земель Малаякету, прочие двое — его войско слонов и его казну. Как великий царь даровал мне милость изгнанием Чанакьи, так же пусть удовлетворит он этих вышесказанных».

М а л а я к е т у (*про себя*). Как? Читраварман и другие — в заговоре против меня? Конечно, ведь они безмерно преданы Ракшасе, (*Вслух*). Виджая, я хочу видеть Ракшасу.

П р и в р а т н и ц а. Как царевич прикажет. (*Уходит*).

(*Появляется восседающий у себя дома задумчивый Ракшаса со слугою*).

Р а к ш а с а (*про себя*). Пополнилось наше войско перебежчиками из войска Чандрагупты, но поистине душа моя не очистилась от сомнений. Ибо

¹⁰ Определенный в заключении средний термин,

В большой посылке постоянно подтвержденный,

Когда в возможном случае, не в невозможном
Он встретится, — ведет к победе, с меньшим сочетаясь.
Когда же средний термин не доказан
В большой посылке и равно в обоих
Примерах — в невозможном и в возможном — выступает,
Не сочетаясь с меньшим, — поражение терпят в споре.¹⁵⁶

Однако! Ведь причины их недовольства Чандрагуптой известны, и они уже давно последовали нашим внушениям, эти перебежчики. Так что мне незачем сомневаться в них. (*Вслух*). Любезный Прямвадака, передай от нашего имени князьям из свиты царевича: С каждым днем мы приближаемся все ближе к Кусумапуре. Поэтому в походе они должны двигаться в определенном для них порядке. А именно:

¹¹ За мною первыми и в боевом порядке
Идут магадские и кхасские войска.
Гандхарские князья и греческие с ними
Пусть в середине держат свой походный строй.
С китайцами и гуннами движение войска
Пусть замыкают скифов храбрые вожди.
Кулутцы же и прочие в походе этом
Должны царевича все время окружать.¹⁵⁷

П р и я м в а д а к а. Слушаю. (*Уходит*).

(*Входит привратница*).

П р и в р а т н и ц а. Победу советнику! Советник, царевич хочет тебя видеть,

Р а к ш а с а. Любезная, погоди немного. Кто там есть, кто там, эй!

(*Входит слуга*).

С л у г а. Приказывай, советник.

Р а к ш а с а. Передай Шакатадасе: «Царевич даровал нам украшения, и потому неприлично явиться пред его очи, не принарядившись. Поэтому пусть он даст мне одно из трех купленных украшений».

С л у г а. Хорошо. (*Уходит и возвращается*). Советник, вот украшение.

Р а к ш а с а (*делает вид, что надевает на себя украшение*). Любезная, проводи меня в царскую ставку.

П р и в р а т н и ц а. Следуй за мной, советник.

Р а к ш а с а (*про себя*). Быть облеченным властью даже для ни в чем не повинного человека означает множество тревог. Ибо

- ¹² Страх перед тем, кому служишь, во-первых, слугу угнетает,
Далее, также в душе он боится своих приближенных;
Вышестоящий, внушает он злобу неправедным людям.
Тот, кто возвысился, ждать соответственно может паденья.

(*Идут вокруг сцены*).

П р и в р а т н и ц а. Советник, вот царевич. Пусть советник приблизится.

Р а к ш а с а (*смотрит*). Вот он, царевич.

- ¹³ Взор опустив на кончики носков,
Не видит их, в раздумье погружен.
Рукою подперев свой лунный лик,
Согнулся он под бременем забот.

(*Приближается*). Да победит царевич!

М а л а я к е т у. Привет тебе, господин. Садись на это место.

(*Ракшаса так делает*).

Мы сожалеем, господин, что не видели тебя так долго.¹⁵⁸

Р а к ш а с а. Царевич, я устанавливал походный порядок движения войска; тем навлек я на себя этот упрек.

М а л а я к е т у. Господин, какой же походный порядок ты установил, хочу я слышать.

Р а к ш а с а. Царевич, сопровождающим тебя царям были даны следующие указания (*повторяет*: За мною первыми. . . и т. д.).

М а л а я к е т у (*про себя*). Как? Те самые цари, которые собираются служить Чандрагупте, убив меня, они-то и будут окружать

меня в походе? *(Вслух)*. Господин, есть кто-нибудь, кто отправляется в Кусумапуру или пришел оттуда?

Ракшаса. Теперь сношения с Кусумапурой не имеют смысла. В ближайшие дни ¹⁵⁹ мы сами прибудем туда.

Малаякету *(про себя)*. Понятно. *(Вслух)*. Если так, зачем господин послал туда этого человека с письмом?

Ракшаса *(смотрит)*. О, ты здесь Сиддхартхака! В чем дело, любезный?

Сиддхартхака *(выказывает смущение, со слезами)*. Да простит меня советник. Меня избили, и я не мог сохранить тайну.

Ракшаса. Какую тайну, любезный? Я ничего не понимаю.

Сиддхартхака. Я же говорю, что меня избили, и... *(Внезапно умолкает и стоит, в страхе понуриив голову)*.

Малаякету. Бхагураяна, от страха или от стыда, он не будет говорить перед своим хозяином. Объясни ты сам господину.

Бхагураяна. Как прикажет царевич. Советник, вот он рассказывает, что ты послал его к Чандрагупте с письмом и устным поручением.

Ракшаса. Любезный Сиддхартхака, правда ли это?

Сиддхартхака *(выказывает смущение)*. Я сказал это, когда меня жестоко избили.

Ракшаса. Это неправда. Чего не скажет человек, если его будут бить?

Малаякету. Друг Бхагураяна, покажи ему письмо. Пусть его слуга изложит устное поручение.

Бхагураяна. Советник, вот письмо.

Ракшаса *(прочитав письмо)*. Царевич, это дело рук врага.

Малаякету. Вот украшение, посланное советником вместе с письмом. Какое же это дело рук врага?

Ракшаса *(рассматривает украшение)*. Это подарок, посланный мне царевичем. Я же отдал его Сиддхартхаке в награду за некую радость, которую он мне доставил.

Бхагураяна. Отдать подобному человеку такую драгоценность, да еще драгоценность, которую сам царевич снял с себя?!

М а л а я к е т у. Господин пишет, что еще на словах что-то должно быть передано.

Р а к ш а с а. Кому должно быть передано, от кого? Ведь это не мое письмо.

М а л а я к е т у. Тогда чья же это печать?

Р а к ш а с а. Мошенники могли изготовить поддельную печать.

Б х а г у р а я н а. Советник правильно говорит, царевич. Любезный Сиддхартхака, кем написано это письмо? ¹⁶⁰

(Сиддхартхака взглядывает на Ракшасу и молча опускает голову).

Любезный, не навлекай на себя новых побоев. Отвечай.

С и д д х а р т х а к а. Шакатадасой, господин.

Р а к ш а с а. Царевич, если оно написано Шакатадасой, значит это мое письмо.

М а л а я к е т у. Виджая, я хочу видеть Шакатадасу.

П р и в р а т н и ц а. Как царевич прикажет.

Б х а г у р а я н а *(про себя)*. Люди благородного Чанаки не станут, конечно, говорить того, что не решено заранее. *(Вслух)*. Царевич, но Шакатадаса в присутствии советника никогда не признает, что это написано им. Поэтому пусть принесут еще что-нибудь, им написанное; тождество почерка будет доказательством.

М а л а я к е т у. Виджая, так и сделай.

Б х а г у р а я н а. Царевич! Пусть принесут также перстень с печатью. ¹⁶¹

М а л а я к е т у. Принеси и то и другое.

П р и в р а т н и ц а. Как царевич прикажет. *(Уходит и возвращается)*. Царевич, вот собственноручное письмо Шакатадасы и перстень с печатью.

М а л а я к е т у *(делает вид, что разглядывает письмо и перстень)*. Господин, почерк совпадает.

Р а к ш а с а *(про себя)*. Почерк совпадает! Но ведь Шакатадаса — друг мне; не может быть, чтобы почерк совпадал! Или Шакатадаса,

¹⁴ О сыне помня и о жене, забыл о верности господину,

И тленные ценности предпочел непреходящей славе?

Однако, какое может быть сомнение?

- ¹⁵ Перстень он носил на руке своей; друг его —
Сиддхартхака этот;
Он письмо для замысла их писал, как вот то
письмо доказало.
Это ясно, сеять раздор хитер, враг привлек в
свой лагерь Шакату.
Он, за жизнь дрожа,¹⁶² нас врагу предал и свершил
бесчестное дело.

М а л а я к е т у (*смотрит на Ракиасу*). Господин, не одна ли это из тех трех драгоценностей, посланных тебе государем, о получении которых говорится в твоём письме? (*Рассматривая его, про себя*). Как? Это украшение, которое носил некогда мой отец! (*Вслух*). Господин, откуда у тебя это украшение?

Р а к ш а с а. Оно куплено у торговцев.

М а л а я к е т у. Виджая, узнаешь ли ты эту драгоценность?

П р и в р а т н и ц а (*рассматривает драгоценности. Со слезами*). Царевич, как же мне не узнать. Государь Парватешвара, благо-словенно его имя, носил ее когда-то.

М а л а я к е т у (*со слезами*). Увы, отец!

- ¹⁶ Любил ты украшения, и носил ты эти,
Достойные тебя, о украшение рода!
Одетый ими, как осенний звездный вечер.
Блистал ты; лик же твой сиял, как ясный месяц.

Р а к ш а с а (*про себя*). Как? Он говорит, что эти украшения носил раньше Парватешвара? Ясно, это его драгоценности. (*Вслух*). Значит, их продал нам торговец, подосланный Чанакьей.

М а л а я к е т у. Господин, эти украшения носил раньше мой отец, а потом они попали в руки Чандрагупты; не может быть, чтобы их продал торговец. Но вот что может быть:

- ¹⁷ Тебе продал их Чандрагупта, выгоду желая получить,
А ты ценой за них нас бессердечно предложил.

Р а к ш а с а (*про себя*). Увы, как хорошо сходится все одному к одному в замысле врага! Ибо

¹⁸ Я не могу отречься от письма, когда стоит на нем
моя печать;
 Как можно допустить, что для врага Шаката нашей
дружбе изменил?
 И кто поверит мне, что Маурья за деньги драгоценности
продал?
 Я вижу, выхода иного нет, как подтвердить все самому
теперь.¹⁶³

М а л а я к е т у. Я спрашиваю благородного господина. . .

Р а к ш а с а (*со слезами*). Спрашивай того, кто благороден, царевич! Я теперь уже не благородный господин.

М а л а я к е т у.

¹⁹ Ведь Маурья — сын господина твоего,
 А я — сын друга твоего, тебе послушный;
 Тебе платить он волен, я же от тебя
 Приму покорно все, что только пожелаешь;
 Ведь у него министра должность для тебя
 Почетным рабством будет; у меня — господством.
 Каких еще ты больших выгод захотел,
 Что поступаешь ныне столь неблагоприятно?

Р а к ш а с а. Вот именно, царевич; ты сам отвечаешь на свой вопрос, показывая всю нелепость этого. И что за беда тебе от этого? (*Повторяет: Ведь Маурья — сын господина. . . и т. д., заменяя везде второе лицо — первым и наоборот*).

М а л а я к е т у (*указывает на письмо и на ларчик с драгоценностями*). В таком случае, что же это означает?

Р а к ш а с а (*со слезами*). Игру судьбы. Ибо

²⁰ Хотя ничтожный я слуга, но господин мой прежний
 Ко мне с любовью относился, как к родному сыну.
 Его же, мудрого, познавшего людей владыку,
 Убил злой рок, что рушит начинанья человека.¹⁶⁴

М а л а я к е т у (с гневом). Ты и теперь продолжаешь увиливать? Так это, значит, судьба виновата, а не твое корыстолюбие! Бесчестный,

²¹ Девушку, полную страшного яда, послав, ты убил,
Неблагодарный, отца моего, что тебе доверял.
Ныне того, кто тебя как советника столько ценил,
Хочешь меня ты врагу словно мясо за деньги продать.

Р а к ш а с а (про себя). Это еще новая шишка на лбу! (Вслух, затыкая уши). Боже избави! боже избави! Не я подослал ядовитую девушку к Парватешваре.

М а л а я к е т у. Кто же тогда погубил моего отца?

Р а к ш а с а. Спроси о том у судьбы.

М а л а я к е т у (с гневом). Спросить о том у судьбы! А не у монаха ли Дживасиддхи?

Р а к ш а с а (про себя). Как, Дживасиддхи тоже подослан Чанакьей? Горе мне, враги овладели самим сердцем моим!

М а л а я к е т у (с гневом). Бхасурака, передай мое повеление Шекхарасене: «Те пять князей, которые состоят в дружбе с Ракшасой, устроили заговор против нашей жизни, желая оказать услугу Чандрагупте, а именно: Читраварман Кулутский, малайский царь Синханада, Пушкаракша Кашмирский, Сушена, царь Синдха и властитель персов Мегханада. Из них первые трое, желающие моих земель, пусть будут сброшены в глубокую яму и засыпаны землей. Те же двое, которые хотят моих слонов и мои войска, будут растоптаны слонами».

С л у г а. Слушаю. (Уходит).

М а л а я к е т у (с гневом). Ракшаса, Ракшаса, я — не Ракшаса вероломный. Нет, я — Малаякету. Ступай же. Служи Чандрагупте душой и телом, но знай,

²² Вишнугупту и Маурью вместе с тобой, к ним примкнувшим,
Разгромить я сумею, как рушит три цели беспутство.¹⁶⁵

Б х а г у р а я н а. Царевич, не будем терять время. Прикажи нашим войскам сейчас же выступить для осады Кусумапуры.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

(Входит Сиддхартхака, веселый и одетый украшениями).

С и д д х а р т х а к а.

¹ Победа синему, как тучи, Кешаве, убийце Кешина!¹⁶⁹

Победа Чандрагупте — месяцу, очам людей отрадному!

Победа поразившему врага своим победным действием

Искусству благородного Чанаки в деле государственном!

Наконец, после долгой разлуки я увижу моего дорогого друга Самиддхартхаку.¹⁷⁰ *(Идет вокруг сцены и осматривается)*. Вот он, мой дорогой друг Самиддхартхака как раз идет сюда. Пойду скорей к нему навстречу.

(Входит Самиддхартхака).

С а м и д д х а р т х а к а.

² На праздниках и на пирушках тоска нас грызет постоянно,
В разлуке с друзьями любимыми богатства нас только

печалят.

Я слышал, что мой дорогой друг Сиддхартхака прибыл из лагеря Малаякету. Я ищу его. *(Идет вокруг сцены. Замечает Сиддхартхаку)*. Вот он, Сиддхартхака!

С и д д х а р т х а к а *(приближается)*. Ты ли это, Самиддхартхака? Как ты поживаешь, дорогой друг?

(Оба обнимаются).

С а м и д д х а р т х а к а. Могу ли я хорошо поживать, когда ты, давно вернувшись с чужбины, до сих пор не зашел ко мне домой?

Сиддхартхака. Прости, дружище! Едва явился я к благородному Чанакье, как он приказал мне: «Ступай, Сиддхартхака! Поведай радостные вести славному государю Чандре». Когда же я рассказал ему обо всем, то получил от него этот поистине царский подарок, после чего сразу отправился к тебе домой, повидать моего дорогого друга.

Самиддхартхака. Дружище, если мне дозволено слышать о том, расскажи, какие радостные вести поведал ты властелину Чандре Прекрасному.

Сиддхартхака. Дружище, может ли быть что-нибудь, чего я не рассказал бы тебе? Слушай же. Проклятый Малаякету, обманутый происками Чанакьи, прогнал Ракшасу и казнил пятерых главных царей во главе с Читраварманом. Видя его взбалмошность и жестокость, прочие союзные ему цари в страхе и печали со своими охваченными смятением войсками и со всеми своими самантами благоразумно покинули лагерь проклятого Малаякету и разошлись в свои владения. Тогда Бхадрабхата, Пурудатта, Дингарата, Балагупта, Раджасена, Бхагураяна, Лохитакша и Виджаяварман захватили Малаякету в плен.¹⁷¹

Самиддхартхака. Дружище, в народе была молва, что Бхадрабхата и другие, недовольные государем Чандрагуптой, перешли на службу к Малаякету. Почему же так вышло: начало — одно, а развязка совсем иная, как в пьесе плохого драматурга?

Сиддхартхака. Дружище, слава политике Чанакьи, пути которой неисповедимы, как пути судьбы.¹⁷²

Самиддхартхака. Ну, дальше, дальше!

Сиддхартхака. Затем благородный Чанакья выступил с сильным и сплоченным отрядом и разгромил войска иноземцев, лишённые всех своих военачальников.

Самиддхартхака. Где это произошло, дружище?

Сиддхартхака. Там, где

³ В ярости от истечений,¹⁷³ чрезмерно обильных,
Мечутся с ревом слоны, словно темные тучи,

Кони встают на дыбы, уstraшенные плетью,
Клики победные слыша, сбиваются вместе.

С а м и д д х а р т х а к а. Пусть будет так, дружище. Но как благородный Чанакья, открыто перед всеми отказавшийся от своих обязанностей советника, вступит теперь опять в эту должность?

С и д д х а р т х а к а. Ну и глуп же ты, когда хочешь постичь смысл действий благородного Чанаки, чего даже советник Ракшаса не мог постичь в свое время.

С а м и д д х а р т х а к а. А где сейчас советник Ракшаса, дружище?

С и д д х а р т х а к а. Во время всего этого ужаса и смятения он покинул лагерь Малаякету, сопровождаемый соглядатаем по имени Удумбара.¹⁷⁴ В настоящее время он направляется в Паталипутру, — так сказал мне благородный Чанакья.

С а м и д д х а р т х а к а. Дружище, покинув Паталипутру с твердым намерением восстановить царство Нанды, советник Ракшаса опять возвращается сюда теперь, когда цель его осталась недостигнутой?

С и д д х а р т х а к а. Я думаю, он делает это ради своей дружбы с Чанданадасой.

С а м и д д х а р т х а к а. Похоже на то, что Чанданадаса будет освобожден.

С и д д х а р т х а к а. Как может быть освобожден этот несчастный? Ведь сейчас мы оба по приказу благородного Чанаки должны отвести его на лобное место и казнить.

С а м и д д х а р т х а к а (с гневом). Или у благородного Чанаки не стало других палачей? Почему должны мы заниматься подобными бесчеловечными делами?

С и д д х а р т х а к а. Дружище, кто среди живущих, если ему дорога жизнь, посмеет противиться приказу благородного Чанаки? Так иди же. Примем обличье чандалов ¹⁷⁵ и отведем Чанданасу на место казни.

(Оба уходят).

КОНЕЦ ИНТЕРМЕДИИ. ¹⁷⁶

(Входит человек с веревкой в руках).

Человек.

- ⁴ Да побеждает Чанахьи политика, — из шести способов ¹⁷⁷
свитая веревка,
С петлей из цепи средств, готовая связать врага.

(Идет вокруг сцены и осматривается). Вот это место, о котором говорил Удумбарака благородному Чанахье. Здесь по приказанию благородного Чанахьи я должен встретить советника Ракшасу. *(Вглядывается).* Как? Да вот и он, советник Ракшаса, идет сюда, закутав голову. Спрячусь за этими деревьями в саду и посмотрю, где он сядет. *(Идет вокруг сцены и останавливается).*

(Входит Ракшаса, как описано выше, с мечом).

Ракшаса *(со слезами)*. Горе, о, горе!

- ⁵ Перепугана убежища крушеньем, ветреная Шри другого
крова ищет;
И тотчас за нею следом потянулись, позабыв о
преданности, наши люди.
Даже верные друзья с себя сложили бремя, доблести
своей плода не видя,
Да и что еще им было делать? Словно безголовые тела
они остались.

И еще:

- ⁶ Внезапно бросив благородного царя, супруга своего,
К Низкорожденному Шри, как бесстыдная шудрянка,
перешла.
Ему она верна. Так что же делать нам? — Ведь сколь
мы ни тверды
В усилиях наших, разрушает их плоды судьба, как
злой наш враг.

Когда же

⁷ Незаслуженной смертью погибший, на небо ушел государь,
В дружбе с горным царем,¹⁷⁸ у него я на службе борьбу
продолжал.

Был убит он, и сыну его я служил — без успеха опять.
Нет, не брахман ¹⁷⁹ врагом рода Нанды явился, а злая судьба!

О неспособность варвара ¹⁸⁰ к отличению доброго от злого! Ибо

⁸ И поныне, после истребления рода, верность
господину сохранивший,
Как решиться мог бы Ракшаса войти в союз
с врагом своим заклятым?
Рассудить о том не мог уменья различать добро
и зло лишенный варвар.
Тот, кто обречен судьбой на гибель, все превратно
понимает, обезумев.

Так и теперь Ракшаса скорее погибнет, попав в руки врага, но не войдет в союз с Чандрогуптой. Ибо величайшим бесчестьем для меня будет нарушение верности ради своей корысти, а не то, что я был обманут врагом. (*Оглядывает окрестность. Со слезами*). Это те самые окрестности Кусумапуры, где земля освящена — по ней ступала нога государя, постоянно прогуливавшегося здесь. Это ведь здесь,

⁹ Натянув тетиву и ослабив поводья, он мчался
по этим местам
На коне быстроногом, по целям подвижным стрелу
посылал за стрелой.
Отдыхал он в саду этом царском, с другими
царями беседу здесь вел. . .
Как тоскливо мне снова места эти видеть,
бывать здесь теперь без него.

Куда же теперь пойду я, несчастный? (*Осматривается*). Ладно. Я вижу там заброшенный сад. Пойду туда и узнаю от кого-нибудь

о положении Чанданадасы. (*Идет вокруг сцены*). Ах, и доброе и злое в жизни обрушивается на людей неожиданно. Ведь когда-то

- ¹⁰ В окружении тысяч царей словно царь выступал я
из города важно.
Горожане тогда на меня как на месяц на новый
взирали с почтеньем.
А теперь, возвратившийся в этот же город, в делах
потерпев неудачу,
В этот садик заброшенный, словно разбойник,
со страхом крадусь я проворно.

Но нет уже того, по чьей милости я пользовался этими почестями.
(*Делает вид, что входит, и осматривается*). О, как уныло выглядит этот заброшенный сад! Вот,

- ¹¹ Разрушен здесь дворец, как род, великими делами славный,
Пруд высох, словно сердце несчастливца, чьи друзья
погибли,
Деревья — без плодов, как замыслы гонимого судьбою,
Травой почва заросла, как ложной мыслью ум невежды.¹⁸¹

И еще:

- ¹² Здесь острыми большими топорами ветви обрубил,
И стонут бедные деревья голубиным воркованьем,
Вздыхают змеи, как друзьям своим, деревьям сострадая,
И сброшенную кожей словно перевязывают ветвям раны.

И эти несчастные деревья,

- ¹³ Изнутри совершенно иссохшие, высятся мрачно;
Словно льют они слезы из щелей, проточенных червем;
Безобразны, лишённые тени, поникли печально
И как будто готовы пойти на костер погребальный.

Отдохну пока на этом обломке скалы, столь подобающем моему бедственному положению. (*Садится и прислушивается*). О, что это

за шум? Бой барабанов смешивается со звучанием раковин и возгласами ликования. Эти

- ¹⁴ Ликования возгласы, бой барабанов, звучание труб, —
Оглушает внимающих рев, для ушей нестерпимый.
Не вмещающая обилия звуков, дворцы извергают их прочь,
Чтоб на мир посмотреть, далеко разлетаются звуки.

(*Размышляет*). А, понимаю. Это по случаю пленения Малаякету царский род. . . (*Запинается. Угрюмо*). . . род Маурьи справляет свое великое торжество. (*Со слезами*). Горе, о горе!

- ¹⁵ Так было суждено мне торжество врага
услышать и узреть, сюда явившись.
Теперь, я думаю, судьба стремится
дать мне почувствовать его.

Человек. Он сел. Буду действовать, как приказал мне благородный Чанакья. (*Как будто не замечая Ракшасы, становится перед ним и накидывает себе петлю на шею*).

Ракшаса (*замечает его*). Ах, неужели он хочет повеситься, этот бедняга, подобно мне удрученный горем? Ладно. Спрошу его. Любезный, что это ты делаешь?

Человек (*со слезами*). Господин, я делаю то, что подобает несчастному, опечаленному гибелью любимого друга.¹⁸²

Ракшаса (*про себя*). Я заранее знал, что этот бедняга страдает, как и я. (*Вслух*). О товарищ по несчастью, если это не тайна или не слишком тяжело, чтобы рассказывать, я хочу слышать о твоём горе.

Человек. Господин, это не тайна и не настолько тяжело. Но я не могу и на такое время медлить со смертью, когда сердце мое удручено гибелью моего дорогого друга.

Ракшаса (*вздыхая, про себя*). Горе мне, столь безучастный к бедствиям друга, я превзойден этим человеком. (*Вслух*). Любезный, если это не тайна и не настолько тяжело, расскажи мне.

Человек. Ах, как настойчив господин. Что делать? Придется рассказать. Есть в этом городе почтенный торговец драгоценностями по имени Вишнудаса.

Р а к ш а с а (*про себя*). Да, Вишнудаса — близкий друг Чанданадасы. (*Вслух*). Что же с ним произошло?

Ч е л о в е к. Это — мой любимый друг.

Р а к ш а с а (*с радостью, про себя*). А, он говорит, что это его любимый друг. Значит, он с ним очень тесно связан. Прекрасно, он может знать новости о Чанданадасе. (*Вслух*). Любезный, что же с ним?

Ч е л о в е к. Ныне он роздал свои драгоценности и все свое богатство и покинул город с намерением броситься в костер. И я пришел в этот заброшенный сад, чтобы повеситься прежде, чем мне доведется услышать невыносимую для слуха весть.

Р а к ш а с а. Любезный, почему же хочет сжечь себя твой друг?

¹⁶ Поражен ли болезнями тяжкими он,
От которых лекарства бессильны?

Ч е л о в е к. О нет, о нет!

Р а к ш а с а.

Иль гнетет его царский губительный гнев,
Что не легче огня иль отравы?

Ч е л о в е к. Боже избави, господин, боже избави! Чандрагупта не обращается с народом столь бесчеловечно.

Р а к ш а с а.

Или в женщину ¹⁸³ он безнадежно влюблен,
Расскажи мне, не в этом ли дело?

Ч е л о в е к (*затыкает уши*). Боже избави! Не такой он человек, чтобы поступить столь недостойно.¹⁸⁴

Р а к ш а с а.

Может быть, он бессилен, подобно тебе,
Отвратить гибель милого друга?

Ч е л о в е к. Господин, именно так.

Р а к ш а с а (*с волнением, про себя*). Чанданадаса — его близкий друг, и гибель друга побуждает его взойти на костер! Поистине, это

вселяет беспокойство в мое сердце, исполненное привязанности к моему другу. (*Вслух*). Я хочу слышать подробно об этой гибели и о подвиге человека, намеревающегося умертвить себя ради своей любви к другу.

Человек. Не могу я, несчастный, откладывать долее свою смерть!

Ракшаса. Любезный, расскажи мне эту повесть, достойную того, чтобы ее услышать.

Человек. Что поделать! У меня нет иного выхода. Придется рассказать. Слушай же, господин.

Ракшаса. Любезный, я обратился в слух.

Человек. Есть в этом городе старшина золотых дел мастеров по имени Чанданадаса.

Ракшаса (*в тревоге, про себя*). Вот судьба отворила мне двери в царство горя. Сердце, будь стойким! Нечто мучительное предстоит тебе воспринять. (*Вслух*). Любезный, о нем говорят, как о добром человеке и преданном друге. Что с ним произошло?

Человек. Он и есть любимый друг Вишнудасы.

Ракшаса (*про себя*). Вот горе, как громовая стрела, нависло над моим сердцем!

Человек. Сегодня Вишнудаса обратился к Чандрагупте, как подобает любящему другу.

Ракшаса. Скажи, как же именно?

Человек. «Государь, — сказал он, — в моем доме достаточно добра и всякого богатства. В обмен за все это освободи моего дорогого друга Чанданадасу!».

Ракшаса (*про себя*). Хвала тебе, о Вишнудаса, хвала! Ах, вот это доказательство преданной дружбы! Ибо

¹⁷ Богатство то, ради которого смертельно

Враждуют сыновья с отцами, как чужие,

Ради которого друзья своекорыстно

От дружбы отрекаются, друзей бросая,

То самое богатство для спасенья друга

Ты отдаешь теперь, когда пришла невзгода.

Хоть и торговец ты, но добрый ты торговец,
В твоём владении богатство смысл имеет.

(Вслух). Любезный, что же ответил Маурья на это предложение?

Человек. Господин, в ответ на эти слова Чандрагупта сказал почтенному Вишнудасе: «Не ради денег заключили мы в тюрьму Чанданадасу, но за то, что он скрывал в своем доме семью советника Ракшасы, насколько мне известно. И сколько ни просили его, он ее не выдал. Если он ее выдаст, то получит свободу. Иначе карой ему будет смерть». Сказав так, он повелел отвести Чанданадасу на место казни. Тогда, чтобы не услышать невыносимой для слуха вести о казни Чанданадасы, почтенный Вишнудаса решил броситься в огонь и с тем покинул город. Я же, чтобы не слышать о гибели Вишнудасы, покончу с собой, повесившись, и потому пришел теперь в этот заброшенный сад.

Ракшаса. Любезный, но не казнен же Чанданадаса?

Человек. Сегодня он будет казнен. И теперь от него снова и снова требуют, чтобы он выдал семью советника Ракшасы. Но не выдаст он ради своей преданности другу. По этой причине я не стану оттягивать свою смерть.

Ракшаса (с радостью про себя). Хвала тебе, дорогой Чанданадаса, хвала.

¹⁸ Защитой тех, кто у тебя убежища искал,
Подобно Шибви,¹⁸⁵ благородный, славу ты обрел;
а друга нет с тобой!

(Вслух). Любезный, ступай, ступай сейчас же! Скорее воспрепятствуй Вишнудасе броситься в костер, а я избавлю Чанданадасу от смерти.

Человек. Но каким же образом ты избавишь Чанданадасу от смерти!

Ракшаса (обнажает меч). С помощью этого друга отважного подвига. Смотри:

¹⁹ Как небо грозовое, блещет острый этот меч,
Охвачен страстью к битве, он с рукой моей сдружился.

Уже враги мои в боях познали мощь его.
Он к подвигу меня влечет и дружба призывает.

Человек. Господин, твое стремление спасти жизнь почтенного Чанданадасы выдает, кто ты, впавший в столь бедственное положение. И все же я не могу признать с уверенностью: ¹⁸⁶ неужели судьбою дано мне видеть советника Ракшасу, благословенно его имя?
(*Падает ему в ноги*).

Ракшаса. Встань, встань! Довольно медлить теперь. Передай Вишнудасе, что Ракшаса избавит Чанданадасу от смерти. (*Повторяет: Как небо грозовое... и т. д. Декламируя, идет вокруг сцены с обнаженным мечом*).

Человек. Но окажи мне милость, рассей мои сомнения!

Ракшаса. Да, это я, видевший гибель моего господина, я — причина бедствий моих друзей, я действительно тот презренный Ракшаса, чье проклято имя!

Человек (*опять падает ему в ноги, с радостью*). О, чудеса, чудеса! Судьба свела меня с тобой! Да окажет мне милость превосходительный советник. Здесь есть одно обстоятельство. В свое время проклятый Чандрагупта отправил на казнь благородного Шакатадасу. Но кто-то освободил его, похитив с места казни, и помог ему бежать из страны. Тогда, чтобы утолить пламя своего гнева, зажженное благородным Шакатадасой, проклятый Чандрагупта призвал к ответу палачей за их попустительство и предал их смерти. С тех пор если палачи завидят перед собой или за спиной у себя человека с мечом, они немедленно предадут казни приговоренного, забывая о сохранении собственной жизни. Поэтому, если превосходительный советник появится там с обнаженным мечом, он только ускорит тем казнь почтенного Чанданадасы.

Ракшаса (*про себя*). Ах, сколь трудно угадать пути политики презренного Чанакьи!

²⁰ Когда с согласия врага ко мне доставлен был Шаката, Зачем тогда в припадке гнева палачей он предал казни? А если нет, как он добыл коварную подделку эту? ¹⁸⁷
Мой ум найти решения задаче этой не умеет.

(Размышляет).

- ²¹ Теперь мечу — не время; ведь казнить его успеют
прежде палачи.
Любые происки плоды не сразу принесут — к чему
они теперь?
Нельзя и безучастным быть — из-за меня ведь
гибнет лютой смертью друг.
Я вижу, остается лишь себя мне предложить как
выкуп за него.

(Все уходят).

К О Н Е Ц Ш Е С Т О Г О Д Е Й С Т В И Я ¹³⁸

ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМОЕ

(Входит чандала).

Ч а н д а л а. Прочь с дороги, прочь с дороги! Берегитесь, берегитесь!

¹ Коль дороги вам жизнь, имущество, семья, жена,
От преступления против царя подалее держитесь,
как от яда!

И еще:

Кто свяжется с болезнью,¹⁸⁹ болен будет или умрет;
² Кто в преступлении против царя замешан,
вся у того семья погибнет.

А если не верите, смотрите — вот ведут на казнь государственного преступника старшину Чанданадасу с женой и сыном. (*В пространство, прислушиваясь*). Вы, спрашиваете, господа, есть ли для него какая-нибудь возможность получить свободу? Есть, господа, если он выдаст семью советника Ракшасы. (*Опять в пространство*). Что вы говорите? «Из любви к тем, кто искал у него убежища, он не совершит подобную низость ради спасения собственной жизни». Господа, в таком случае можете быть уверены в его блаженном уходе из мира. К чему теперь ваше беспокойство о его спасении?

(Входит в сопровождении второго чандалы Чанданадаса в одежде приговоренного с колом на плечах; за ним следуют его жена и сын).

Сын Чанданадасы (*падает ему в ноги*). Батюшка, что буду я делать теперь без отца?

Чанданадаса. Поселись в стране, где не будет Чанаки, сын мой.

Чандала. Благородный Чанданадаса, кол установлен. Приготовься.

Жена Чанданадасы. Господа, спасите, спасите!

Чанданадаса. Госпожа, зачем ты кричишь и плачешь? Ушел на небо государь, страдавший своим подданным в несчастии. Я гибну за друга, не за какое-нибудь преступление. Тебе надо радоваться — зачем же ты рыдаешь?

Первый чандала. Эй, Бильвапатра, хватай Чанданадасу! И сами уйдут его домашние.

Второй чандала. О Ваджраломан, я схватил его!

Чанданадаса. Любезный, подожди немного. Дай мне проститься с сыном. (*Целует сына в голову*). Мой мальчик, пусть неизбежна смерть, но я умираю ради друга.

Сын Чанданадасы. Батюшка, зачем говорить мне это? Ведь в этом закон чести нашего рода. (*Падает ему в ноги*).

Чандала. Эй, хватай его!

Жена Чанданадасы (*бьет себя в грудь*). Господин, спаси, спаси!

(Откинув занавес,¹⁹³ входит Ракшаса).

Ракшаса. Не бойся, госпожа, не бойся. Эй, эй, палачи,¹⁹⁴ не казните Чанданадасу!

⁵ Нет, на того, кто гибель господина видел, словно
это — вражья гибель,
Кто в день несчастья друга благоденствовал,
кто будто был то праздник,
Кто продолжал своею жизнью дорожить, когда
она презренной стала,
Гирлянду осужденного ¹⁹⁵ — дорогу в царство
смерти — на меня наденьте!

Ч а н д а н а д а с а (глядя на него со слезами). Советник, что это?

Р а к ш а с а. Это лишь слабое подражание твоему подвигу.

Ч а н д а н а д а с а. Советник, ты сделал бесплодными все мои страдания. Зачем ты это сделал?

Р а к ш а с а. Я только достиг своей цели. Не упрекай меня. Любезнейший, доложи злодею Чанакье. . .

В а д ж р а л о м а н. Что именно?

Р а к ш а с а.

6 Здесь я, из-за кого твоим врагом стал этот
человек достойный,
Пред чьим деянием высоким подвиги священных
будд¹⁹⁶ померкли,
В наш грешный век, во время Кали,¹⁹⁷ тягостное
благородным людям,
Готовый жизнь отдать за друга, ушинар царя¹⁹⁸
затмивший славу.

В а д ж р а л о м а н. Эй, Бильвапатра, возьми Чанданадасу и подожди с ним в тени дерева у погребального огнища, пока я не доложу Чанакье, что взят в плен советник Ракшаса.

Б и л ь в а п а т р а. Хорошо, Ваджраломан, ступай. (*Уходит с Чанданадасой, его женой и сыном*).

В а д ж р а л о м а н. Идем, советник. (*Идет с Ракшасой вокруг сцены*). Есть здесь кто-нибудь? Доложите благородному Чанакье, истребителю рода Нанды и основателю господства рода Маурьи! . .

Р а к ш а с а (*про себя*). И подобное должен я слышать!

В а д ж р а л о м а н. Вот плененный советник Ракшаса, мудрость которого была побеждена политикой господина!

(*Входит Чанакья, закутанный в греческий плащ,¹⁹⁹ оставляющий открытым только его лицо*).

Ч а н а к ь я. Рассказывай, рассказывай, любезный.

7 Кто завязал полой одежды алым пламенем пылающий
пожар?

Ч а н а к ъ я. Что долго рассказывать? Скажу коротко:

¹⁰ Все эти слуги вместе с Бхадрабхатой,
Сиддхартхака, подложное письмо,
Три драгоценности, благочестивый
Монах, который другом стал твоим,
В заброшенном саду прохожий этот
И старшины смертельная беда —
Все я. . . (*запинается, выказывая смущение*)
. . . все Низкорожденный подстроил,
Чтоб встретиться с тобою, о герой!

Р а к ш а с а (*про себя*). Что делать, я должен видеть его.

(*Входит царь, за ним — свита в порядке старшинства*).

Ц а р ь (*про себя*). Без боя победил господин непобедимое вражеское войско; я даже чувствую себя смущенным. И мои

¹¹ Стрелы пристыжены этой победой,
Что без участия их одержали,
В землю печально потушили взоры,
Дали обет оставаться в колчане.

Однако

¹² Тех на земле, кому быть побежденным,
Не натянув тетивы, побеждаю
Я, даже спящий, когда мой наставник
Бодрствует, мудрый, в делах государства.

(*Приближается к Чанакье*). Господин, Чандрагупта кланяется тебе.

Ч а н а к ъ я. Низкорожденный, исполнились все твои желания. Приветствуй присутствующего здесь главного советника.²⁰¹

Р а к ш а с а (*про себя*). Он заключает наш союз.

Ч а н а к ъ я. Вот обретенный нами советник Ракшаса, поклонись ему.

Ц а р ь (*приближается к Ракшасе*). Господин, Чандрагупта кланяется тебе.

Р а к ш а с а (*глядя на него, про себя*). О, это Чандрагупта.

¹³ Величья в мире он достиг, когда еще ребенком был,
И постепенно власть царя обрел, как власть над
стадом — слон.

(*Вслух*). Царь, да побеждаешь ты.

Ц а р ь. Господин,

¹⁴ Кто усомнится, что теперь весь мир я победить смогу,
Когда учитель мой и ты возьметесь царством управлять.²⁰²

Р а к ш а с а (*про себя*). Ученик Каутильи льстит мне, как слуга. Или нет, это лишь учтивость Чандрагупты; моя вражда к нему заставляет меня судить несправедливо. Во всяком случае Чанакья заслуживает своей славы. Ибо:

¹⁵ Когда с властителем победоносным
Советник заключает свой союз,
Будь сам он глуп, он может быть уверен,
Что славу непременно обретет.
Но у ничтожного царя и безупречный
Советник не добьется ничего.
С паденьем покровителя падет он,
Как дерево на берегу реки.

Ч а н а к ь я. Советник Ракшаса, хочешь ли ты, чтобы Чанданадаса остался жив?

Р а к ш а с а. О Вишнугупта, можно ли в этом сомневаться?

Ч а н а к ь я. Советник Ракшаса, хотя ты и почтил Низко-рожденного, явившись сюда, но ты не принял меча — вот почему я сомневаюсь. Если ты действительно хочешь, чтобы Чанданадаса остался жив, — прими этот меч.²⁰³

Р а к ш а с а. О Вишнугупта, нет, это невозможно! Я не достоин принять его, особенно — после того, как ты его держал в своей руке.

Ч а н а к ъ я. Ракшаса, как это может быть, чтобы я был его достоин, а ты — нет. Смотри:

¹⁶ Постоянно оседланы, взнузданы, кони совсем изнурились,
 Не купались, не ели, не спали слоны, не играли на воле,
 Спины вытерло им снаряжений военных тяжелое бремя, —
 Все из страха, о мудрый, пред мощью твоею, врагов
 сокрушившей.

Однако о чем толковать? Если ты не примешь этот меч, Чанда-
 надаса расстанется с жизнью.

Р а к ш а с а (*про себя*).

¹⁷ Еще к Нанде любовь в моем сердце жива,
 Я же должен врагу его стать слугой.
 Подрубить мне приходится дерево то,
 Что растил я когда-то и поливал.
 Чтобы верного друга от смерти спасти,
 Должен я согласиться тот меч принять.
 Ведь течению событий указывать путь
 Уж давно неспособна сама судьба.²⁰⁴

(*Вслух*). Вишнугупта, слава дружбе, ради которой я приму все,
 что угодно. Что поделать? Я покоряюсь.

Ч а н а к ъ я (*с радостью*). Низкорожденный, Низкорожденный,
 наконец советник Ракшаса оказал тебе честь. Судьба благословляет
 тебя, государь.²⁰⁵

Ц а р ь. Чандрагупта с благодарностью принимает милость
 господина.

(*Входит слуга*).

С л у г а. Победа господину. Там Бхадрабхата, Бхагураяна
 и другие доставили к воротам скованного по рукам и ногам Малая-
 кету. Пусть господин отдаст распоряжение.

Ч а н а к ъ я. Любезный, доложи советнику Ракшасе. Теперь
 он ведает этими делами.

Р а к ш а с а (*про себя*). Каутилья забрал меня в плен, а теперь возлагает на меня право решения. Что поделывать! (*Вслух*). Царь Чандрагупта, как тебе известно, я некоторое время служил под властью Малаякету и потому прошу сохранить ему жизнь.

(Царь обращает взор на Чанакью).

Ч а н а к ъ я. Да будет оказано уважение первому желанию советника Ракшасы. (*Слуге*). Любезный, передай от нашего имени Бхадрабхате и его людям: «По указанию советника Ракшасы государь Чандрагупта возвращает Малаякету его наследственные владения. Вы должны сопровождать его и, восстановив его на престоле, вернуться сюда».

С л у г а. Как господин прикажет. (*Идет со сцены*).

Ч а н а к ъ я. Погоди, погоди, любезный! Пусть передадут также начальнику крепости: «По случаю радости, которую дарует ему советник Ракшаса, соглашаясь служить ему, Чандрагупта повелевает назначить Чанданадасу главным старшиной цехов всех городов государства.²⁰⁶ Кроме того, пусть снимут узы со всех,²⁰⁷ кроме боевых коней и слонов». Впрочем, на что они нам теперь, когда советник Ракшаса стал нашим министром?

¹⁸ Пусть всех, кто связан, и слонов и лошадей,
освободят.

Лишь я, обет исполнив, завяжу отныне волоса.

С л у г а. Как господин прикажет. (*Уходит*).

Ч а н а к ъ я. О царь Чандрагупта, о советник Ракшаса, скажите, что еще могу я сделать для вас приятное?²⁰⁸

Ц а р ь. Что может быть еще приятнее для нас?

¹⁹ Я с Ракшасою дружбу завязал, и царство мне
принадлежит,

Весь Нанды род искоренен — что нам приятное
еще осталось сделать?²⁰⁹

Р а к ш а с а. Тогда выслушайте заключительное слово пьесы.²¹⁰

²⁰ Когда земле опасность угрожала
Пропасть, погибнуть, погрузившись в воды,
Ее поддел на клык и над потоком
Вознес принявший образ Вепря Вишну.²¹¹
Теперь, когда земле грозит опасность
От иноземцев, пусть ее защитой
Могучий царь, подобно Вишну, будет;
Пусть долго правит ей Авантиварман! ²¹²

(Все уходят).

К О Н Е Ц С Е Д Ъ М О Г О Д Е Й С Т В И Я.

К О Н Е Ц.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРЕВОД ОТРЫВКОВ ИЗ ДРУГИХ ПЬЕС ВИШАКХАДАТТЫ

І. ЦАРИЦА И ЧАНДРАГУПТА

От драмы Вишакхадатты «Царица и Чандрагупта» (*Devīśaṇḍragupta*) сохранилось лишь несколько цитат, приведенных вместе с кратким изложением содержания пьесы в трактате по драматическому искусству «*Nāṭyaśāstra*» Рамачандры и Гуначандры и в некоторых других средневековых санскритских трактатах. Ниже следует перевод цитат, приведенных в «*Nāṭyaśāstra*» (по тексту, помещенному в примечаниях к статье: S. Lévi. Deux nouveaux traités de dramaturgie indienne. *Journal asiatique*. Octobre—décembre 1923, p. 193).

Изложение содержания пьесы см. в послесловии к настоящему изданию (стр. 143, 144).

1. Из 2-го (?) акта. (Царевич Чандрагупта видит царицу Дхрувадеви, потрясенную позорным решением ее супруга выдать ее скифскому царю, чтобы откупиться от победоносного врага).

Ч а н д р а г у п т а. Вот стоит царица. . .

Своей тоской внушая сердцу жалость,
Она, печальная, еще прекрасней;
Луне подобна, что уже затмилась,
Настигнутая головою Раху;¹
Она убита мужа поведением,

¹ См. примечание ¹⁶ к «Перстню Ракшасы».

Что не мужчины — евнуха достойно,
Стыдом, отчаяньем, боязнью, гневом
Охвачена, сознание теряет.

2. Из 2-го акта. (Царь Рамагупта обращается к своему брату Чандрагупте, вызвавшемуся идти во вражеский лагерь в женском платье вместо царицы, чтобы убить скифского царя. Царица подслушивает, но, не видя Чандрагупты, воображает, что супруг ее обращается к другой женщине).

Ц а р ь.

Вставай, иди. Но нет, не в силах я с тобой
расстаться.

Мне дорого цветенье юности твоей,
И собственное юности сиянье красоты,
И преданность твоя, которой нет сравнения.
С царицей расстаюсь, но чересчур сильна моя
любовь к тебе.

Д х р у в а д е в и. Если ты говоришь о любви, то ведь это
меня, несчастную, ты покидаешь..

Ц а р ь. И еще,

С царицей расстаюсь, но это же ничто в сравнении с тобой.

Д х р у в а д е в и. Я же расстаюсь с жизнью, но прежде мне
суждено потерять супруга.

Ц а р ь. Мне без тебя и царство бесполезно.

Д х р у в а д е в и. А для меня мое существование бесполезно.
Покинуть жизнь будет мне отрадой.

Ц а р ь. Мне жаль царицу только как жену.

Д х р у в а д е в и. Такова жалость моего супруга, который
покидает меня, ни в чем не повинную.

Ц а р ь. Любовью связана с тобой по-прежнему душа моя.

Д х р у в а д е в и. Вот я, несчастная, и покинута.

Ц а р ь. Из-за любви к тебе чрезмерной, ради тебя
лишаюсь чести.

Лишаюсь с честью и царицы; ты для меня всего дороже.
Д х р у в а д е в и (*первой актрисе*). Дорогая моя, вот она
какова, жалость моего супруга.

П е р в а я а к т р и с а.² Государыня, когда луна метеором
падает с небес, что можем мы поделать?

Ц а р ь.

Ты нас утетишь в горе том, которое несет
с царицею разлука.

Д х р у в а д е в и. И ты, безжалостный, еще чувствуешь горе
от разлуки!

Ц а р ь.

Но горя, что несет с тобой разлука,
она и сотою доли не развеет.

3. Из 4-го акта. (Чандрагупта, преследуя цели политической
интриги, притворно ухаживает за куртизанкой Мадхавасеной).

Ч а н д р а г у п т а. Милая Мадхавасена. Соизволь теперь

Обвить мне шею рук-лиан твоих кольцом,
О ты, чья шея, словно у киннары³ стройной!
И ожерельем руки силой мне сковать,
Тем ожерельем, что с твоею грудью дружит.
Пусть ноги свяжет мне покрепче пояс твой,
Влюбленный в бедра, на которых возлегает.
А сердце чарами уже пленила ты,
И нет ему нужды в иных оковах.
.....
Кто радостные слезы на твои глаза,
Блещающие, словно светлый лотос, вызвал,
Обильным потом твое тело оросил,

² В подлиннике: sūtradhārī.

³ В индийской мифологии — нечто вроде лесной нимфы.

ВИШАКХАДАТТА И ЕГО ДРАМА «ПЕРСТЕНЬ РАКШАСЫ» (MUDRĀRĀKṢASA)

О существовании индийского классического театра и драматургии Европа узнала в конце XVIII в. Одновременно это было первым знакомством западного читателя с древней литературой Индии. Появление первых переводов на европейские языки знаменитой драмы Калидасы «Шакунтала» «вызвало, — по [выражению Дж. Неру, — нечто вроде смятения среди европейской интеллигенции».¹ То было открытие нового мира, первое соприкосновение с замечательно богатой и своеобразной культурой, созданной великим народом на протяжении тысячелетий. Именно с конца XVIII в. начинается история серьезного изучения Индии в странах Запада.

Почти через сорок лет после появления первого английского перевода «Шакунталы», в 1826—1827 гг., известный индианист Х. Х. Уилсон выпустил в свет сборник своих переводов избранных пьес санскритского классического театра.² Работа его означает вторую важную веху в истории изучения индийской драмы. Оказалось, что «Шакунтала» не является единственным шедевром индийского театра. Переводы Уилсона познакомили европейскую публику с рядом других замечательных пьес, среди которых особенного внимания заслуживали: «Урваши» (Vikramorvaśī) Калидасы, «Глиняная тележка» (Mṛcchakatikā) Шудраки и «Печать ми-

¹ Дж. Неру. Открытие Индии. Изд. иностр. лит., М., 1955, стр. 162.

² Н. Н. Wilson. Select specimens of the Theatre of the Hindus. Calcutta, 1826—1827.

нистра»³ (Mudrārākṣasa) Вишакхадатты. Эти три пьесы вместе с «Шакунталой» Калидасы были признаны наиболее значительными и высокохудожественными памятниками индийской классической драматургии.

Классический театр древней Индии развился из народного искусства в середине первого тысячелетия до н. э. В истории мировой культуры Индия была второй по времени страной (после Древней Греции), создавшей самобытное и высокоразвитое театральное искусство и драматическую литературу. К сожалению, до нас не дошли древнейшие произведения индийской драматургии. Самые ранние из сохранившихся до нашего времени пьес относятся к I в. н. э. и представляют собой образцы уже вполне развитой драматической литературы.¹

Приблизительно в III в. н. э. творчество Бхасы знаменует собой начало периода высшего расцвета индийской классической драмы. В произведениях выдающихся драматургов этого периода — Бхасы, Шудраки, Калидасы, Вишакхадатты — нашло наиболее яркое и совершенное художественное выражение все своеобразие духовной культуры Древней Индии. «Театр есть высшее выражение породившей его цивилизации, — писал Сильвэн Леви в своем капитальном труде, посвященном истории индийского театра. — . . . Оригинальность Индии полностью отразилась в ее драматическом искусстве. Она собрала в нем в сжатой форме свои догмы, свои учения, свои институты».⁴

Большинство исследователей отмечает резкое отличие индийской классической драмы от античной; при этом нельзя забывать, что объясняется оно не одним только национальным своеобразием. Характер индийского драматического искусства определяется историческими и социальными условиями, в которых оно развивалось. В отличие от древнегреческого театра, процветавшего на почве

³ The Mudrá Rākṣasa, or the Signet of the Minister. A Drama translated from the original Sanskrit. Во втором издании вышеназванного труда Уилсона: vol. 2, London, 1835, стр. 125—254.

⁴ S. L é v i. Le théâtre indien. Paris, 1890. — Здесь цитируется по книге: Дж. Н е р у, ук. соч., стр. 162.

афинской рабовладельческой демократии, санскритская драматургия сложилась и развивалась в атмосфере восточных деспотий, где все культурные ценности сосредоточивались в руках правящих классов и преимущественно — жреческого сословия. Многие исследователи подчеркивают аристократический и религиозный характер санскритской драмы, оторванной от народа и от реальной жизни, доступной лишь узкому кругу просвещенных ценителей. Строгая традиционность и изысканность художественных форм, язык, понятный только образованной аудитории, отгораживают индийский классический театр от жизни современного ему общества.

Эти особенности отчетливо проявляются в древнеиндийских теоретических сочинениях по драматическому искусству. В «Натьяшастре» Бхараты, замечательном памятнике эстетической мысли индийской древности (II—IV вв. н. э.), наряду с глубокой и тонкой разработкой многих важных проблем драматического и поэтического искусства, мы находим места, явно свидетельствующие о тенденции ограничить общественную роль театра, трактующие его как утонченное и изысканное развлечение для немногих. Не говоря о прямых указаниях, воспреещающих доступ в театр представителям низших сословий,⁵ теоретические трактаты определяют самое содержание классической драмы, тщательно устраняя из нее все мотивы, ведущие к связи с общественными проблемами и народной жизнью.

Серьезная драма — «nāṭaka», — согласно теории, должна посвящаться исключительно возвышенным предметам. Главная задача драмы — пробуждать в душах зрителей тонкое и безмятежное эстетическое наслаждение. Санскритская драма не должна сильно волновать зрителя. В связи с этим в «Натьяшастре» приводится характерная система запретов. Строго запрещается показывать на сцене смерть, сражение, борьбу, свержение царя, народные бедствия, изгнание, всякие вульгарные, неприятные, обыденные действия и т. д. Пьеса всегда должна иметь счастливый конец; та-

⁵ Это не означает, однако, что классический театр Древней Индии во все времена был недоступен представителям низших каст. В той же «Натьяшастре» ряд мест указывает, что театр посещался и шудрами (см., например, главу 2 «Натьяшастры», указания о распределении мест в зрительном зале и др.).

ким образом трагедия решительно исключается из санскритского театра.

Мы видим, насколько противоречат эти положения понятию драмы у древних греков и в европейской эстетике. «Любовь к чудесному, презрение к действию, однообразие интриги, боязнь трагических катастроф, вкус к смягченным эмоциям. . .»⁶ — так определяет в своей книге С. Леви характерные черты индийской классической драмы.

И все же, обращаясь непосредственно к драматической литературе Древней Индии, мы убеждаемся, что эти черты не являются для нее безусловно характерными и определяющими. И менее всего они характерны для творчества выдающихся драматургов эпохи расцвета. Наиболее яркие и самобытные таланты восстают против мертвых канонов и правил и сбрасывают оковы, ограничивающие свободу поэтической фантазии. Бхаса не боится показывать на сцене смерть, борьбу, свержение царя и поднимается до трагического пафоса в отдельных сценах своих пьес, посвященных сюжетам «Махабхараты». Нарушают каноны «Натьяшастры» также и Шудрака и Вишакхадатта.

До нас дошли только немногие, хотя, очевидно, наиболее значительные и популярные произведения древнеиндийской драматургии периода расцвета. Это мешает нам достаточно ясно и полно определить истинный характер индийского классического театра. Большая часть сохранившихся санскритских пьес относится к более позднему времени, к концу первого тысячелетия н. э. и началу второго, когда классическая культура Древней Индии уже пришла в упадок и разрушалась. Эти произведения построены строго по предписаниям теоретических трактатов, но обнаруживают резкое снижение художественного уровня. Было бы, однако, ошибочно судить по этим пьесам о характере индийского театра в целом только на основании их количественного преобладания.

Золотой век индийской классической литературы и искусства по времени приблизительно совпадает с эпохой империи Гупта,

⁶ S. Lévi, ук. соч., стр. 8.

последнего крупного рабовладельческого государства на территории Индии, объединившего под своей властью почти весь север страны и часть юга. К концу V в. н. э. могущество Гуптов ослабевает и империя рушится под ударами иноземных завоевателей. В истории Индии начинается долгий период феодальной раздробленности, опустошительных вражеских нашествий (только в VII в. значительная часть страны на короткое время объединяется под властью энергичного и удачливого завоевателя Харшавардханы, царя Канауджа). Одновременно с падением политического могущества государства наступает упадок и в общественной жизни и в области духовной культуры.

Очевидно, в этот период еще более углубляется пропасть между народными массами и правящими классами, и власть последних становится еще более жестокой и деспотической. До нас дошло множество кодексов, строго регламентирующих права и обязанности отдельных сословий древнеиндийского общества. В рассматриваемый нами период число этих кодексов — так называемых «смрити» (*smṛti*) и «дхармашастр» (*dharmaśāstra*) — возрастает с каждым новым столетием, и правила их, освященные религией, становятся все более мелочными, жесткими и неумолимыми. В душной атмосфере кастового гнета и возрастающего засилия реакционного жречества, в обстановке феодальной раздробленности и замкнутости общественная жизнь замирает, искусство и литература не могут свободно развиваться. Более всего страдает при этом самое популярное из искусств — искусство театра.⁷

Первые признаки наступающего упадка в индийской драматургии проявились, очевидно, уже вскоре после Калидасы, поднявшего до высочайшего совершенства поэтическое мастерство в санскритской классической литературе. Но совершенная гармония художественной формы и глубина содержания, свойственные его творчеству,

⁷ «Санскритская драма пришла в упадок потому, что в те дни многое в Индии приходило в упадок и ее творческий дух угасал. Она пришла в упадок задолго до воцарения на делийском троне афганцев и тюрок» (Дж. Неру, ук. соч., стр. 165).

у позднейших драматургов подменяются изощренным и искусственным словотворчеством, лишенным жизни и идейной значительности.

Особенно характерна для драматургов позднего периода полная утрата чувства сцены; пьесы их почти лишены действия, необычайно тяжелы по языку и стилю. Театр, возникший и развившийся в условиях крупного рабовладельческого государства, потерял почву в раздробленной и пришедшей в упадок стране. Надо заметить также, что язык классической драмы — санскрит и пракриты — к этому времени окончательно оторвался от живого разговорного языка широких слоев общества и понятен был только сравнительно немногим высокообразованным людям. В подобных условиях традиция классического театра неизбежно должна была замереть и прекратиться; последнее произошло уже в эпоху мусульманских завоеваний.

Но в самом начале этого периода, когда в общественной и культурной жизни уже наметились черты грядущего упадка, когда Индия напрягала последние силы в борьбе с губительными варварскими нашествиями, появляется писатель, чье творчество, представляющее собой блестящее и единственное в своем роде явление в истории индийской драматургии, было особенно глубоко связано с жизнью и историческими судьбами страны. Это был Вишакхадатта, последний по времени представитель эпохи расцвета индийского классического театра.

В V в. н. э. на Индию нахлынули полчища белых гуннов (эфталитов). В напряженной борьбе с ними прошли годы правления последних императоров династии Гупта. Уже после падения империи кровопролитные войны с гуннами вели правители индийских государств, возникших на ее развалинах в Северной Индии. В конце VI в. сильное нападение гуннов было отражено Прабхакаравардханой (отцом знаменитого впоследствии объединителя Индии Харшавардхана), правителем государства Тханесар. В этой войне, закончившейся полным поражением гуннов, Прабхакаравардхану поддерживал его родственник и союзник Авантиварман, царь Канауджский. Полагают, что в царствование Авантивармана Канауджского и жил Вишакхадатта и что именно этому царю посвя-

щена заключительная строфа его драмы «Mudrārākṣasa», прославляющая Авантивармана за спасение страны от нашествия варваров. Творчество Вишакхадатты относится в этом случае к концу VI или началу VII в.⁸

Как и для подавляющего большинства древнеиндийских писателей, датировка жизни и творчества Вишакхадатты остается только более или менее правдоподобным предположением. Также ничего определенного мы не можем узнать о личности драматурга и о его биографии. Сама пьеса его «Mudrārākṣasa» сообщает, что автор был сыном махараджи и внуком саманты, т. е. принадлежал по рождению к правящему классу, к аристократии страны. Род его возвысился, очевидно, при царе Авантивармане или его непосредственном предшественнике; отец драматурга, носивший титул «махараджи», занимал высокое положение при царском дворе, которое, возможно, перешло и к его сыну. Можно предположить, что Вишакхадатта (если судить по его произведениям) мог на собственном опыте близко познакомиться с придворной жизнью, политическими интригами и тайнами государственного управления.

Вообще Вишакхадатта был, очевидно, одним из образованнейших людей своего времени. Он изучил важнейшие политико-экономические трактаты древней Индии, в первую очередь — «Артхашастру» Каутильи, имел серьезные познания в философии, логике, астрономии. Разумеется, Вишакхадатта хорошо знал санскритскую

⁸ В некоторых рукописях пьесы Вишакхадатты, дошедших до нас, вместо имени Авантиварман в заключительной строфе стоит имя Чандрагупта. А. Гилебрандт, а за ним некоторые другие исследователи, отождествляют его с Чандрагуптой II из династии Гупта; в этом случае творчество Вишакхадатты относится к концу IV—началу V в.; предполагают, что он был младшим современником Калидасы. Невозможно с уверенностью сказать, какое из разночтений предпочтительней — Авантиварман или Чандрагупта (в некоторых рукописях стоят и другие имена). Мы принимаем здесь условно датировку, обоснованную индийским исследователем К. Х. Дхрувой (см. его предисловие к изданию текста и английского перевода пьесы: *Mudrārākṣasa or The signet ring. Critically ed. . . by K. H. Dhruva. 2nd ed. Poona, 1923*; см. также: V. V a r a d a c h a r i. *A History of Samskr̥ta literature. Allahabad, 1952*, стр. 155; о разночтениях в заключительной строфе пьесы см. также в комментариях к настоящему переводу).

классическую литературу предшествующих веков; из его предшественников наибольшее влияние на него, по-видимому, оказал Шудрака, автор «Глиняной тележки». Вишакхадатта прекрасно знал классическую теорию построения драмы, что доказывает его пьеса; очевидно, он изучал «Натьяшастру» Бхараты.

Из его пьесы можно заключить также, что Вишакхадатта, подобно своему великому предшественнику Калидасе, принадлежал к последователям шиваизма. По-видимому, он был уроженцем и жителем северной Индии. Он мог познакомиться с древним городом Паталипутрой, в которой происходит действие его пьесы, прожив в нем некоторое время; в его эпоху этот город еще существовал на берегу Ганга.⁹ Этим, пожалуй, и исчерпывается все, что мы можем сказать о личности и жизни писателя. Обратимся непосредственно к его творчеству.

«Mudrārākṣasa» («Перстень Ракшасы»), единственная дошедшая до нас целиком пьеса Вишакхадатты, посвящена далекому прошлому, далекому даже для автора пьесы и его современников. В ней представлена эпоха, всегда привлекавшая особенный интерес историков Индии, — эпоха объединения страны под властью империи Маурья после успешной борьбы с греческими завоевателями в конце IV в. до н. э.

В то время Индия впервые соприкоснулась с античной цивилизацией; в борьбе с иноземным вторжением всколыхнулись и пришли в движение широкие народные массы; пробудилось с особенной яркостью сознание единства огромной страны, и было создано государство, поднявшее могущество Индии на высшую ступень, какой она не достигала ни до ни после на всем протяжении истории древности.

Было бы ошибкой искать в пьесе Вишакхадатты точного исторического воспроизведения событий того далекого времени. Вишакхадатта был не историком, но художником; кроме того, мы знаем,

⁹ Город Паталипутра, расположенный у впадения в Гангу реки Соны, вблизи нынешней Патны, пришел в упадок и разрушение и был покинут жителями к середине VII в. н. э., как свидетельствует китайский путешественник Сюань Цзань, посетивший Индию в 629—646 гг.

что Древняя Индия вообще не знала исторической науки в нашем понимании этого термина. Едва ли Вишакхадатта в работе над своим произведением располагал достоверными документами эпохи или историческими хрониками. Однако не следует, очевидно, совершенно пренебрегать исторической ценностью пьесы, как бы ни была она ничтожна, тем более что об исторических событиях, непосредственно затронутых в пьесе, мы почти не имеем скольконибудь определенных сведений из других источников.

Греческие и римские историки смутно сообщают о существовании во время похода Александра Македонского в долине Ганга могущественного индийского государства под властью царя Ксандрамеса (Чандрама?). Царь этот был низкого происхождения, деспотичен и не любим народом. Юстин, историк III в. н. э., рассказывает о Сандракоттосе, человеке низкого происхождения, который оскорбил царя Нандруса и был за то приговорен к смертной казни. Однако ему удалось бежать, и впоследствии, после смерти Александра, он возглавил народное восстание против греков, а после изгнания иноземцев сам стал царем. Нет сомнения, что Сандракоттос — (*Σανδρακόττος*) — греческое искажение имени Чандрагупта и Юстин имеет в виду знаменитого Чандрагупту, основателя династии Маурья. О Чандрагупте упоминает также Плутарх, именующий его Андракоттос (см. «Жизнь Александра», 62). Под Ксандрамесом или Нандрусом, возможно, имеется в виду магадхский царь династии Нанда.

В индийской литературе пуран имеются сведения о правлении в Магадхе могущественной династии Нанда. Основатель этой династии Махападама Нанда был сыном женщины из низшей касты — шудр. Династия Нанда была свергнута брахманом Каутильей, способствовавшим возведению на трон Чандрагупты, который основал новую династию Маурья. О борьбе Каутильи с Нандой имеются упоминания и в других индийских источниках, в том числе в известном политико-экономическом трактате «Артхашастра», авторство коего приписывается самому Каутилье, в «Вопросах Милинды» — палийском памятнике I или II в. н. э. — и др. Любопытно отметить, что греческо-римские источники совершенно умалчивают о Каутилье (что не дает, однако, оснований сомневаться в том, что это — лич-

ность историческая), так же как индийские источники ни словом не упоминают об Александре Македонском. Не упоминает имени Александра и пьеса Вишакхадатты. О греках Вишакхадатта упоминает мельком; по-видимому, речь идет лишь о наемных солдатах в армиях индийских царей.

Но ни в греческо-римской, ни в индийской литературе до Вишакхадатты ничего не говорится о составляющей главное содержание его пьесы борьбе Каутильи с Ракшасой после свержения Нанды. Имя Ракшасы также нигде не встречается, и неизвестно, является ли этот образ исторической личностью или плодом фантазии драматурга.

Как сообщает индийский писатель Дханика в своем комментарии на трактат по поэтике «Даśагūṛa», написанном около 1000 г. н. э., Вишакхадатта заимствовал тему для своей пьесы из «Vṛhatkathā» Гунадхьи. «Vṛhatkathā» (III в. до н. э.), сборник древних преданий и сказок, богатый источник тем и сюжетов, использованный многими писателями санскритской классической литературы, до нас не дошел. Сохранились, однако, созданные много позднее сказочные сборники и поэмы, основанные на «Vṛhatkathā» или заимствовавшие материал из этого произведения. В «Kathāsaritsāgara» Сомадевы, в «Vṛhatkathāmañjarī» Кшемендры — позднейших обработках книги Гунадхьи — и в некоторых других произведениях классического периода содержится легенда о необыкновенных обстоятельствах царствования и гибели Нанды, царя Магадхи, и восшествия на трон Чандрагупты. В различных вариантах этой легенды рассказывается о том, что после смерти Нанды его место занял самозванец, принявший имя и облик покойного царя. Главную роль в борьбе с жестоким и вероломным Лже-Нандой играет в этих сказаниях мудрый и энергичный министр Шакатала. Каутилья выступает лишь как слепое орудие в искусных руках Шакаталы, с помощью которого последний свергает Лже-Нанду и возводит на царство Чандрагупту, сына настоящего Нанды. О Ракшасе в сказочной литературе не упоминается.¹⁰

¹⁰ Об источниках пьесы Вишакхадатты см. обстоятельное исследование акад. В. Рубена (W. Ruben. Der Sinn des Dramas «Das Siegel und Rākshasa» (Mudrārākshasa). Akademie-Verl., Berlin, 1956).

У Вишакхадатты, как мы знаем, трактовка сюжета совершенно иная. Кроме того, легенда о Лже-Нанде изобилует различными фантастическими деталями — Вишакхадатта их решительно отвергает; пьеса его принадлежит к сравнительно немногим произведениям древнеиндийской драматургии, совершенно лишенным фантастического элемента. В легенде действуют также знаменитые древнеиндийские ученые Панини и Вараручи, явно принадлежащие к разным эпохам; Вишакхадатта избегает подобных анахронизмов. Короче говоря, трактовка сюжета у Вишакхадатты кажется гораздо более реалистической и более близкой исторической правде. Свидетельство Дханики поэтому справедливо было подвергнуто сомнению современными исследователями; очевидно, Вишакхадатта заимствовал сюжет не из литературы сказаний. Вероятнее, он черпал материал из исторических сочинений: различных *gājāvalī*, *carita* и т. п.¹¹

Если сказочная литература умалчивает о Ракшасе, герои пьесы Вишакхадатты, последний в свою очередь совершенно исключает из драмы фигуру Шакаталы, передавая главную движущую действие роль Чанакье. Далее, Вишакхадатта вводит образ правителя Горной страны царевича Малаякету, главы враждебной Чандрагупте коалиции иноземных князей. В пьесе много раз упоминается погибший в результате политической интриги отец Малаякету, царь Парвата, которого некоторые исследователи (едва ли основательно) отождествляют с царем Пором греческих историков, главным противником Александра в Индии.

Драма Вишакхадатты отличается чрезвычайной сложностью интриги. Уже средневековые комментаторы этого произведения считали необходимым для облегчения понимания его содержания предварять его изложением событий, предшествующих действию пьесы. Различные варианты этой «предыстории», созданные различными авторами, не всегда удовлетворительно объясняют действие драмы и не во всем соответствуют ее содержанию. Некоторые из них опять вводят в действие Шакаталу или Шакатару, героя сказочной легенды (например, Джагаддхара, комментатор XIV в.), некоторые

¹¹ См. предисловие К. Дхрувы к его изданию драмы (стр. XVI).

вводят фантастические элементы. Из наиболее достоверных комментариев и из самого произведения представляется следующая предыстория драмы:

У Сарвартхасиддхи,¹² царя династии Нанда, было восемь (или девять) сыновей, рожденных ему женою из касты кшатриев. Кроме того, он имел побочного сына по имени Чандрагупта, мать которого принадлежала к низшей касте; отсюда прозвище его «Vṛṣala», что значит «Шудра», «Низкорожденный». В некоторых комментариях Чандрагупта выступает как внук царя Нанды (комментарий Махадевы) или как его шурин (комментарий Джагаддхары), что, однако, не соответствует самой пьесе. Согласно легенде, все сыновья царя росли вместе, но между юными кшатриями и шудрой рано возникла взаимная ненависть и вражда.

Однажды царь тяжело оскорбил могущественного брахмана Каутилью (в пьесе он обычно именуется Чанакья), столкнув его с почетного места во время торжественного обряда в царском дворце. Чанакья поклялся жестоко отомстить и в знак своей клятвы завязал узлом прядь волос на своей голове. Он замыслил свергнуть Нанду и возвести на трон своего ученика Чандрагупту (неясно, был ли он наставником Чандрагупты до ссоры с царем или стал им только впоследствии). Как оружие в борьбе со своим врагом Чанакья использовал Парвату, царя Горной Страны (вероятно, в Гималаях), варвара, которому он обещал отдать половину царства Нанды в вознаграждение за военную поддержку. С огромным войском, состоящим большей частью из иноземцев, Чанакья и Парвата осадили Паталипутру, столицу Нанды. После упорной борьбы город был взят (благодаря измене военачальников Нанды, как сообщает комментарий Махадевы; однако в самой пьесе об измене не упоминается). Еще до взятия города Сарвартхасиддхи бежал из него через подземный ход и укрылся в лесном монастыре, где был убит агентами Чанакья. К этому времени был истреблен весь род Нанды.

¹² По другой версии, Сарвартхасиддхи может быть именем родственника Нанды, взойшедшего на трон уже после гибели Нанды и его сыновей. В самой пьесе нет ясных указаний на этот счет.

Но в Паталипутре остался Ракшаса, смелый и деятельный министр Нанды, мужественно защищавший город и оставшийся верным своему долгу даже после победы врагов и гибели царского рода. Ракшаса решает продолжать борьбу против Чанакьи и Чандрагупты до конца. Очевидно, для этого он тайно поступает на службу к Парвате и стремится посеять раздор между союзниками. К Чандрагупте Ракшаса подсылает «ядовитую» девушку» (*viṣakānyā* — единственный фантастический образ в пьесе, правда, только упоминаемый). Но к этому времени Ракшаса уже сам окружен агентами проникательного и предусмотрительного Чанакьи. Замысел его не удастся; от «ядовитой девушки» вместо Чандрагупты гибнет Парвата. Чанакья, отражая удар Ракшасы, одновременно освобождается от сделавшего свое дело союзника и от необходимости отдать полцарства варвару. После этого Ракшаса бежит из города через тот же подземный ход. Но он не отказывается от мысли продолжать борьбу и оставляет в Паталипутре как залог своего возвращения жену и сына, которых вверяет попечению своего лучшего друга Чанданадасы. Своим друзьям и сторонникам Ракшаса поручает тайно сеять возмущение в народе; по его поручению они организуют также ряд покушений на жизнь Чандрагупты. Ракшаса же поступает на службу к Малаякету, сыну Парваты, с помощью которого создает сильную коалицию иноземных царей, направленную против Чандрагупты. Собрав большое войско иноземцев, Ракшаса и Малаякету выжидают благоприятного момента для нападения на Паталипутру. Оба не подозревают, что самый союз их подстроен коварным Чанакьей, который намерен спровоцировать это нападение в нужное время для верного и окончательного разгрома своих врагов.

Между тем Чанакья, восхищенный умом и энергией своего противника, а еще больше — его неколебимой преданностью своему долгу, задается целью привлечь Ракшасу на свою сторону и заставить его служить Чандрагупте. Для этого он измышляет чрезвычайно сложный и хитроумный план. С этого момента и начинается действие пьесы.

В первом акте мы видим Чанакью, поглощенного политическими делами. Он развивает кипучую деятельность для приведения в ис-

полнение своего коварного плана. Он выслушивает доклад своего соглядатая, отдает распоряжения, засылает агентов в лагерь противника, допрашивает арестованного сообщника врага. У нас на глазах плетутся сети тонкой и сложной интриги, в которых неминуемо должен запутаться и обессилеть противник.

В последующих актах место действия меняется, переносится попеременно то в столицу Горной Страны, резиденцию Ракшасы, то опять в Паталипутру, то в лагерь Малаякету, и по мере продвижения действия разворачивается и развивается замечательная по своей сложности, тонкости и продуманности в мельчайших деталях интрига Чанаки. Политика Чанаки действует с железной неумолимостью и точностью машины. Несчастный Ракшаса с каждым новым актом все глубже увязает в этой паутине, неуклонно приближаясь к уготованной для него ловушке. В пятом акте катастрофа разражается, обеспечивая полный успех всех планов Чанаки, исполняющихся к концу пьесы.

В своей пьесе Вишакхадатта проявляет себя замечательным мастером в драматическом развитии действия, в развитии сложной и запутанной интриги. В этом отношении мастерство его примечательно не только в индийской, но и в мировой драматургии. Еще А. Вебер, один из первых исследователей его творчества в Европе, справедливо заметил, что во всей драматической литературе трудно найти более блестящий и характерный пример единства действия. Действие в «Перстне Ракшасы» развивается целеустремленно и динамично, и все элементы построения драмы служат этому развитию; ничего лишнего, отвлекающего, тормозящего действие. Драматическое напряжение нарастает от акта к акту, разрешаясь в завершающей катастрофе; в развитии действия раскрываются и обрисовываются характеры действующих лиц. Отдельные сцены пьесы, такие, как допрос Чанданадасы в первом акте или сцена мнимого разоблачения Ракшасы в пятом, по своей драматичности далеко превосходят все, созданное санскритским театром; немного подобных сцен найдется и у драматургов других народов.

Мастерство Вишакхадатты особенно выделяется в индийской классической драматургии позднего периода; в большинстве сан-

скритских пьес действие движется замедленно, беспрестанно отвлекаясь в сторону и теряясь в громоздких отступлениях. Пьеса Вишакхадатты показывает, однако, что «презрение к действию» не столь свойственно индийской драме, как полагают некоторые европейские критики. Вишакхадатта был последним по времени драматургом классического театра с полно развитым и тонким чувством сцены. Он никогда не забывает, что произведение его — не поэма в драматической форме, но пьеса, предназначенная для актерского исполнения, чего нельзя сказать о позднейших драматургах.

Если Вишакхадатта и не нарушает прямо предписаний и запретов «Натьяшастры», как это делает Бхаса, все же он в своем творчестве идет вразрез с самим духом традиционной санскритской теории драмы. Не тонкое и безмятежное наслаждение поэтическими красотами вызывает его пьеса; Вишакхадатта стремится к сильному драматическому воздействию на зрителя; многие сцены «Перстня Ракшасы» потрясали в свое время зрителей индийского театра значительно сильнее, чем то допускали каноны брахманской поэтики.

Пьеса Вишакхадатты считается наиболее «драматической» из всех пьес санскритского театра, наиболее близкой к нашему пониманию драмы. Тем не менее и в «Перстне Ракшасы» мы видим, что индийский автор разрабатывает свою тему иначе, чем это свойственно европейской драматургии. В пьесе Вишакхадатты, хотя и полной действия, в сущности отсутствует элемент борьбы — это бросается в глаза европейскому читателю. Силы противников неравны — Ракшаса выступает лишь как беспомощная жертва Чанакьи. Европейский драматург наверное позволил бы Ракшасе добиться хотя бы временных успехов, постарался бы вселить в души зрителей сомнение в исходе борьбы для поддержания драматического интереса. Но индийский писатель пренебрегает подобными приемами. С самого начала пьесы и до конца ее читатель или зритель ясно видит все пружины тайной политики Чанакьи, последовательно убеждается все более и более в полной неспособности Ракшасы противостоять проискам своего могущественного врага; он готов даже усомниться в тех горячих похвалах, которые расточает уму и энергии Ракшасы сам враг его Чанакья. На всем протяжении пьесы

Ракшасе не представляется случая применить на деле свои способности государственного деятеля и политика. В этом — несомненная слабость пьесы в глазах европейской критики; Вишакхадатта не мог преодолеть здесь каноны классической санскритской драмы, — что, однако, едва ли следует ставить ему в упрек.

Вместе с тем надо заметить, что образ Ракшасы нарисован автором с несомненной симпатией. На всем протяжении действия читатель с сочувствием следит за судьбой неудачливого министра, павшего жертвой своей доверчивости к людям. Все более запутывается Ракшаса в паутине дьявольских козней врага; как неумолимый рок, нависает над ним катастрофа, и вот она разражается; все планы и надежды несчастного Ракшасы терпят страшное крушение. Несмотря на благополучную развязку, обусловленную милостью Чанакьи, драма, выдержанная в суровых и мрачных тонах, носит явные черты трагедии. Холодный и бессердечный Чанакья торжествует над благородным героем.

Но Чанакья отнюдь не является драматическим злодеем. Несмотря на сочувствие автора Ракшасе, в пьесе ясно ощущается, что справедливость — на стороне дела, которому служит Чанакья. Трагедия Ракшасы в сущности есть трагедия человека, ставшего на пути истории и потому обреченного на поражение.

Было бы, конечно, напрасно ожидать от драматурга VI в. ясного понимания закономерностей исторического развития. И Чанакья и Ракшаса действуют, движимые в первую очередь личными побуждениями и склонностями. Кажется, что не забота о благе государства и объединении страны, но лишь ненависть к оскорбителю Нанде руководили Чанакьей в его действиях. Но все же чувствуется, что за этими личными страстями кроется нечто большее. Вишакхадатта очень хорошо сознает, что объединение страны под властью Маурьев, создание сильного централизованного государства было прогрессивным явлением в истории Индии. Устами Чанакьи автор подчеркивает, что лишь под властью Чандрагупты могло укрепиться могущество государства, объединившего разрозненные области страны; династия Нанды не в состоянии была поддержать это могущество, потому она и погибла.

Наивными кажутся горькие жалобы Ракшасы на судьбу, его сетования на то, что ветренная богиня счастья предпочла низкороджденного плебея Чандрагупту «благородному» Нанде. Здесь любопытно отметить, что все сказания о Нанде, а также многие исторические источники указывают на происхождение Нанды из той же низшей касты шудр, из которой происходил и Чандрагупта. Судя по многим репликам Ракшасы в пьесе, Вишакхадатта изменил здесь исторической правде (возможно, он воспользовался другой исторической версией, о достоверности которой нам трудно судить). У него Нанда — представитель касты кшатриев; конфликт между ним и Чандрагуптой принимает, таким образом, характер межкастового столкновения, кончающегося победой плебея над аристократом.

Главное содержание пьесы составляют политические интриги государственных деятелей. Естественно, древнеиндийский писатель полагал, что лишь ими движется история. Нельзя, однако, сказать, что Вишакхадатта совершенно забывает о народе. И Чанакья и Ракшаса в своих действиях постоянно считаются с настроениями «горожан» и на этом строят свои расчеты. С самого начала пьесы выясняется, что жители Паталипутры не питают враждебных чувств к власти Чандрагупты (см. рассказ соглядатая в первом действии). Агенты Ракшасы не находят активной поддержки среди горожан, хотя сам Ракшаса, как неоднократно отмечается в пьесе, пользуется большой популярностью в народе за свое благородство и мужество.

Представителем простых людей в пьесе выступает Чанданадаса, верный друг Ракшасы. Но и он, несмотря на свою любовь к Ракшасе и отвращение к холодной жестокости Чанакьи, не выражает никакой ненависти к власти Чандрагупты. Все его поведение продиктовано лишь бескорыстной и самоотверженной преданностью другу. Образ Чанданадасы, человека из касты вайшьев, т. е. представителя среднего сословия ремесленников и торговцев, нарисован автором с большой теплотой и любовью, хотя в пьесе он играет лишь второстепенную роль.

Здесь проявляется еще одна сильная сторона таланта Вишакхадатты. Европейские критики единодушно отмечают, что, уступая своим великим предшественникам Калидасе и Шудраке в глубине

и силе поэтического чувства и в совершенстве поэтической формы, Вишакхадатта не имеет себе равных и индийской драматургии в искусстве создания ярких и живых драматических характеров.

В обрисовке образов главных действующих лиц пьесы Вишакхадатта прибегает к приему противопоставления. Хладнокровный и расчетливый Чанакья, истинный гений политической интриги, противопоставляется Ракшасе, смелому и энергичному, но чрезмерно пылкому и доверчивому герою. Оба эти образа очерчены с замечательным мастерством. Столь же яркое и живое впечатление оставляют образы враждующих царей: Чандрагупты и Малаякету, также выведенные по принципу противопоставления. Чандрагупта соединяет в себе юношескую энергию и отвагу с трезвым умом государственного деятеля. Он питает безграничное доверие (вполне оправданное) к своему наставнику, старому и опытному политику; послушно следует всем его указаниям, сохраняя при этом царственное достоинство, подобающее правителю огромной империи. В противоположность ему, Малаякету являет собой типичный образ восточного деспота, взбалмошного, подозрительного и жестокого. В то же время эти черты сочетаются у него и с рядом положительных качеств. Ему нельзя отказать в мужестве и в известном благородстве; подозрительность уживается в нем с детской доверчивостью, которая и приводит его к поражению. Его преданность памяти погибшего отца, возбуждающая в нем жажду мести Чанакье, производит в высшей степени живое и трогательное впечатление.

Мы уже говорили о мастерски обрисованном образе благородного и самоотверженного Чанданадасы, самого привлекательного лица в нашей драме. С большим искусством очерчивает Вишакхадатта и все прочие образы пьесы. Даже третьестепенные фигуры агентов Чанакьи и Ракшасы драматург умеет наделить характерными индивидуальными чертами, которые показывают за этими слепыми орудиями политической интриги — живых людей, имеющих собственные страсти, собственные интересы и наклонности.

Характерной особенностью пьесы Вишакхадатты является почти полное отсутствие в ней женских персонажей. Исключая эпизодические фигуры актрисы в прологе, привратниц во дворцах Чандрагупты

и Малаякету и, наконец, жены Чанданадасы, появляющейся на короткое время только в последнем акте, женщины в «Перстне Ракшасы» не действуют и не играют роли. Полное отсутствие любовной интриги усиливает суровый колорит произведения Вишакхадатты. Драма целиком посвящена политике; автор не допускает никаких сентиментальных мотивов. Мало заботится он и о религии; во всей санскритской литературе нет писателя, более равнодушного к вопросам религии и традиционной морали.

В связи с этим любопытно отметить еще одну характерную черту в творчестве Вишакхадатты. В отличие от античной трагедии рока, пьеса индийского драматурга лишена какого-либо элемента фатализма. В этом отношении Чанакья явно противопоставляется Ракшасе. Оба героя не лишены суеверия, верят в приметы и предзнаменования, что было естественно для людей той эпохи. Но если Ракшаса беспрестанно жалуется на судьбу и видит в ней главную причину своих неудач, Чанакья полагается только на собственные силы, на свой ум и свою энергию, и в этом проявляется его превосходство над Ракшасой. Да и сам Ракшаса, несмотря на все дурные приметы, продолжает борьбу и до конца надеется на победу. «Только непросвещенные верят в судьбу» — говорит драматург устами Чанакьи. Все это показывает в Вишакхадатте человека, сумевшего стать выше многих предрассудков своего века.

Чтобы закончить характеристику пьесы, нам остается сказать о ее языке и стиле. Согласно канонам классической драмы, в «Перстне Ракшасы» употребляется несколько языков, соответственно социальному положению действующих лиц. Лица высокообразованные и занимающие высокое положение в обществе говорят на санскрите. К ним относятся Чанакья, Ракшаса, оба царя, Бхагураяна, Шакатадаса, ученик Чанакьи и некоторые другие. Простолюдины и женщины говорят на пракритах. Из пракритов в пьесе употребляются шаурасени и махараштри, обычные для классической драмы, а также магадхи, на котором говорят: монах, агенты Чанакьи, переодетые чандалами, и некоторые другие. Любопытно, что агент Ракшасы Вирадхагупта, очевидно принадлежащий к одной из высших каст, говорит на пракрите, когда выступает под видом закліна-

теля змей, и переходит на санскрит, когда отпадает нужда в при творстве.

Во времена Вишакхадатты и санскрит и пракриты были уже мертвыми литературными языками, далекими от разговорного языка современного автору общества. Практически, некогда стилизованные литературные формы народных диалектов, в «Перстне Ракшасы» носят уже явно искусственный характер и основываются не на живой народной речи, а на мертвых правилах грамматик.

Вишакхадатта жил в ту эпоху, когда классическая санскритская литература, окончательно оторвавшись от народа, уже определенно начинала клониться к упадку. Язык и стиль авторов, близких по времени Вишакхадатте или ему современных, характеризуется искусственной изощренностью или чрезмерной тяжеловесностью. В своей пьесе Вишакхадатта отдает известную дань характерному стилю эпохи. Особенно это чувствуется во многих вычурных и сложных метафорах стихотворных сентенций, перемежающих речь Чанакьи и некоторых других действующих лиц. Чанакья временами начинает говорить тяжелым книжным языком, свойственным санскритским теоретическим трактатам о политике; примером может служить его длинейший монолог в начале первого действия. Но в целом язык и стиль Вишакхадатты отличаются простотой, редкой в санскритской литературе классической эпохи, и соответствуют динамическому и стремительному развитию действия в его пьесах.

Некоторые европейские исследователи (С. Леви, В. Рубен) видят в произведении Вишакхадатты иллюстрацию к санскритским трактатам по искусству политики. Они решительно отказываются видеть в «Перстне Ракшасы» какое-либо отражение индийской действительности того времени. Суждения их, однако, покоятся лишь на предвзятом мнении о безжизненном и искусственном характере всей индийской драматургии, и едва ли они справедливы. Пьеса Вишакхадатты производит слишком живое и яркое впечатление, чтобы можно было считать ее лишь художественной обработкой теоретических сочинений. Еще А. Б. Кейт, возражая Леви, отмечал, что изображение политической деятельности в пьесе носит типические

индийские черты и несомненно связано с реальной политикой древнеиндийских государств.¹³

В литературе об индийской драме уже давно высказано было мнение о глубокой связи пьесы Вишакхадатты с современной ему жизнью страны, о ее актуальности.¹⁴ В эпоху тяжелых испытаний для Индии, когда варварские орды угрожали независимости ослабевшей и раздробленной страны, Вишакхадатта обращается к эпохе, когда Индия обрела единство и могущество в борьбе с иноземными врагами. Выводя на сцене фигуры великих объединителей Индии — Чандрагупты и Чанакьи, драматург обращается к своим современникам с призывом воскресить славное прошлое, отстоять независимость родины. На это ясно указывает заключительная строфа «Перстня Ракшасы».

Патриотическая идея, лежащая в основе творчества Вишакхадатты, очевидно еще яснее выражена во второй его пьесе — «Царица и Чандрагупта» (*Devīcandragupta*), — к сожалению, дошедшей до нас только в отрывках. Это, так же как и «Перстень Ракшасы», историческая пьеса. На этот раз драматург выбирает более близкую ему эпоху; но характерно, что это опять — эпоха расцвета могущества индийского государства и объединения страны под одной властью. Речь идет о времени высшего расцвета империи Гупта, крушение которой, очевидно, произошло за сто лет до написания пьесы. Героем драмы является Чандрагупта II, царь династии Гупта, при котором империя достигла наибольшего могущества. В отличие от «Перстня Ракшасы», в этой драме Вишакхадатты политическая интрига переплетается с любовной.

Содержание драмы вкратце следующее:

Царь Рамагупта¹⁵ побежден скифами (*śaka*); скифский царь

¹³ См.: A. B. Keith. *The Sanskrit drama in its origin, development, theory and practice*. Oxford, 1924, стр. 204.

¹⁴ См. в частности статью: J. Charpentier. *Some remarks on the Hindu drama*. *The Journal of the R. A. S. of Great Britain and Ireland*, 1923, part 4, стр. 585—593; там эта мысль развита более подробно.

¹⁵ Любопытно отметить, что о царе Рамагупте из династии Гупта не сохранилось никаких исторических сведений; так же как и относительно Ракшасы, трудно решить, является ли это лицо историческим или вымышленным.

диктует ему условия позорного мира, по которому он должен отдать победителю свою жену Дхрувадеви. Рамагупта вынужден принять условия, побуждаемый к тому своими советниками.

Положение спасает царевич Чандрагупта, младший брат Рамагупты. Переодевшись в женское платье, он проникает во вражеский лагерь под видом Дхрувадеви со своими соратниками, переодетыми, как женская свита царицы. Он убивает скифского царя, спасая тем страну от вражеского нашествия и царицу — от бесчестия.

Восхищенная мужеством Чандрагупты Дхрувадеви влюбилась в него. Рамагупта, жестокий и трусливый деспот, ненавидит брата, завоевавшего своим подвигом популярность в народе и любовь царицы. Чтобы отвести подозрения, Чандрагупта в 6-м и 7-м актах пьесы притворяется сумасшедшим (любопытная сюжетная деталь, напоминающая европейскому читателю о «Гамлете» Шекспира). Драма кончается тем, что Чандрагупта убивает Рамагупту, сам становится царем и женится на Дхрувадеви.

По сохранившимся немногим отрывкам пьесы мы угадываем в ней те же характерные для Вишакхадатты черты: суровый и воинственный тон произведения, яркую драматичность действия, пренебрежение канонами утонченной аристократической драмы, а главное — ту же основную идею, что и в «Перстне Ракшасы»: идею могущества и независимости Индии, победоносной борьбы с иноземными завоевателями. В лице Чандрагупты II драматург рисует образ идеального государя, очевидно развивая идею, намеченную им в «Перстне Ракшасы» в образе Чандрагупты Маурья. Проблема идеального государя представлялась весьма важной и актуальной в ту эпоху, когда независимость Индии могла поддержать лишь сильная централизованная царская власть; неудивительно, что она занимает важное место в творчестве Вишакхадатты.

Вишакхадатте принадлежит также драма на сюжет из «Рамаяны», великого индийского эпоса. Но от нее сохранилось лишь одно четверостишие, судя по которому, одна из сцен драмы происходит, по-видимому, во дворце демона Раваны; ничего более мы о ней сказать не можем.

Произведения Вишакхадатты пользовались, очевидно, в свое

время значительной популярностью в Индии. Это относится главным образом к «Перстню Ракшасы»; большое количество рукописей пьесы, дошедших до нас, целый ряд комментариев, многие упоминания и цитаты в санскритской литературе, начиная с X в., говорят о том, что интерес к творчеству Вишакхадатты в Индии не угасал на всем протяжении индийского средневековья. Все же надо заметить, что должного признания этот самобытный и яркий писатель не получил в средневековой Индии. Брахманская критика, выше всего ценившая уточненное словотворчество по образцам канонических трактатов и признанных авторитетов, не простила Вишакхадатте его пренебрежения традиционными формами классической драматургии. В этом отношении Вишакхадатта разделил судьбу Шудраки, другого могучего таланта, смело порвавшего условные путы брахманской поэтики. В традиционной индийской критической литературе оба они не признаются крупными писателями и художественные достоинства их произведений замалчиваются.

Тем не менее художественное и историческое значение творчества Вишакхадатты несомненно. Живой интерес к его замечательной драме в современной Индии доказывается многочисленными переводами ее на новоиндийские языки. Еще в прошлом веке Бхаратенду Харишчандра перевел на хинди «Mudrārākṣasa» в тот период, когда своими переводами из классической драматургии он закладывал основы для создания самобытной драмы хинди. Уже в наше время Дж. Неру в своей книге «Открытие Индии» дал такую оценку пьесе:

«Около 400 г. н. э., в царствование Чандрагупты II, была написана... замечательная драма «Мудра-Ракшаса», т. е. перстень с печатью, Вишакхадатты. Это чисто политическая пьеса, без какого-либо любовного или мифологического сюжета... В некоторых отношениях эта пьеса удивительно актуальна и сейчас».¹⁶

В новое время пьеса Вишакхадатты получила известность и за пределами Индии. Западного читателя она особенно заинтересовала как произведение, из всей древнеиндийской драматургии наиболее отвечающее европейским представлениям о драме. После первого

¹⁶ Дж. Неру, ук. соч., стр. 164.

10 Мудраракшаса

перевода Уилсона, о котором упоминалось выше, «Mudrārākṣasa» неоднократно переводилась на английский язык, а также на многие другие европейские языки: французский, немецкий, итальянский, шведский, голландский и др.

Предлагаемый перевод является первым переводом драмы Вишакхадатты на русский язык. Переводчик ставил своей целью передать содержание оригинала с максимальной точностью, стараясь также сохранить по возможности стиль и манеру выражения санскритского автора; это относится и к переводу стихов. В основу перевода положено критическое издание К. Т. Теланга «Mudrārākṣasa by Viśākhaḍatta. Ed. by Kāś'īnāth Trimbak Telang. 6th ed. Revised by prof. V. S. Ghāte. Bombay, Pandurang Jawaji 1918» [в дальнейшем: Изд. Теланга]. Были использованы также издания К. Х. Дхрувы «Mudrārākṣasa or The signet ring. A Sanskrit drama in seven acts by Viśakhadatta. Critically ed. . . . by K. H. Dhruva. 2nd ed.: thoroughly revised and enlarged. Poona, Oriental book-supplying agency, 1923» [в дальнейшем: Изд. Дхрувы] и А. Гиллебрандта «Mudraraksasa by Viśakhadatta. Ed. from MSS. . . by prof. Alfred Hillebrandt. Breslau, Marcus, 1912». Наиболее значительные различия отмечены в комментариях.

В. Эрман.

КОММЕНТАРИИ

¹ Чандрагупта, основатель империи Маурья, объединившей Северную Индию, согласно большинству источников происходил из варны (касты) шудр, низшего сословия древнеиндийского общества. (Некоторые античные историки называют его сыном брадобрея). Отсюда его эпитет Вришала (*vr̥ṣala*), т. е. «шудра низкорожденный, низкий»; в пьесе его постоянно называет так брахман Чанакья. Буддийская традиция отрицает низкое происхождение Чандрагупты и называет род Маурьев кшатриями (одна из высших каст); например, в «*Māhāvamsaśīkṇā*» говорится о том, что мать Чандрагупты была царицей, изгнанной врагами из своего города. Едва ли, однако, можно положиться на эту версию. Очевидно, поздние буддисты, уже воспринявшие все сословные предрассудки современного им общества, приписывали Маурьям аристократическое происхождение для того, чтобы «облагородить» происхождение своего великого святого — Ашоки, императора этой династии.

Чандрагупта и Чанакья являются единственными бесспорно историческими лицами в пьесе. Неизвестно, являются ли историческими лицами также Малаякету, Ракшаса и другие персонажи пьесы.

² Горная Страна (*Parvatadeśa*) — по-видимому, страна в Гималаях, населенная неиндийскими, «варварскими» племенами (сам Малаякету в пьесе неоднократно именуется варваром — «*mleccha*»).

³ С благословения — «нанди» (*nāṇḍī*) — как правило начинаются все санскритские классические драмы. Первоначально нанди была лишь частью торжественной церемонии «пурваранга» (*pūrvagaṅga*), которой начинался спектакль в древнеиндийском театре. Очевидно, позднее эта продолжительная церемония сократилась, но нанди сохранилась как единственный ее элемент, отражавшийся в самом тексте драмы. Назначение нанди было — предохранить спектакль и зрителей от вмешательства враждебных демонических сил. (Согласно индийской мифологии демоны асуры были извечными врагами театрального искусства; они пытались сорвать уже первый спектакль, поставленный на небесах для богов, но были отражены и наказаны богом Индрой).

Согласно теоретическим трактатам, благословение должен читать «сутрадхара» (*sūtradhāra*) — руководитель и первый актер труппы, открывающий про-

лог пьесы. Но в текстах дошедших до нас пьес обычно указывается, что сутрадхара появляется на сцене уже по окончании нанди.

В некоторых рукописях «Mudrārākṣasa» вступительное благословение отсутствует.

⁴ Первая часть благословения в «Mudrārākṣasa» построена в форме диалога между богом Шивой и его женой Парвати, смысл которого был понятен зрителю (или читателю), хорошо знакомому с индийской мифологией. Содержание диалога связано с известным мифом о нисхождении на землю реки Ганги; по-индийски Ганга (Gaṅgā) — женского рода и олицетворяется в образе женщины.

В первой книге великой эпической поэмы «Рамаяна» Вальмики содержится легенда следующего содержания.

Сагара, могущественный царь Айодхьи, собирался совершить торжественное «жертвоприношение коня» (aśvamedha); но жертвенный конь был внезапно похищен воинственным богом Индрой. Это было очень дурной приметой. На поиски похищенного коня Сагара послал шестьдесят тысяч своих сыновей. Царевичи обыскали небо и землю; наконец они проникли в подземное царство и здесь нашли своего коня. Рядом с ним они увидели святого мудреца Капилу, погруженного в размышление. Разгневанные сыновья Сагары устремились на него, приняв его за похитителя, но Капила (в образе которого скрывался сам бог Вишну) мгновенно обратил их в пепел.

Не дождавшись возвращения сыновей, Сагара отправил на поиски своего внука Аншумана, сына старшего брата погибших царевичей и наследника царства. Аншуман разыскал в подземном царстве похищенного коня, но от дядей его остался только пепел. Когда Аншуман хотел совершить обряд возлияния над прахом умерших, ему было возвещено свыше, что обряд этот не может быть совершен земной водой. Только тогда, когда прах погибших сыновей Сагары оросит вода реки Ганги (а Ганга в то время протекала на небесах), души их вознесутся на небо.

Чтобы заставить реку Гангу снизойти с небес на землю и оросить прах царевичей, Аншуман в течение 32 000 лет совершал аскетические подвиги; затем 30 000 лет с той же целью совершал те же подвиги сын его Дилипа. Но только сыну Дилипы Бхагиратхе ценою великого подвижничества удалось умилистить Брахму и добиться исполнения желаемого...

Но тогда возникло новое препятствие. Ганга не могла обрушиться с высоты небес на землю непосредственно; земля не выдержала бы подобного водопада. Бхагиратхе пришлось еще умилистить бога Шиву и уговаривать его принять на свою голову низвергающуюся Гангу, чтобы она могла стечь на землю по его телу.

Далее в легенде рассказывается, как Ганга спустилась на землю по телу Шивы, как с высот Гималаев (обители Шивы) она спустилась на равнины, достигла подземного царства и оросила там пепел погибших шестидесяти тысяч сыновей Сагары. («Рамаяна» Вальмики, кн. 1, гл. 38—44).

Диалог в начале «благословения» к пьесе происходит в тот момент, когда Ганга спустилась на голову Шивы. Парвати, увидев незнакомую женщину (Ганга — женщина) на голове супруга, чувствует ревность; ей самой дозволено покоиться лишь на бедре великого бога, не выше. Она спрашивает Шиву, кто это у него на голове. Шива, стремясь уклониться от ревнивых вопросов, притворяется непонимающим и отвечает: «Серп луны», — серп луны (*śaṣikālā*) постоянно украшает голову Шивы. Парвати принимает слова «серп луны» за имя незнакомки и переспрашивает Шиву. Тот по-прежнему притворяется, что речь идет не о Ганге, а о безобидной луне. «Конечно, знаешь ты ее название (т. е. название луны)». Парвати уточняет свой вопрос: она спрашивает не о месяце (*indu* — Парвати намеренно употребляет обозначение мужского рода, чтобы подчеркнуть различие между луной и Гангой, о которой в действительности идет речь), а о женщине (т. е. о Ганге). Но Шива и здесь увертывается; слова Парвати «спрашиваю о женщине, а не о месяце» (дословный перевод) он воспринимает как «спрашиваю у женщины, а не у месяца»; здесь непереводаемая игра слов, т. к. в санскрите и в том и в другом случае «женщина» (*nāṭī*) и «месяц» (*indu*) стоят в одном падеже — винительном. «Спроси тогда Виджая, если не веришь Месяцу» (т. е. самому Шиве: — *Indu* — одно из имен Шивы), — отвечает он, притворяясь обиженным (Виджая — имя одной из подруг Парвати, обычно ее сопровождающей). Заслуживает внимания любопытный контраст между божественной природой собеседников и прозаическим, «обывательским» содержанием этой супружеской сцены. Ср. «Кумарасамбхава» Калидасы, где боги также наделяются земными, человеческими характерами и страстями; но у Вишакхадатты здесь особенно резко проявляется прозаическое, почти ироническое «снижение» возвышенных образов бога и богини.

«Река богов» — Ганга.

⁵ Вторая часть «благословения» изображает так называемый «тандава» (*tāṇḍava*) — танец великого бога Шивы, «Покорителя Трипуры». Трипура — мифический город демонов, разрушенный Шивой.

На первый взгляд «благословение» не имеет ничего общего с содержанием самой драмы. Однако комментатор Дхундираджа (XVIII в.) усматривает в хитрости Шивы намек на политическую хитрость Чанакьи, а в его затрудненном танце — намек на затруднения, связанные со сложностью задачи Чанакьи — захватить Ракшасу, не повредив ему, и заставить его служить Чандрагупте. (См. комментарий Дхундираджи в издании Теланга, указанном в предисловии).

⁶ Театральный руководитель «сутрадхара» (*sūtradhāra*) — главный актер, обучающий других актеров театральному искусству. Он не только начинает пьесу в прологе, но и играет в ней главные роли. Сутрадхара обычно — муж одной из актрис (*nāṭī*), помогающей ему начинать представление и смотрящей за хозяйством труппы.

⁷ Условный перевод. Заглавие пьесы «*Mudrārākṣasam*» трудно перевести буквально. Обычно оно рассматривается как сложное слово — «двандва»

(сложносочиненное) — и переводится: «Печать (т. е. перстень с печатью) и Ракшаса». Однако более верным представляется толкование К. Дхрувы, раскрывающего значение заглавия: *mudrayā saṁgr̥hīto Rākṣasaḥ*, т. е. «с помощью перстня с печатью захваченный (в плен) Ракшаса». (См.: К. Н. D h r u v a. Notes on *Mudrārākṣasa*. Poona, 1923, стр. 97).

⁸ В некоторых рукописях имя автора — Вишакхадева.

⁹ Бхаскарадаты — это чтение было принято А. Гиллебрандом и ему следуют все позднейшие издания пьесы. Во многих рукописях, однако, имя отца автора — Притху. Уилсон, первый европейский исследователь творчества Вишакхадатты, отождествлял этого Притху с адмиральским князем Притхураджем, правившим около XI в. н. э. (см. Н. Н. W i l s o n. *Select specimens of the theatre of the Hindus*, Vol. 2, Calcutta, 1827, стр. 128). На этом основании он относил творчество Вишакхадатты к XI или XII в. Датировка Уилсона долгое время оставалась общепризнанной; она была опровергнута в 1884 г. индийским ученым К. Т. Телангом, который в предисловии к своему изданию пьесы убедительно доказал, что «*Mudrārākṣasa*» не может относиться к столь позднему периоду.

¹⁰ Саманта (*sāmanta*) — вассальный царь, правитель области, уплачивающий дань верховному царю; термин может означать также один из высших офицерских чинов в средневековой индийской армии.

¹¹ «Обходит сцену» (*parikramya*) — постоянная ремарка в санскритских пьесах. Актер обходит сцену, идет кругом сцены, условно показывая, что действующее лицо проходит значительное расстояние от одного места действия к другому, иногда от одного конца города к другому и т. п.

¹² «Делает вид, что входит» (*nāṭyena praviṣya*). — В индийском классическом театре простота сценического убранства возмещалась сложной техникой актерской мимической игры, с помощью условного языка жестов выражавшей самые различные действия, реальное изображение которых на сцене было невозможно для древнего театра.

«Натьяшастра» (*Nāṭyacāstra*, гл. 8—9) подробно описывает искусство мимической игры (*āṅgikābhinaya*). Условным жестом пользовался актер, чтобы показать, что он входит в дом, поднимается по ступеням, всходит на колесницу и т. п. В тексте пьес подобные условные действия обозначались ремаркой: «делая вид, что входит» (*nāṭyena praviṣya*); «делая вид, что поднимается (по ступеням)» (*nāṭyena 'rūhya*) и т. п. Сам термин «*nāṭyena*» дословно означает «танцем» (т. е. изображает танцем) и указывает на происхождение индийской классической драмы от народной танцевальной пантомимы. В пьесе Вишакхадатты подобные ремарки встречаются неоднократно.

¹³ В подлиннике здесь — непереводаемая игра слов. Все хвалебные определения, которые относит театральный руководитель к своей жене, имеют в санскрите значения, приложимые также к государственному деятелю. В прологе, согласно теории и практике санскритской драмы, должны содержаться намеки

на основное содержание пьесы. В данном случае актер, обращаясь к актрисе, намекает на государственные способности Чанакья, главного действующего лица пьесы.

«Три цели» (trivarga) человеческой жизни в традиционной индийской этике: (материальная) польза, любовь и религия (artha, kāma, dharma). В приложении к государственному деятелю имеются в виду три цели политики: уменьшение, равновесие и возвышение мощи государства. (См. комментарий Дхунди раджи).

¹⁴ Приглашение брахманов в дом и угощение их относится к так называемой церемонии «шраддха» (śrāddha) в древнеиндийском религиозном ритуале. День затмения луны считался наиболее подходящим для исполнения этой церемонии.

¹⁵ Согласно древнему трактату «Gargasamhitā», наука о небесных светилах — астрономия — состоит из 24 главных разделов (aṅga) и 40 второстепенных (upāṅga), составляющих вместе 64 раздела.

¹⁶ В этой строфе также содержится неперевожимая игра слов, на которой построен искусственный переход от пролога к основному действию пьесы. Театральный руководитель объясняет актрисе явление лунного затмения соответственно представлениям древнеиндийской мифологии. Под «злым похитителем» он имеет в виду Раху (Rāhu), страшного демона в виде головы с хвостом дракона, называемым Кету (Ketu). Некогда этот демон хитростью проник в собрание богов и испил с ними «амриты» (amṛta — напиток бессмертия). Но он был тотчас разоблачен Солнцем и Месяцем; бог Вишну отрубил ему голову и поместил ее на небосвода среди звезд. Голова Раху, успевшая испить амриты, осталась бессмертной. С тех пор Раху постоянно стремится отомстить Солнцу и Месяцу, разоблачившим его, и время от времени проглатывает то одно, то другое из этих светил; тогда и происходят солнечные и лунные затмения.

«Чандра» на санскрите значит Месяц. Будха — название планеты Меркурий в индийской астрономии. Чанакья, услышавший слова театрального руководителя, введен в заблуждение созвучием названия Месяца и имени своего царя — Чандрагупта, сокращенно Чандра. Он понимает двусмысленным образом: злобный похититель (т. е. Ракшаса) вместе с Кету (т. е. Малаякету, его союзником) хочет силой захватить царя Чандрагупту. Чанакья, еще не выйдя на сцену, прерывает актера гневным восклицанием.

Будха (Budha) — название Меркурия — имеет также значение «мудрец, ученый» и может быть истолковано здесь как намек на самого Чанакью, союз с которым спасет Чандрагупту от нападения Ракшасы.

Такой переход от пролога к действию пьесы посредством игры слов, истолкованных в другом значении одним из действующих лиц, является одним из характерных приемов классической драмы и в теоретических трактатах обозначается специальным термином «udghāṭyaka» (См.: S. K o n o w. Das indische Drama. Berlin—Leipzig, 1920, стр. 26).

¹⁷ «Каутилья коварный. . .» (Kaṭīlyāḥ kuṭīlamatīḥ. . .). — Здесь — опять игра слов, основанная на созвучии родового имени Чанакьи — Каутилья (по имени одного из его предков: Кутила) — с санскритским словом «kaṭīlyā», что значит дословно: «изворотливость, хитрость, коварство».

¹⁸ Чанакья распустил прядь волос на своей голове после того, как был оскорблен Нандой, и поклялся, что не завяжет ее, пока не уничтожит Нанду и весь его род. Распущенная прядь на голове Чанакьи — символ его страшной клятвы. Поэтому в нижеследующей строфе он называет ее коброй, роковой для рода Нанды, дымом «от пламени гнева».

¹⁹ В некоторых рукописях это четверостишие в начале первого действия отсутствует и встречается лишь далее, в диалоге Чанакьи и Чанданадасы в конце первого действия. А. Гиллебранд и К. Дхрува опускают его в этом месте в своих изданиях пьесы.

Чанакья сравнивает себя со львом, а Чандрагупту — с клыком в львиной пасти. Захватить Чандрагупту, когда Чанакья состоит его министром и наставником, так же трудно, как вырвать клык у льва.

²⁰ Меч (śastra) — символ должности министра.

²¹ «Плод любви и ненависти» (phalaṁ korapṛityor. . .), как комментирует Дхундираджа, — «милость [выпавшая на долю Чандрагупты] и наказание [доставшееся Нанде]» (nigrahānugraha).

²² «Мантрин» (mantrin) в древней Индии — министр, царский советник. Брихаспати — ведическое божество молитвы. В послеведической индийской мифологии Брихаспати — мудрый наставник богов, божество планеты Юпитер.

²³ Выраженная в этом четверостишии мысль подробно развита в «Артхашастре» Каутилья; она встречается также в первой книге популярнейшего древнеиндийского сборника сказок и басен «Панчатантра» (см.: W. R u b e n. Der Sinn des Dramas «Das Siegel und Rākshasa» (Mudrārākshasa). Berlin, 1956, стр. 17).

²⁴ Ядовитая девушка (viṣakanyā) в древнеиндийских сказаниях — красивая женщина, организм которой напоен ядом; сношения с ней приносят смерть. См. «Катхасаритсагара» Сомадевы и другие индийские источники. В средневековом сборнике легенд из античной истории «Gesta Romanorum» (Франция, XIV—XV вв.) рассказывается об индийской царице, подославшей «ядовитую девушку» к Александру Македонскому. Коварная уловка была разоблачена Аристотелем. (См.: K. H. D h r u w a. Notes. . . , стр. 104).

Очевидно, Вишакхадатта разделял со своими современниками веру в реальное существование «ядовитых» женщин. Сходный мотив встречается в фольклоре многих других народов (см.: W. R u b e n, ук. соч., стр. 18).

²⁵ В переводе этой фразы мы придерживались чтения Дхрувы: «притворное недовольство» (kṛtakṛtya) (см. указанное издание Дхрувы, стр. 5, и обоснование этого чтения: Notes. . . , стр. 104—105). Во всех рукописях пьесы стоит, однако, «удовлетворенный» (kṛtakṛtya), и тогда это предложение можно пере-

вести: «Я полностью удовлетворил Бхадрабхату и других вельмож, связанных в своем возвышении с Чандрагуптой, воспользовавшись для этого тем или иным поводом».

²⁶ В некоторых рукописях имя друга Чанаки — Вишнушарман.

²⁷ Имеются в виду не дошедшие до нас сочинения Ушанаса (Шукры), одного из высших авторитетов в области политической науки в эпоху до Маурьев. Каутилья в «Артхашастре» неоднократно ссылается на Ушанаса, очевидно, крупнейшего из его предшественников в этой области.

²⁸ «Нищенствующий монах» (kṣaraṇaka) — вероятно, имеется в виду джайнский монах, хотя некоторые переводят «буддийский монах» (Walimbé. Mudrārākshasa. Poona, 1946).

²⁹ Яма — бог смерти, властитель царства мертвых в индийской мифологии. Теланг полагает, что ушараṭa в тексте означает нечто вроде ящичков со священными картинками, изображающими деяния Ямы, подобными тем, какие демонстрируют в индийских деревнях и в наше время (см.: Изд. Теланга, Notes, стр. 326).

³⁰ Здесь опять игра слов, основанная на созвучии имени царя — Чандра — и санскритского слова «candra», означающего «месяц, луна». Та же игра слов — в нижеследующем двустиии соглядатая, смысл которого разгадывает Чанаки.

³¹ От слов соглядатая «некий нищенствующий монах» мы приняли чтение Гиллебрандта. Теланг в своем издании следует рукописям, где реплика соглядатая заканчивается словами «нищенствующий монах Дживасиддхи», а вопрос Чанаки: «Как его имя?» — опущен. Однако сам Теланг в примечаниях указывает, что чтение Гиллебрандта предпочтительней (стр. 327).

³² Каста писцов (kāyastha) до нового времени сохранилась в Индии, составляя особенно значительный процент населения в восточных областях страны. По-видимому, в древней Индии писцы занимали сравнительно низкое положение в обществе (см.: Изд. Теланга, стр. 327).

³³ Руки, сложенные в ладони (раскрытые) (añjali) — традиционный индийский жест приветствия, благословения и т. п.

³⁴ Чанаки перечисляет главных союзников Малаикету, составляющих враждебную Чандрагупте коалицию. Читраварман — царь Кулуты, современного Кулу, расположенного на правом берегу Сетледжа в юго-восточном Кашмире. Царство Кулута, достигшее высшего могущества в эпоху Вишакхадатты, часто упоминается в индийской литературе того времени. Упоминает о нем в своей книге и китайский путешественник Сюань Цзань, побывавший в Индии в VII в. н. э. Малайя, царство Синханады, очевидно, горная страна в Гималаях. Дхрува помещает его на территории современного Непала (см.: К. Н. Dhruva Notes. . . , стр. 110), Рубен — в Пенджабе (см.: W. Ruben, ук. соч., стр. 24). Но Теланг считает, что Малайя была расположена в южной Индии (см. Introduction к указанному изданию Теланга, стр. 32). Рубен указывает, что в Синдхе и в Персии во времена Чандрагупты правили греческие цари Сибиртиос и Диа-

дох Селевк. Вишакхадатта наделяет царей этих стран индийскими именами, следуя, возможно, индийской традиции. Мегхакхья или Мегхакша (как стоит в различных рукописях) явно не может быть ни греческим, ни иранским именем (см.: W. R u b e n, ук. соч., стр. 24), Кашмир сохранил свое название до наших дней.

Читрагупта в индийской мифологии — помощник бога смерти Ямы, учитывающий добрые и злые дела человека и следящий, чтобы никто не преступил положенный ему срок жизни. «Пусть Читрагупта сотрет имена царей» — означает: «Пусть эти цари погибнут».

Чанакья хочет вписать имена верных союзников Ракшасы в подложное письмо, но отказывается от этого намерения, вспомнив, что письмо будет переписывать Шакатадаса, который не должен ни о чем догадаться (см. ниже).

³⁵ С того момента, как Чанакья отослал ученика с письмом, и до появления Сиддхартхаки, исполнившего поручение, должно было пройти немало времени; но в пьесе Сиддхартхака появляется сразу же после ухода ученика. Это — одна из условностей индийского классического театра, которая постоянно встречается и в пьесе Вишакхадатты и в других санскритских драмах.

³⁶ Во всех дошедших до нас рукописях пьесы за этими словами Чанакьи следует сразу реплика Сиддхартхаки: «Господин, вот запечатанное письмо. . .» и т. д. Текст от слов «Шарнгарава! Шарнгарава!» и до слов «У ч е н и к. Слушаю. (*Уходит*)» (непосредственно перед вышеупомянутой репликой Сиддхартхаки) включительно вставлен между следующими далее репликами: «С и д д х а р т х а к а. Как прикажет господин» и «Ч а н а к ъ я (*изображает задумчивость. Про себя*). Так будет ли уловлен. . .» и т. д. Таким образом Чанакья сначала дает поручение Сиддхартхаке и только потом распоряжается казнить Шакатадасу. При этом явно нарушается логический ход мысли и затемняется понимание интриги. Поэтому нам представляется убедительным мнение К. Х. Дхрувы, считающего, что здесь имеет место перестановка отдельных частей текста, допущенная одним из ранних переписчиков пьесы. Впоследствии, очевидно, все другие переписчики механически повторяли эту ошибку. (См.: К. Н. D h r u v a. Notes. . ., стр. 112).

³⁷ В ряде рукописей здесь — иное чтение, при котором фраза переводится: «Передай палачам Калапашике и Дандапашике . . .» или «Передай палачу и полицейскому. . .». Калапашика (kālarāṣika) и Дандапашика (daṇḍarāṣika) могут означать и собственные имена и нарицательные. Мы следуем здесь при переводе чтению Гиллебрандта, которое принимает и Дхрува; Дхрува же переводит kālarāṣika как собственное имя, daṇḍarāṣika — как «head of the metropolitan police» (см.: Изд. Дхрувы, стр. 12).

³⁸ «Изображает задумчивость» (Cintam nāṭayati) — ремарка, указывающая на условную мимику актера. См. выше примечание ¹².

³⁹ Очевидно, царский советник намекает на близость Чанданадасы с Ракшасой, занимающим столь же высокий пост, как и Чанакья.

⁴⁰ Традиция приписывала царю Нанде чрезмерную жадность к богатству, (см.: Max Müller. History of Ancient Sanskrit Literature. London, 1860, стр. 289—296).

⁴¹ Химаван — «снежная гора» — горная вершина в Гималаях.

⁴² Вакранаса — очевидно, имя одного из министров династии Нанда. Неизвестно, является ли Вакранаса исторической личностью. Это же имя носит мудрый советник совиного царя в легенде о войне сов и ворон в 3-й книге «Панчатантры».

⁴³ Повторение стихотворных строк — обычный прием в санскритской драматургии. Но эта строфа в изданиях Гиллебрандта и Дхрувы приводится только один раз — именно в этом месте — и отсутствует в начале акта. См. примечание 19.

⁴⁴ Царь Шиби — герой многих древних легенд, прославляющих его милосердие, щедрость и самоотверженность. В «Махабхарате» в нескольких местах приводятся варианты сказания, повествующего о том, как Шиби, желая спасти голубя от ястреба, но не решаясь повредить и хищнику, отрезал куски мяса от собственного тела и кормил ими голодного ястреба (Mahābhārata. Vana parva, гл. 197 и др.). В буддийском каноне содержится легенда о Шиби, вырвавшем свои глаза и отдавшем их нищему (Cariyāpiṭaka I, 8. См.: M. Winternitz. Geschichte der indischen Litteratur, Bd. I. Leipzig, 1908, стр. 353). В древнеиндийской литературе имя Шиби служит символом самопожертвования.

⁴⁵ Излюбленный образ в санскритской поэзии. Имеется в виду мускусная жидкость, выделяемая особыми железами за ушами слона. Цвет и запах этой жидкости очень часто упоминаются в поэтических образах и сравнениях в древнеиндийской литературе.

⁴⁶ В некоторых рукописях в конце каждого акта дается его название: «Так в пьесе „Мудраракшаса“ [гласит] первое действие, под названием „Обретение перстня“ (Mudrālabhaṇa)». Обычай давать названия отдельным актам соблюдается далеко не во всех санскритских пьесах.

⁴⁷ В подлиннике пракритское двустипение, точный перевод которого невозможен. Составляющие его слова имеют в пракрите различные значения, позволяющие понимать смысл строфы двояко. Tantajutti (санскр. tantrayukti) значит «применение целебных трав (от змеиного укуса)» и одновременно «искусство политического управления, администрации». Maṇḍala — магический круг, который чертит заклинатель на земле и в котором помещает змею во время представления; в политической терминологии это же слово означает территорию, занимаемую союзными, нейтральными и враждебными странами в сфере внешней политики государства. Manta (санскр. mantra) — значит и «заклинания, чары» и «политические замыслы, планы». Двойное значение строфы истолковано в комментарии Дхундираджи. Такие строфы с двойным смыслом — излюбленный прием в индийской классической поэзии (мы уже встретились с ним в прологе нашей пьесы — см. примечание

ние¹³). В санскритской поэтике этот прием носит название «шлеша» (śleṣa). Особенно любят употреблять его поэты позднего периода, изощрявшиеся в различных формалистических трюках. В поздней санскритской литературе имеются целые поэмы, построенные на двойном значении слов и излагающие одновременно два различных сюжета (например, поэма «Rāghava—rāṇḍavīya» Дхананджайи, содержащая одновременно сюжеты «Рамаяны» и «Махабхараты», и др.). Однако Вишакхадатта в данном случае применяет шлеша не ради одной только искусственной игры словами. Переодетый согладатай Ракшасы произносит эту строфу одновременно для непосвященных, принимающих его за заклинателя змей, и для своего сообщника, который может услышать его и который поймет условный язык.

⁴⁸ Специальный условный прием, широко применявшийся в индийском классическом театре. Актер говорит «в пространство» (ākāṣe), обращаясь к невидимому персонажу; он говорит и за себя и за своего собеседника, повторяя его предполагаемые реплики под предлогом переспрашивания: «Что ты говоришь?» (kim bhaṇāsi), — и далее следует речь собеседника. Таким образом, индийский театр избегал необходимости выводить на сцену многих актеров, исполняющих трехстепенные и эпизодические роли. В частности, санскритский фарс (bhāṇa) и некоторые другие виды пьес предполагают для исполнения их на сцене только одного актера, играющего и за себя и за всех других персонажей (см., например, «Padma-prabhāṭaka» — одноактную пьесу Шудраки). Очевидно, обычай этот перешел в классический театр с народной сцены, где немногочисленная актерская труппа вынуждена была прибегать к этому приему из-за недостатка актеров. Разумеется, статистов индийский классический театр не знал; массовые сцены предоставлялись воображению зрителя. Мы видим, что в индийском театре зритель должен был обладать богатой фантазией. (Ср. также примечание¹²).

⁴⁹ «Джирнавиша» означает «потерявший яд от старости» — подходящая кличка для заклинателя змей.

⁵⁰ Вирадхагупта, агент Ракшасы, переодетый заклинателем, — образованный человек, происходящий из высокой касты. Он говорит на пракрите, пока играет роль простолюдина на людях, и переходит на санскрит, когда нет необходимости притворяться, — в частности, когда остается наедине с Ракшасой в последующих сценах.

⁵¹ Богиня Власть (Śrī), носящая имена Шри, Лакшми, Падма, — в индийской мифологии супруга Вишну, богиня счастья, удачи, славы, власти, богатства и красоты. Она родилась из морской пены во время великого пахтанья океана богами и демонами (см. «Рамаяну» Вальмики, кн. 1, гл. 45). В некоторых легендах рассказывается, что она всплыла из воды на раскрытых лепестках лотоса; отсюда ее эпитет: «обитающая в лотосе» (kamalālaya) (см. ниже реплику Ракшасы).

⁵² Вришни, — древний род, ведущий свое начало от мифического царя Яду; называется также Ядавы или Мадхавы. Из этого рода произошел великий герой

древних сказаний Кришна, воплощение бога Вишну. В 11-й книге «Махабхараты» рассказывается, как царица Гандхари после великой битвы прокляла Кришну, допустившего взаимное истребление Кауравов и Пандавов, и предсказала гибель его рода. Род Ядавов во время великой войны раскололся на два лагеря, примкнувшие к двум враждебным сторонам. В 16-й книге эпоса повествуется о гибели Ядавов, истребивших друг друга в этой междоусобице. Кришна, последний представитель своего рода, был убит в лесу стрелой охотника. О гибели рода Вришни-Ядавов рассказывается также в 11-й книге «Бхагавата-Пураны».

⁵³ См. примечание ⁵¹.

⁵⁴ См. примечание ⁵¹.

⁵⁵ См. примечание ⁴⁵.

⁵⁶ Дворецкий (кайсукин) — традиционная роль в классической драме; смотритель женских покоев в царском дворце, царский камердинер и главный начальник дворцовых слуг. Как правило это — старый почтенный брахман, одряхлевший, но опытный в дворцовой службе. Теория санскритской драмы причисляет его к группе персонажей «среднего рода» (pariṣṣaka — «бесполье»), в отличие от мужских и женских ролей. К этой группе относятся роли стариков и евнухов (Nāṭyaśāstra, гл. 24, шл. 50).

⁵⁷ Суганга (Sugaṅga) — царский дворец в Паталипутре на берегу Ганги. Название его, очевидно, указывает, что из окон дворца открывался красивый вид на эту реку.

⁵⁸ В одной из рукописей здесь следует реплика дворецкого: «Я выполнил данное мне поручение и удаляюсь» (см.: Изд. Теланга, стр. 118, подстр. примеч.).

⁵⁹ Дурная примета в верованиях древних индийцев.

⁶⁰ Зрелище змей также считалось дурным предзнаменованием. Ракшаса не хочет начинать с него свой день.

⁶¹ Под соком цветка подразумеваются сведения, собранные соглядатаем в Паталипутре. Здесь — опять игра слов, так как слово «rasa» означает «сок», но может означать и «толки, разговоры» (имеются в виду толки среди жителей Паталипутры; см.: К. Н. D h r u v a. Notes. . . , стр. 120).

⁶² Кусумапура — другое название Паталипутры — означает «Город цветов». Отсюда игра слов в предыдущем двустишии.

⁶³ Вирадхагупта рисует аллегорический образ Шри, богини счастья и власти, готовой отдать свою благосклонность Чандрагупте; но энергия Ракшасы грозит разлучить богиню счастья с её любимцем, поэтому она не решается обнять Чандрагупту крепче.

⁶⁴ Ракшаса хочет назвать имя своего агента, но вспоминает во-время о присутствии слуги, которого не следует посвящать в тайны политической интриги. Оборвав себя на полуслове, Ракшаса старается загладить свой промах, заменяя имя Вирадха (Viradha) созвучным словом «viruḍha» («выросла») и наспех сочиняя маскирующую фразу: «Ну и выросла же у тебя борода!».

⁶⁵ Скифы (śaka) в войске Чандрагупты и Парватешвары — явный анахронизм, отмеченный современными исследователями пьесы. Скифы появились в Индии только в I в. до н. э. Yavana — очевидно, бактрийские греки или остатки войск Александра (см.: W. R u b e n, ук. соч., стр. 44). Впрочем, yavana в санскрите может означать «варвар» вообще. Теланг полагает, что здесь имеются в виду племена, населявшие территорию современного Афганистана (см.: Изд. Теланга, стр. 29). Кираты (kirāta) — горные племена Гималаев, занимавшие области современного Непала и Кумаона (см. историю поединка Арджуны, героя индийского эпоса, с горцем Киратой в третьей книге «Махабхараты»). Камбоджийцы обитали в горах Гиндукуша, на севере Пенджаба (см.: W. R u b e n, ук. соч., стр. 44).

⁶⁶ Правирака — очевидно, имя одного из военачальников Нанды, принимавших участие в обороне Паталипутры.

⁶⁷ Ракшаса приводит в сравнение известный эпизод из седьмой книги «Махабхараты». Карна, царь ангов, был великим воином, одним из главных поборников дела Кауравов. Он получил в дар от бога Индры волшебное копьё «шакти», без промаха поражавшее врага. Но использовать в битве это копьё можно было только один раз. Во время великой битвы между Кауравами и Пандавами на Курукшетре Карна приберегал свое смертельное оружие, чтобы поразить им своего заклятого врага Арджуну, героя из рода Пандавов. Но вместо Арджуны он убил в бою своим копьём великана Гхатоткачу, сына лесной людоедки («ракшасы») Хидимбы, сражавшегося на стороне Пандавов. Через несколько дней сам Карна погиб в битве от руки Арджуны (об этом рассказывается уже в восьмой книге эпоса).

⁶⁸ Об искусстве распознавать наличие отравы в напитке по изменению его цвета в металлическом сосуде говорится в древнеиндийских политических трактатах «Nītisāga» Камандаки (7.24) и «Артхашастре» Каутильи (18.21).

⁶⁹ В истории счастливого избавления Чандрагупты от различных грозивших ему опасностей благодаря предусмотрительности и проницательности мудрого советника В. Рубен усматривает влияние на пьесу определенных фольклорных мотивов (см.: W. R u b e n, ук. соч., стр. 48).

⁷⁰ Эта строфа цитируется в трактате «Daśagūṇa» Дхананджайи (X в.) как принадлежащая знаменитому лирическому поэту Бхартрихари. Является ли она поздней вставкой, либо заимствованием, или Бхартрихари сам заимствовал ее у Вишакхадатты (по-видимому, он жил несколько позднее последнего — в середине VII в.) — решить трудно.

⁷¹ Шеша в индийской мифологии — гигантский тысячеголовый змей, поддерживающий на себе весь мир, олицетворение вечности.

⁷² Это четверостишие встречается в некоторых рукописях «Nīṭīcātaka» Бхартрихари (см.: Изд. Теланга, стр. 334). В некоторых рукописях нашей пьесы оно отсутствует.

⁷³ В некоторых рукописях вся эта реплика Вирадхагупты отсутствует.

⁷⁴ Имеется в виду гирлянда, которую надевали на шею осужденным на смертную казнь (*baddhasraja* или *badhyasraja*). См «*Mṛcchakaṭikā*» Шудраки, действие 10-е.

⁷⁵ Турья (*tūrya*) — музыкальный инструмент. Звуки турий возвещали казнь преступника (*āghātātūrya*).

⁷⁶ В некоторых рукописях здесь приводится заглавие действия: «Замыслы Ракшасы» (*Rākṣasavicāra*).

⁷⁷ «Праздник ночного лотоса» (*Kaumudimahotsava*), который справлялся в день полнолуния в месяц Карттика (*Kārttika*), соответствующий приблизительно октябрю—ноябрю. Праздник отмечался ночным гуляньем при луне и различными увеселениями. Кроме того, существовал еще праздник полнолуния в месяце Ашвина (*Āṣvina*) (сентябрь—октябрь), в сезон дождей. Именно к месяцу Ашвина относит время действия третьего акта комментариев Дхундираджи. Более вероятно, однако, что действие происходит в месяц Карттика.

⁷⁸ Чамара (*cāmara*) или чаури — султан белого цвета из хвоста яка (*Bos grunniens*), один из знаков царского достоинства. Чамарами украшались также головы коней и слонов.

⁷⁹ «Десять стран небес» (*daśadiśaḥ*) — условность. Древние индийцы обычно разделяли горизонт на восемь сторон (*diś*).

⁸⁰ «Гордый» и злобный характер павлина часто упоминается в санскритской поэзии. Осень, — по представлениям жителей Индии, прекраснейшее время года — умиротворяет даже эту сварливую птицу.

⁸¹ «Господин вод» (*sindhupati*) — океан. Множество рек, в него впадающих, сравнивается здесь с многочисленными любовницами и наложницами владыки гарема, река Ганга — с его главной супругой. Воды Ганги в сезон дождей становятся мутными, как душа жены, страдающей от ревности; осень очищает их, как искусная посланница утешает и примиряет с мужем разгневанную его изменами жену.

⁸² «...советникам скверным» (*kusaciva*) — Теланг указывает, что это определение противоречит похвалам, которые Чанакья ранее расточал по адресу Ракшасы, а также и других советников Нанды (см. в 1-м действии диалог Чанакьи и Чанданадасы, где Чанакья с похвалой отзываясь о Вакранасе и других «благородных и смелых людях», служивших Нанде). Поэтому Дхрува считает чтение «*kusaciva*» ошибочным и предлагает читать вместо «*kusacivadṛṣṭa*...» — «*śacivavimṛṣṭa*». Тогда соответственно можно перевести просто: «Нанда, поручивший правление министрам...» (см.: К. Н. D h r u v a. Notes..., стр. 130).

⁸³ См., в частности, «Законы Ману» (*Manusmṛti*, гл. 4 шл. 6), где служба называется «собачьей жизнью» (*śvaṇṛtti*), а также «Махабхарату» (кн. XII, гл. 119, шл. 1) и «Панчатантру», где в начале 1-й книги шакал сравнивает слугу, работающего ради куска хлеба, с собакой. Древний санскритский словарь «*Amarakoṣa*» Амарасимхи дает слово «*śvaṇṛtti*» («собачья жизнь») как синоним слова «*sevā*»

(«служба») (см.: К. Н. D h r u v a. Notes. . . , стр. 130; см. также: W. R u b e n, ук. соч., стр. 63).

⁸⁴ Сухой коровий навоз (gomaya) с глубокой древности служил основным видом топлива в безлесных районах Индии. Куша (kuṣa, barhis) — трава с длинными и острыми стеблями (Poa cynosuroides), специально употреблявшаяся при религиозных обрядах и почитавшаяся священной. Сухой навоз, трава куша и дрова (samidh), предназначенные для жертвенного костра, указывают на религиозный сан хозяина хижины. Всем этим должны были снабжать ученого брахмана «шротрия» (ṣrotriya) его ученики.

⁸⁵ «Низкорожденный» (vṛṣala), эпитет Чандрагупты, созвучен со словом «бык» (vṛṣa). Бык здесь — символ могущества и величия; выражение «бык меж царей» (vṛṣa gājñām) означает собственно: «лучший из царей». В этом значении слово «vṛṣa» часто употребляется в санскритской литературе, особенно часто в применении к царям, героям эпоса («Махабхарата») и т. п.

⁸⁶ «Небесная река», «река богов» (suraṇādī) — Ганга, берущая начало в Гималаях (по представлениям древних индийцев — на небесах). См. прим.⁴.

⁸⁷ В обязанности придворного певца (vaidika) входило сочинение и исполнение панегириков, восхваляющих царя, а также объявление часа дня. Как указывает Дхрува, эти певцы не получали постоянного жалования, но жили щедротами своего покровителя — монарха (К. Н. D h r u v a. Notes. . . , стр. 131). В санскритских драмах «вайталики», как правило, выступают парами (см.: Изд. Теланга, стр. 342).

⁸⁸ Каша (kāṣa; Saccharum spontaneum) — высокая трава, цветок которой покрыт ярко-белыми волосками; поля, поросшие травой каша, принимают белый цвет. Эта трава употребляется в Индии для плетения циновок, тростниковых крыш и т. п.

⁸⁹ Вся строфа построена на сравнении осени с богом Шивой посредством игры слов. По представлениям индийской мифологии, тело Шивы — божественного подвижника — покрыто пеплом. Облака, плывущие осенью по небу, сравниваются здесь с белым пеплом, покрывающим тело Шивы. Постоянный атрибут Шивы — шкура, содранная им с побежденного демонического слона (gaṇāsura) Нилы; лучи луны, сияющей на голове Шивы (см. прим.⁴), пронзают темную шкуру слона, как темные тучи на ночном небе. Ожерелье из человеческих черепов — другой постоянный атрибут Шивы — сверкает, как луна. Белый цвет в индийской поэзии выражает радость, смех, улыбку (очевидно, в связи с белизной зубов, обнажаемых в улыбке). Смех Шивы бел, как лебеди (gājahansa — «царский лебедь», птица с белым опереньем, красными ногами и клювом; вид фламинго), стаи которых осенью в обилии встречаются в Северной Индии. В индийской поэзии осень часто характеризуется белым цветом. См. поэму Калидасы «Времена года» (Ritusamhāra), песнь 3-я, строфа 2-я, где осень также характеризуется белизной цветов каша, лебедей, облаков и т. д.

⁹⁰ Эта строфа посвящена Вишну (Хари), богу-«хранителю», который вместе с Шивой — «разрушителем» и Брахмой — «создателем» входит в так называемую Tri-mūrti — главенствующую троицу индийского пантеона. В эпоху Вишакхадатты уже совершилось разделение последователей индуистской религии на две основные общины: шиваитов и вишнуитов. Вишакхадатта, по-видимому, был шиваитом; строфа, посвященная Вишну, следующая непосредственно за строфой, посвященной восхвалению Шивы, показывает известную религиозную терпимость. Рубен отмечает подчеркнутую прозаичность, обыденность в описании бога Вишну в этой строфе и усматривает здесь ироническое отношение к нему со стороны, драматурга-шиваита (W. R u b e n, ук. соч., стр. 68). Однако столь же прозаически рисуется образ Шивы во вступлении к драме (см. выше, прим. 4); с другой стороны, заключительная строфа пьесы упоминает о Вишну в самых почтительных выражениях. Религиозный фанатизм и враждебность к иповерцам вообще чужды были индийцам в ту эпоху.

Согласно индийской мифологии, Вишну спит в течение сезона дождей и просыпается с наступлением осени. Поэт описывает его пробуждение. Вишну покоится на космическом тысячеглавом змее Шеше, олицетворяющем вечность (см. прим.⁷¹). «Горящие камни» — ослепительно сверкающие бриллианты, украшающие клобуки змея Шеши.

⁹¹ Второй певец, очевидно, и есть Станакалаша, агент Ракшасы, о котором последний упоминает в конце второго действия.

⁹² Эта фраза отсутствует в некоторых рукописях.

⁹³ Четыре океана — общее место в древнеиндийской поэзии.

⁹⁴ Тими (timi) — фантастическая океанская рыба гигантских размеров.

⁹⁵ Тамала (tamāla) — дерево с темной корой и листвою и белыми цветами (Xanthochymus pictorius).

⁹⁶ В ряде рукописей эта реплика звучит: «Смотри, Низкорожденный» следующая реплика Чандрагупты отсутствует, а затем список бежавших сановников читает про себя сам царь, а не Чанакья. Прочитав список царь произносит вслух: «Господин, я прочел список. Но я хотел бы знать причины недовольства. . .» и т. д., как в нашем переводе. Мы принимаем здесь чтение Гиллебрандта.

⁹⁷ Командующий отрядами, действующими на боевых слонах (gajādhyaṁsa).

⁹⁸ Придворный, в обязанности которого входил присмотр за юным царевичем и его воспитание (kumārāsevaka).

⁹⁹ Кшатрии (kṣatriya) — сословие воинской аристократии в древнеиндийском обществе. В эпоху Маурьев они уже утратили свое исключительное положение правящего сословия страны, но, очевидно, сохранили значение, как воинская каста, из которой формировалось ядро постоянной армии (см.: Kāmandakīyaṇitisāraṁ, гл. 4, шл. 6, на которую ссылается в примечаниях к своему изданию пьесы К. Дхрува).

¹⁰⁰ Осень, следующая за сезоном дождей, когда просыхают дороги и разлившиеся реки возвращаются в свои берега, считалась в Древней Индии наиболее

благоприятным временем для начала военных действий (см. «Рагхуванша» Калидасы, песнь 4-я, шл. 24).

¹⁰¹ В некоторых рукописях и в издании Теланга эта реплика царя отсутствует, так же как и последующая реплика Чанаки. Фраза «Оставаясь здесь...» и т. д. перенесена в окончание предшествующей речи Чанаки.

¹⁰² После этой фразы в ряде рукописей вставлена реплика царя: «Как же иначе? Все это совершил советник Ракшаса».

¹⁰³ В подлиннике: «99 000 000 000 монет» (*navanavatiṣatadravyakoṭi*). Дхрува указывает, что Нанды, согласно преданиям, владели не девяносто девятью миллиардами монет, но более «скромной» казной в девятьсот девяносто миллионов монет (см.: *Kathāsaritsāgara*, IV, 15).

¹⁰⁴ Эта строфа имеется в большинстве рукописей и изданий пьесы; однако Дхрува считает, что ею нарушается логическая связь между речами Чанаки и царя, и опускает ее в своем издании.

¹⁰⁵ Рудра (*Rudra*) — одно из имен Шивы, под которым он главным образом известен в древнейшей ведической литературе. Шива-Рудра в индийской мифологии — божество гнева, ярости, разрушения. Танец Рудры — *тандава* (см. прим. 5).

¹⁰⁶ В некоторых рукописях здесь приводится заглавие третьего действия: «Притворная ссора» (*Kṛtakakalaha*).

¹⁰⁷ Иоджана (*yojana*) — буквально «ярмо», «упряжь» — расстояние, которое можно покрыть одним духом, не распрягая. Мера расстояния в древней Индии, обычно определяемая в 4 «кроша» (*ṛgoṣa*), — около 14 км.

¹⁰⁸ Карабхака (*Karabhaka*) — имя агента Ракшасы — означает «верблюд». В. Рубен предполагает в этой фразе игру слов (см.: *W. Ruben*, ук. соч., стр. 79).

¹⁰⁹ В этом четверостишии автор устами Ракшасы проводит параллель между работой драматурга, сочиняющего пьесу, и государственного деятеля, осуществляющего политическую интригу. При этом автор выказывает свои познания в классической санскритской теории драматургии; здесь дается, собственно, краткое изложение санскритской теории развития драматического действия. Вишакхадатта приводит специальные термины теоретических трактатов: слово «*kāya*» означает «действие» или, точнее, объект действия драмы, конечная цель, стимулирующая развитие действия. Наметить основной объект драматического действия — первоочередная задача драматурга, приступающего к сочинению пьесы, так же как для политика — наметить конечную цель своей интриги. В индийской теории драматургии *kāya* — название последнего из пяти основных элементов действия (*arthaprakṛti*), из которых строится классическая драма (см. *Nāṭyaśāstra*, XIX, 25). Первый из этих пяти элементов называется «семя» (*bīja*); имеется в виду стремление к разрешению определенной задачи, обуславливающее возникновение драматической ситуации и дальнейшее развитие действия. В нашей пьесе термином «*bīja*» может быть определено стремление Чанаки пере-

манить Ракшасу на сторону Чандрагупты. Этому элементу действия соответствует первая, начальная стадия (avasthā) развития действия — «начало» (ārambha); «семя» и «начало» соответствуют первой так называемой связи (saṁdhi) пьесы — «завязке» (mukha). Из пяти (или менее) «связей», согласно теории, и складывается драматическое произведение. Третья «связь», называемая «созревание» (garbha), означает, что драматическая интрига, возникающая из «семени», развиваясь первоначально втайне, подспудно, затем выясняется и определяется ее направление к конечной цели. Четвертая «связь» — «пауза» (vimaṇṣa) — означает кульминационный пункт, перелом в ходе событий, за которым следует «развязка» — т. е. достижение цели (kārya). Термины «bīja», «garbha», «vimaṇṣa», «kārya» приводит Вишакхадатта в разбираемом четверостишии.

¹¹⁰ Рубен указывает, что эта фраза содержится не во всех рукописях, и считает, что она противоречит характеру суеверного Ракшасы (см.: W. R u b e n, ук. соч., стр. 80). Последнее замечание едва ли справедливо. Для Ракшасы именно в высшей степени характерно, что даже воздействующие на его суеверие зловещие предзнаменования не могут воспрепятствовать ему в исполнении того, что он считает своим долгом.

¹¹¹ Слуга говорит на магадхи, языке низших слоев общества (см. предисловие).

¹¹² Первое жертвоприношение в память умершего, согласно древнеиндийскому ритуалу, совершалось по прошествии некоторого срока со дня его смерти; срок этот мог длиться до года. Часто для такого жертвоприношения использовалось как повод какое-либо торжественное событие (W. R u b e n, ук. соч., стр. 82). Малаякету, как явствует из его монолога, откладывает жертвоприношение в память отца до своей победы и мести его убийцам.

¹¹³ В подлиннике здесь множественное число. Имеется в виду не только мать Малаякету, но все жены его отца.

¹¹⁴ В издании Гиллебрандта здесь вместо «со слугами» (sapaṛijano) стоит «с воинами» (sasainiko). Дхрува предлагает чтение «с носильщиками» (saṣaibiko) и полагает, что речь идет о носильщиках царского паланкина (K. H. D h r u v a. Notes. . . , стр. 141).

¹¹⁵ Гиллебрандт указывает, что эта фраза Бхагураяны представляет собой почти дословную цитату из «Артхашастры» Каутилья, 92, 1. (См.: Jahresbericht der Schlesischen Gesellschaft für Vaterländische Kultur, 1908, стр. 15).

¹¹⁶ Следующая сцена представляет довольно характерный для индийской классической драмы прием: один или несколько персонажей подслушивают беседу другой группы действующих лиц, оставаясь незамеченными ими; при этом подслушивающие обмениваются замечаниями, так что на сцене одновременно ведутся два диалога (или диалог и монолог, если подслушивает один). Ср. сцены подслушивания в «Шакунтале» и «Урваши» Калидасы, в «Глиняной тележке» Шудраки и других санскритских пьесах. Ср. также подобные сцены в европейской драматургии.

¹¹⁷ «Шлока» (śloka) — двустишие по 16 слогов в строке; обычный размер санскритской эпической поэзии, называемый также «ануштубх» (anuṣṭubh).

¹¹⁸ Здесь игра слов: kaumuda «ночной лотос» и kaumudī — «праздник полнолуния», собственно «праздник ночного лотоса» (см. прим. ⁷⁷).

^{118a} Эта реплика Бхагураяны и последняя фраза предшествующей реплики Ракшасы отсутствуют в ряде рукописей и изданий.

¹¹⁹ В подлиннике фраза Бхагураяны довольно темна и двусмысленна. Различные рукописи сильно расходятся в этом месте. Другой возможный перевод конца фразы: «советник не видит необходимости в свержении его». Рубен предлагает двойное толкование слова «uddharaṇa» — «свержение» или «спасение». Тогда фразу Бхагураяны можно понять следующим образом: советник не видит какой-либо трудности в спасении его» (т. е. Чандрагупты из рук Чанаки; см.: W. R u b e n, ук. соч., стр. 86).

¹²⁰ Рубен указывает, что этому вопросу посвящено начало 1-й главы 8-й книги «Артхашастры» (см.: W. R u b e n, ук. соч., стр. 89). В некоторых рукописях эта реплика Малаякету отсутствует.

¹²¹ В некоторых рукописях и в издании Гиллебрандта здесь следует:

«М а л а я к е т у. Господин, в особенности — для Чандрагупты.

«Р а к ш а с а. Почему же?

«М а л а я к е т у. Пороки Чанаки. . . [и далее как в нашем переводе].

¹²² Эта реплика Малаякету в некоторых рукописях и изданиях отсутствует.

¹²³ В некоторых рукописях вся эта строфа отсутствует. Рубен предполагает, что это — цитата из «Панчатантры» (Tantrākhyayika, I, 64) или из неизвестного источника, откуда заимствовали авторы обоих текстов (W. R u b e n, ук. соч., стр. 90). Комментарий Дхундираджи указывает, что сравнение заимствовано из практики бродячих жонглеров и скоморохов (nartaka).

¹²⁴ Шона (Ṣoṇa) или Сона — река, впадающая в Ганг вблизи Паталипутры. Слово «Ṣoṇa» — значит «Красная (река)»; отсюда — игра слов в стихотворении: «Красная» река и боевые слоны окрашенные в красный цвет.

¹²⁵ Виндхья (Vindhya) — горная цепь, отделяющая Декан от Северной Индии.

¹²⁶ В некоторых рукописях эта фраза звучит несколько иначе: «Прямвадака, узнай, кто есть сейчас поблизости из звездочетов». Вместо следующего ответа Прямвадаки в издании Гиллебрандта приводится более пространная реплика:

«П р и я м в а д а к а. Как прикажет советник. (*Выходит, видит монаха и возвращается*). Советник, там только нищенствующий монах — звездочет. . .».

¹²⁷ Опять — дурная примета.

¹²⁸ Джайнских монахов особенно презирали и избегали за их наготу и нечистоплотность (см.: K. H. D h r u v a. Notes. . . , стр. 146).

¹²⁹ «Архат» (arhat) — буквально «достойный, заслуженный человек». В буддийской религии архатом именуется будда, достигший высшей степени просвет-

ления, за которой следует уже погружение в нирвану. Архат — высший чин в буддийской духовной иерархии; архатами называли также джайнских монахов.

¹³⁰ «Дхарма» (dharma) здесь — религиозная заслуга.

¹³¹ «Святой человек» (bhadanta) — обычное обращение к буддийским или джайнским монахам.

¹³² «Благочестивый» (sāvagā) (магадхи) — также обращение, характерное для буддистов и джайнистов.

¹³³ Действие этого акта, как явствует из речи монаха, происходит в день полнолуния. Из астрономических рассуждений монаха комментатор — Дхундираджа — делает вывод, что время действия четвертого акта приходится на месяц маргаширша (mārgaśīrṣa — ноябрь—декабрь).

¹³⁴ «Накшатра» (nakṣatra) — в индийской астрономии — созвездие лунного зодиака, стоянка луны. Древние индийцы насчитывали 27, позднее — 28 накшатр, которые рассматривались в мифологии как обители богов и благочестивых людей после их смерти. Эти стоянки луны разделялись на четыре группы, соотносимые с четырьмя сторонами света.

¹³⁵ Монах предлагает Ракшасе выступить в поход вечером, когда, согласно индийской астрологии, наступает время влияния лунной стоянки *pūrva phālguni*. Эта накшатра относится к южной четверти и потому считается благоприятной для путешествия в южном направлении. Восход Будхи — Меркурия, а также внезапный восход и закат Кату — кометы — также считались благоприятными признаками (см. комментарий Дхрувы: К. Н. Dhruva. Notes. . ., стр. 147—148; Рубен, однако, указывает на наличие разночтений в рукописях и сомневается в возможности удовлетворительного истолкования астрологических рассуждений монаха: W. Ruben, ук. соч., стр. 93). В астрологических объяснениях монаха можно усмотреть также игру слов, подобную игре слов в прологе (см. прим.¹⁶) и содержащую скрытый совет Ракшасе перейти на сторону Чандрагупты. Как и в речи театрального руководителя в прологе, здесь под Месяцем (candra) может подразумеваться Чандрагупта, под Будхой — Чанакья, под Кету — Малайкету. Восход Месяца и Меркурия иносказательно намекает на торжество Чандрагупты и Чанакьи, восход и заход Кету — на грядущее поражение Малайкету.

¹³⁶ Имеется в виду точка пресечения горизонта (lagna) зодиакальным знаком (gāṇi); lagna определяется названием планеты, господствующей над данным знаком. Как объясняет монах, выступление в поход в момент пресечения горизонта знаком, подчиняющимся Меркурию (Дхрува считает, что имеется в виду знак mithuna, т. е. созвездие Близнецов), обещает удачу, даже если прочие астрологические приметы неблагоприятны, поскольку в астрологии lagna имеет наибольшее значение (шестидесятичетырехкратное достоинство, в сравнении с четырехкратным значением лунной стоянки и единичным — дня полнолуния).

¹³⁷ «Всемогущая судьба» (bhaavaṁ kaanto) (магадхи). — Слово «kaanto» (скр. kṛtānta) значит «судьба», а также «наука» (т. е. астрология). Таким образом, в ответе монаха содержится игра слов.

¹³⁸ В некоторых рукописях этой фразе предшествует: «Как прикажет советник. (*Уходит, потом возвращается*)».

¹³⁹ Утром тени от деревьев протягиваются в западном направлении, т. е. в направлении движения солнца, что, согласно поэтической метафоре, должно выражать их любовь и преданность солнцу. Вечером тени ложатся в обратном направлении. Под мифическими горами солнечного восхода и заката подразумеваются облака на восточной и западной стороне неба. Сходное по содержанию стихотворение имеется у знаменитого поэта VII в. Бхартрихари (Nīṭiṭāṭaka, 62). Гиллебрандт считает, что Бхартрихари заимствовал идею стихотворения у Вишакхадатты (см.: Jahresbericht der Schlesischen Gesellschaft für vaterländische Kultur. 1908, стр. 27).

¹⁴⁰ Заглавие четвертого акта, приводимое в некоторых рукописях: «Деятельность Ракшасы» (Rākṣasayoga).

¹⁴¹ Уилсон находит, что стиль этой строфы неестествен для поэзии того периода, к которому относится драма. Однако Теланг указывает, что выражение «древо политики» (nīṭipādara) встречается у Калидасы (Mālavikāgnimitra) и у Бхавабхутти (Viracarita) (см.: Изд. Теланга, стр. 354). «Место и время» (deṣa-kāla), т. е. умение выбирать нужный момент и нужное место для действия, считалось одним из пяти элементов, составляющих успешную государственную политику (см.: К. Н. D h r u v a. Notes. . . , стр. 152). Для европейского читателя поэтические метафоры этой строфы кажутся, конечно, чрезмерно тяжелыми и искусственными.

¹⁴² Ср. выше испуг Ракшасы по тому же поводу (прим. ¹²⁷).

¹⁴³ Определенные созвездия (nakṣatra) считались неблагоприятными для бритья бороды или головы.

¹⁴⁴ Как полагает Дхрува, ссылаясь на «Padyacūdāmaṇi» (VIII, 34), имеется в виду печать, которую ставили цветными чернилами на платье получающего пропуск (см.: К. Н. D h r u v a. Notes. . . , стр. 154).

¹⁴⁵ Стражники (gummāhiāria) (магадхи; санскр.: gūlpādhikārika) — от «Gulma» — нечто вроде сельского полицейского участка (Изд. Теланга, стр. 355).

¹⁴⁶ В подлиннике слово «piśāca» (санскр.: piṣāca). Ракшаса (rākṣasa) в индийской мифологии — дьявол, злой демон-людоед или ночной призрак, обитающий на кладбищах. Пишачи, так же как и ракшасы — род демонов, злых духов. Созвучие имени героя пьесы с именем мифических «ракшасов» лежит в основе игры слов в тексте.

¹⁴⁷ В подлиннике слово «graveṣaka», род интермедии, в котором, согласно санскритской теории драмы, могут действовать только персонажи низкого ранга, говорящие на пракритах (Nāṭyaśāstra, XVIII, 26, 86; XIX, 108). Это условие и соблюдено в нашей интермедии.

¹⁴⁸ Т. е. к Чандрагупте. Малаякету боится, что сама преданность роду Нанды может стать причиной измены Ракшасы.

¹⁴⁹ Та же игра слов, что и в интермедии (см. прим.¹⁴⁶).

¹⁵⁰ Эта реплика отсутствует в некоторых рукописях и изданиях.

¹⁵¹ Это место по-разному толкуется различными комментаторами и переводчиками. В подлиннике: «... *subhnmukhād ripum adhikṛtya bhāṣitam*». Дхундираджа объясняет: «весть о враге моем (т. е. Ракшасе) из уст моего друга (т. е. Дживасиддхи)». Теланг: «То, что сказал о враге моем (Чандрагупте) его друг (Ракшаса)». Дхрува: «Весть о враге моем (Ракшасе) из уст его друга (Дживасиддхи)». Последнее толкование представляется наиболее естественным.

¹⁵² Та же игра слов, что и выше (см. прим.¹⁴⁶).

¹⁵³ Эта строка (*Āpāntīe guṇesu dosesu parammuhaṁ kupāntīe...*) также толкуется и переводится различно. Дхрува: «... Отвращающей наш взор от достоинств и от пороков нашей миссии» (т. е. уничтожающей различие между добром и злом для слепо преданных исполнителей воли господина); Кале: «Делающей (любую миссию) добродетельной и отвращающей наш взор от грехов» (т. е. по существу тот же смысл, что и в предыдущем толковании); Валимбе: «Ведущей к достоинствам и делающей (нас) равнодушными к грехам». В нашем переводе мы принимаем толкование Рубена (W. R u b e n, ук. соч., стр. 104).

¹⁵⁴ Как указывает Дхрува, секретная корреспонденция в древней Индии обычно составлялась намеренно в туманных и неопределенных выражениях. Ключом к секретному письму являлось устное толкование доверенного посланца (*vācika*). Дхрува ссылается на «*Nāgāvalī*» (54 и 167). В обычае было также посылать с письмом высокопоставленному лицу подарки. (См.: К. Н. D h r u v a. Notes... , стр. 158).

¹⁵⁵ Комментарий Дхундираджи указывает, что в этом ответе содержится намек на истинное положение вещей.

¹⁵⁶ Эта строфа представляет собой рассуждение, построенное по элементарным правилам индийской средневековой логики (*nyāya*). Ракшаса следует традиционному индийскому силлогизму: на холме виден дым; везде, где есть дым, есть огонь (как, например, в кухне, но не в пруде, где не может быть огня и нет дыма), следовательно, в холме заключен огонь. В этом рассуждении дым есть «*sādhana*» — термин, соответствующий в европейской логике среднему термину. То, наличие чего должно быть доказано (т. е. огонь), в индийской логике именуется «*sādhya*» — больший термин. Меньший термин (холм) именуется «*pakṣa*». Кухня, как пример, согласующийся с меньшим термином, называется «*sapakṣa*», пруд, как противоположный пример, — «*vipakṣa*». Согласно традиционной индийской логике, средний термин в правильном рассуждении должен: 1) быть свойственным меньшему термину (*pakṣa*); 2) присутствовать в «возможном случае» (*sapakṣa*) 3) отсутствовать в «невозможном случае» (*vipakṣa*); 4) не опровергаться другими средствами доказательства; 5) не опровергаться противоположной причиной. Средний термин должен быть постоянно подтвержден в большой посылке, т. е.

должен постоянно соединяться с большим термином в утвердительном предложении. Далее Ракпаса приводит пример из учения о так называемых мнимых основаниях (которое излагалось различными школами индийской логики различно). Если средний термин сам является большим термином, т. е. большая посылка не доказана, если средний термин наличествует как в *sarakṣa*, так и в *virakṣa*, и если средний термин не сочетается с меньшим (т. е. на холме нет дыма) — все рассуждение считается неправильным.

Комментарий Дхундираджи усматривает в этой строфе игру слов и двойной смысл. Подставляя под логические термины значения политических, Дхундираджа предлагает следующее толкование: «Когда политика (Чанакья) определена для своей цели (утверждения власти Чандрагупты); связана с последствием (искоренением Нандов); обеспечена своей партией (т. е. Бхагураяной, Бхадрабхатой и др.), но не партией противника (т. е. Малаякету) — она ведет к успеху. Но то, что само по себе сомнительно (т. е. наше войско, пополнившееся перебежчиками), что кажется благосклонным к обеим партиям, но в действительности враждебно именно партии (Малаякету) — ведет к поражению. Толкование Дхундираджи представляется натянутым и непоследовательным; Рубен справедливо предполагает, что автор в этой строфе имел в виду только логическое рассуждение (W. R u b e n, ук. соч., стр. 108).

¹⁵⁷ Кхасы (*khasa*, *khaṣa*) — горные племена, обитающие на северо-востоке Бенгалии. Гандхара (*Gāndhāra*) — в древности область на северо-западе Индии, в районе современного Кандагара и Пешавара. «Cīna» — переводят обычно как «китайцы», однако возможно, что здесь речь идет всего лишь о некоторых горных племенах Гималаев (см.: Изд. Теланга, Introduction, стр. 31—32); гунны (*hūna*) — анахронизм; имеются в виду белые гунны — эфталиты, появившиеся в Индии только в эпоху династии Гупта. Скифы (*śaka*) установили свое господство в северной Индии в I в. до н. э. О прочих народностях, упоминающихся в этой строфе, см. выше, прим. ³⁴ и ⁶⁵. Рукописи дают разночтения в этом месте. Вместо «магадские и кхасские» Дхрува в своем издании приводит: «кхасские и шабарские» (*khasaśabara*). Шабары — племена, обитавшие в лесах Виндхья. Теланг предполагает, что вместо «магадские» должно было стоять «магарские» (*magara*); магары обитали по соседству с кхасами в Гималаях. Вместо «китайцы» (*cīna*) в издании Гиллебрандта согласно некоторым рукописям стоит «чеди» (*śeḍi*) — народ, заселявший территорию современного Бунделькханда.

¹⁵⁸ «Cīraḍaṛṣaṇepāṅgasya vayan udvignaḥ» — Дхундираджа усматривает в этой реплике скрытый смысл: «Твой вид теперь причиняет нам боль».

¹⁵⁹ В издании Гиллебрандта: «... через пять дней...».

¹⁶⁰ В одной из рукописей эту фразу произносит Малаякету.

¹⁶¹ В ряде рукописей и в издании Теланга вместо этой реплики стоит:

«П р и в р а т н и ц а. И перстень с печатью, черевич?»

¹⁶² Дхундираджа объясняет: сам он (Шакатадаса) был в безопасности, но семья его оставалась в тюрьме.

¹⁶³ Рубен указывает для сравнения на сцену суда в «Mṛcchakaṭikā», где Чарудатта также отказывается от оправданий. Однако, как справедливо замечает Рубен, у Шудраки поведение героя более мотивировано: Чарудатта боится поведать правду, чтобы не выдать суду бежавшего мятежника Арьяку (W. R u b e n, ук. соч., стр. 114). Ракшаса же просто впадает в отчаяние и теряет надежду на благополучный исход дела.

¹⁶⁴ Некоторые рукописи добавляют: «Это судьбою свершено, а не Чанакьей».

¹⁶⁵ Три цели см. прим.¹³. Дхундираджа объясняет, что подобным сравнением Малаякету доказывает собственную порочность.

¹⁶⁶ Пыльца лодхры (lodhra: Symplocos Racemosa) употреблялась в Индии как косметическое средство.

¹⁶⁷ Гаудянки — жительницы Гауды (Gaṇḍa — современный Гаур), страны, охватывающей центральные районы Бенгалии вплоть до границы с Ориссой.

¹⁶⁸ Заглавие пятого действия: «Поддельное письмо» (Kūṭalekha).

¹⁶⁹ Кешава (keśava) — «длинноволосый» или «прекраснокудрый» — один из эпитетов Кришны-Вишну. Кешин (keśin) — «обладающий гривой» — имя демона, обитавшего в лесах в образе дикой лошади и устранившего пастухов. В «Махабхарате» рассказывается о подвиге Кришны, умертвившего Кешина.

¹⁷⁰ В некоторых рукописях и изданиях имя этого персонажа — Самриддхартхака (Samṛddhārthaka).

¹⁷¹ В некоторых рукописях начиная отсюда текст последующих шести реплик опущен.

¹⁷² В издании Гилленбрандта: «... как течение Ганги»; Дхрува, однако, находит это сравнение неестественным (K. H. D h r u v a, Notes. . . , стр. 170).

¹⁷³ Здесь опять имеются в виду мускусные истечения у словов, неоднократно упоминаемые в индийской литературе (см. прим.⁴⁶).

¹⁷⁴ В некоторых изданиях имя соглядатая — Ундура (Undura).

¹⁷⁵ Чандалы (caṇḍāla) — низшая, наиболее отверженная и презираемая из смешанных каст: рожденные от отца-шудры и матери-брахманки. В древней Индии обязанности палачей исполняли обычно чандалы.

¹⁷⁶ Эта интермедия также относится к типу «graveśaka» (см. прим.¹⁴⁷).

¹⁷⁷ Шесть традиционных способов (śaḍguṇāḥ) внешней политики или ведения войны суть следующие: мир (saṁdhi); война (vighraha); поход (yāna); укрепленный лагерь (āśana); разделение сил (dvaidhī-bhāva); союз с более сильным царем (saṁśraya).

¹⁷⁸ Т. е. с Парватешварой.

¹⁷⁹ Т. е. Чанакья.

¹⁸⁰ Некоторые рукописи добавляют здесь слово «Малаякету». «Варвар» (mleccha) — не ариец, иноземец; древние индийцы употребляли это слово приблизительно в том же значении, что и древние греки.

¹⁸¹ Дхундираджа объясняет эти сравнения: славный род — род Нанды; несчастливец, гонимый судьбою, — Ракшаса; невежда — Малаякету, одураченный Бхагураяной.

¹⁸² Самоубийство после гибели друга — мотив, распространенный в индийской литературе (см. «Приключения десяти принцев» Дандина). Вообще самоубийство считалось тяжким грехом для религиозного индуса.

¹⁸³ В различных рукописях здесь различные варианты: «в царевну», «в жену другого», «в прекрасную женщину».

¹⁸⁴ Т. е. покончить с собой из-за любви к женщине.

¹⁸⁵ Ракшаса употребляет то же сравнение, что и Чанакья в первом действии (см. прим. 44).

¹⁸⁶ Далее в некоторых изданиях реплики следуют в несколько ином порядке. В изданиях Гиллебрандта и Дхрувы начиная отсюда следует: «... так окажи мне милость и удали сомнение. (*Падает ему в ноги*)». Затем реплика Ракшасы: «Да, это я. . .» и т. д.; затем: «Человек (*опять падает ему в ноги, с радостью*)». О, чудеса! Мои желания исполнились! Ракшаса. Встань, встань! . . [и т. д]. Человек. Да окажет мне милость превосходительный советник. . .» и т. д., как в нашем тексте.

¹⁸⁷ Т. е. поддельное письмо, переписанное Шакатадасой.

¹⁸⁸ В издании Дхрувы здесь приводится заглавие шестого акта: «Мнимая петля» (Karaṭarāṣa).

¹⁸⁹ Можно перевести также: «кто согрешит. . .». Грехи навлекают на людей эпидемии (как указывает Рубен, ссылаясь на Чараку; см.: S. N. Dasgupta. A History of Indian Philosophy, vol. 2. Cambridge, 1932, стр. 408).

¹⁹⁰ В большинстве рукописей и изданий вся эта реплика приписывается Чанданадасе. Мы следуем здесь изданию К. Дхрувы.

¹⁹¹ Две последующие реплики отсутствуют в некоторых рукописях.

¹⁹² Самоубийство жены после смерти супруга считалось весьма похвальным поступком с точки зрения религиозной морали. Женщины высших каст, добродетельные жены (satī) сжигали себя на погребальном костре своего мужа. Обычай самосожжения вдов, как известно, был распространен в средневековой Индии.

¹⁹³ «Откинув занавес» (apatikṣepa) — специальный термин; в практике индийского классического театра — условный жест, означающий, что действующее лицо входит внезапно или стремительно.

¹⁹⁴ В некоторых рукописях и в издании Гиллебрандта здесь вместо «палачи» (cūlāyatanāḥ) — «полководец, генерал» (senāpate). Ракшаса мог назвать чандалу «генералом» с целью польстить ему и расположить в свою пользу; это естественно для Ракшасы, готового на все ради спасения Чанданадасы.

¹⁹⁵ См. прим. 74.

¹⁹⁶ Это место свидетельствует, что во времена Вишакхадатты буддизм пользовался еще большим авторитетом в Индии даже среди последователей иных религий.

¹⁹⁷ Век Кали (kaliyuga), «железный век» — последний из четырех мировых периодов (yuga), составляющих в индийской мифологии «великую югу» (mahāyuga) Век Кали — «наше время», худший из мировых периодов, век греха.

¹⁹⁸ Ушинары (uśīnaga) — древний народ, обитавший в центральной Индии. Царь ушинар — легендарный Шиби (см. прим.⁴⁴).

¹⁹⁹ Греческий плащ (javanika). — Дхрува переводит «кольчуга» (coat of mail) и объясняет, что Чанакья появляется прямо с поля битвы, не успев снять вооружение (см.: К. Н. D h r u v a. Notes. . . , стр. 182).

²⁰⁰ Каста чандалов считалась неприкасаемой (см. прим.¹⁷⁵).

²⁰¹ Начиная отсюда две последующие реплики отсутствуют в некоторых рукописях.

²⁰² В подлиннике текст этой строки неясен и толкуется различно. Некоторые переводчики считают, что под учителем здесь подразумевается Чанакья, другие — что речь идет лишь о Ракшасе (см. перевод Дхрувы в его издании, стр. 92).

²⁰³ По некоторым рукописям и по изданию Гиллебрандта здесь следует: «(Ракшаса размышляет).

«Ч а н а к ъ я.

От Маурьи в лес ухожу я отшельником, министром тебя
назначаю

Как Индра да царствует Чандра над странами с тобою,
советником мудрым.

«Р а к ш а с а. О Вишнугупта, нет, это невозможно! [и т. д. как в нашем тексте]».

Индра — древнее ведическое божество, властитель неба и глава богов; в индийской классической литературе с ним особенно часто сравнивают царей и завоевателей.

²⁰⁴ Гиллебрандт в своем издании помещает эту строфу в другом месте, а именно, непосредственно перед заключительной репликой пьесы (см. ниже, прим.²⁰⁹).

²⁰⁵ По изданию Гиллебрандта здесь следует двустопное:

«Мой ум, твоя удача, Ракшасы отвага —

«Когда объединились бы в триаду, победить могли бы Индру».

²⁰⁶ По некоторым рукописям начиная отсюда следует:

«С л у г а. Как прикажет советник. (Уходит).

«Ч а н а к ъ я. Чандрагупта, что еще могу я сделать для тебя приятное?

«Ц а р ь. Что может быть еще приятнее. . . [и т. д. (см. последнюю реплику царя в нашем тексте)].

«Ч а н а к ъ я. Виджая, передай начальнику крепости Виджаяпалаке, что государь Чандрагупта, обрадованный переходом к нам советника Ракшасы, приказывает: пусть снимут узы со всех. . . [и т. д., как в нашем тексте, до конца реплики Чанаки. Затем следует:]

«Ц а р ь. Что может быть еще приятнее для нас? Если вы еще не удовлетворены, послушайте заключительное слово пьесы. . . [после чего следует заключительная строфа]».

²⁰⁷ «Законы Ману» (VII, 102) рекомендуют царю по случаю победы над врагом объявлять нечто вроде всеобщей амнистии (W. R u b e n, ук. соч., стр. 145).

²⁰⁸ Традиционная реплика перед окончанием пьесы; в индийской теории драматургии обозначается специальным термином, «kāvyaśaṁhāga» или «urasaṁhāga». Этот вопрос одно из действующих лиц должно задать герою пьесы.

²⁰⁹ В издании Гиллебрандта здесь следует: «Р а к ш а с а (*про себя*). Еще к Нанде любовь. . . » и т. д. (см. выше. прим. ²⁰⁴); заключительная же реплика приписывается Чанакье.

²¹⁰ Также традиционная реплика, почти всегда приводимая в этом месте в индийских классических драмах. После нее следует заключительная строфа, «заключительное слово пьесы», обозначаемое специальным термином «bharata-vākyā».

²¹¹ Согласно индийской мифологии Вишну неоднократно спускался на землю, воплощаясь в различных образах, ради спасения земли и человечества в годы великих катастроф и бедствий. Третьим воплощением или аватарой (avatara) Вишну было его воплощение в образе Вепря (varāha). Во время всемирного потопа, рассказывают легенды, Вишну, воплотившийся в образе Вепря поднял на одном из своих клыков землю, утопавшую в водных глубинах.

²¹² В этом месте различные рукописи дают разные имена: Чандрагупта, Авантиварман, Дантиварман, Рантиварман. Из них два последних отвергаются большинством исследователей. Об Авантивармане и Чандрагупте см. предисловие к нашему переводу. Трудно решить также, кто подразумевается здесь под иноземцами (mleccha).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
«Мудраракшаса или Перстень Ракшасы» (Перевод с санскрита В. Г. Эрмана)	5
Приложения	
Перевод отрывков из других пьес Вишакхадатты (перевод В. Г. Эрмана)	119
Вишакхадатта и его драма «Перстень Ракшасы» («Mudrārākṣasa») (В. Г. Эрман)	123
Комментарии (В. Г. Эрман)	147

Вишакхадатта

МУДРАРАКШАСА ИЛИ ПЕРСТЕНЬ РАКШАСЫ

*

*Утверждено к печати редколлегией серии
"Литературные памятники"*

*

Редактор издательства *В. А. Браиловский*
Технический редактор *А. Н. Кругликова*
Корректоры *Л. М. Романова* и *Б. Р. Флакс*

Сдано в набор 2/VII 1959 г. Подписано к печати 23/XI 1959 г.
РИСО АН СССР № 5—100В. Формат бумаги 70×92/16. Бум.
л. 5½. Печ. л. 11=12.87 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 8.71 Изд.
№ 977. Тип. зак. № 254. М-56010. Тираж 3000.

Цена 7 р. 20 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР.
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1.

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
34	11 снизу	в вас	в нас
74	1 сверху	и советник	иль советник
82	17 »	со словами	со слезами
88	9 »	также	так же
161	10 »	со стороны,	со стороны

Мудраракшаса

75-206